

Том 17, № 4, 2024 год

Экономика. Налоги. Право

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67075
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control:
ПИ No. ФС77-67075
of September 15, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель:

Финансовый университет

Founder:

Financial University

Журнал ориентирован на научное обсуждение актуальных проблем в сфере **экономики, налогов и права**

The journal is oriented towards scientific discussion of present-day topics in the sphere of **Economics, Taxes and Law**

Журнал входит в высшую категорию К1 Перечня периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям 5.1.2, 5.2.3, 5.2.4, 5.2.5, 5.2.6, 5.2.7

The journal is included in the highest category K1 of the List of periodical scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main results of dissertations for the degrees of Candidate and Doctor of Sciences in scientific specialties 5.1.2, 5.2.3, 5.2.4, 5.2.5, 5.2.6, 5.2.7

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

The journal is included into the system of Russian Science Citation Index

Журнал распространяется только по подписке. Подписной индекс 81303 в объединенном каталоге «Пресса России»

The journal is distributed only by subscription. Subscription index 81303 in the consolidated catalogue "The Press of Russia"

Vol. 17, No. 4, 2024

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

WorldCat®

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия, Заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия

АДВОКАТОВА А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия

БЕРНС У., доктор права, профессор школы имени Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

ВИННИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

ГОЛОВНЕНКОВ П.В., доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Россия

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ИВАНОВ Ю.Б., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра промышленных проблем развития НАН Украины, Харьков, Украина

КИРЕЕВА Е.Ф., доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

КРАСЮКОВА Н.Л., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург, Владивосток, Россия

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

ПАНСКОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия

ПИНСКАЯ М.Р., доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, Москва, Россия

ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ПОПОВА А.В., доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, декан юридического факультета, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

СОЛЯНИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

ХЕЛЛЬМАНН У., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов, Москва, Россия

Рукописи представляются
в редакцию по электронной почте:
eknalogpravo@mail.ru

Минимальный объем статьи –
3 тыс. слов; максимальный – 4 тыс. слов.

Редакция в обязательном порядке осуществляет
экспертную оценку (рецензирование, научное
и стилистическое редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале.

Более подробно об условиях публикации
см.: www.etl.fa.ru

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Head of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

ADVOKATOVA A.S., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia

BYRNES W., Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

GOLOVNENKOV P.V., Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russia

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

IVANOV YU.B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

KIREEVA E.F., Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

KRASUYKOVA N.L., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Financial University, Moscow, Russia

KUNITSYNA N. N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

MAIBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia

PINSKAYA M.R., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia, Moscow, Russia

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia

POPOVA A.V., Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. (Econ.), Associate Professor, Vice-rector for scientific work, Financial University, Moscow, Russia

HELLMANN U., Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russia

Manuscripts are to be submitted
to the editorial office in electronic form:
eknalogpravo@mail.ru

Minimal size of the manuscript:
3 ths words; maximum – 4 ths words.

The editorial makes a mandatory expertise
(review, scientific and stylistic editing)
of all the materials to be published
in the journal.

More information on publishing terms
is at: **www.etl.fa.ru**

Журнал «Экономика. Налоги. Право»

Главный редактор

Л.И. Гончаренко,

д-р экон. наук

Заведующий редакцией

научных журналов

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор

В.А. Чет

Корректор

С.Ф. Михайлова

Верстка

С.М. Ветров

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Письменное согласие
редакции при перепечатке,
а также ссылки при
цитировании на журнал
«Экономика. Налоги. Право»
обязательны.

Оформление подписки
в любом отделении
«Почта России»
по объединенному каталогу
«Пресса России» – подписной
индекс **81303** или в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80),
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:

125167, Москва,
Ленинградский пр-т,
дом 53, комн. 5.1

Телефон:

8 (985) 964-85-72

<http://www.etl.fa.ru>,

E-mail: ekنالогpravo@mail.ru

Подписано в печать:

09.08.2024

Формат 60×84 1/8

Заказ № 978

Отпечатано в отделе

полиграфии Финуниверситета,
Москва, Ленинградский пр-т,
д. 49

ТЕМА ДНЯ

О.С. Сухарев

Развитие высшего образования в России: парадигма фундаментальности 6

Д.Г. Сандлер, К.А. Данилова, Ю.А. Мальцева

**Конкурентоспособность и характер экономической модели вуза:
эмпирические закономерности реализации программы «Приоритет-2030» 17**

Ю.Б. Рубин, Д.П. Можжухин

**Факторы конкурентоспособности высших учебных заведений
в сфере обучения предпринимательству 31**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

М.В. Полевая, А.А. Чуб, Л.А. Жигун, И.Н. Белогруд,

Г.Г. Руденко, А.А. Федченко, Ю.С. Колесникова

**Влияние рейтингов на эффективность управления деятельностью вузов
и подготовки высококвалифицированных кадров 42**

А.И. Землин, Е.Г. Багреева, С.В. Карпова, О.М. Землина

**Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля
(надзора) на транспорте в условиях санкций 53**

М.Л. Горбунова, А.С. Логинова, Ю.А. Гриневич, Т.С. Морозова

**Интернационализация основных программ высшего образования
в современных условиях 64**

Т.Н. Бурделова

**Новые возможности участия граждан в инициативном финансировании
бюджетов общеобразовательных школ 82**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

И.Ю. Ильина

**Формирование конкурентных стратегий преподавателей российских вузов
в условиях цифровизации образования 92**

И.З. Ярыгина

**Методы предметной аналитики в высшем образовании как факторы
формирования компетенций профессорско-преподавательского состава 102**

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

А.А. Гусев, Е.В. Медведева, А.С. Григорьева

**Прогнозирование изменений на российском рынке труда в сфере
информационных технологий до 2029 года 111**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.А. Костин

**Обеспечение технологического суверенитета России посредством
таможенных инструментов 123**

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

А.С. Адвокатова, А.А. Пугачев

**Налоговый вычет на обучение как фактор стимулирования спроса
на платные образовательные услуги 134**

Л.В. Полежаева, Д.М. Волков

Зарубежный опыт фискальных механизмов преференциальной экономики. . . 145

ПРАВО

С.А. Агамагомедова

**Российские университеты как источники инноваций:
теоретико-правовые аспекты 155**

А.В. Попова

**Технопарки как средство достижения национальных целей экономического
развития России. 163**

TOPIC OF THE DAY*O.S. Sukharev***Development of Higher Education in Russia: The Fundamental Paradigm** 6*D.G. Sandler, K.A. Danilova, Yu.A. Maltseva***Competitiveness and the Nature of the Economic Model of the University: Empirical Patterns of the Implementation of the Priority 2030 Program**..... 17*Yu.B. Rubin, D.P. Mozhzhukhin***Factors of Competitiveness of Higher Educational Institutions in the Field of Entrepreneurship Education** 31**ECONOMICS AND MANAGEMENT***M.V. Polevaya, A.A. Chub, L.A. Zhigun, I.N. Belograd, G.G. Rudenko, A.A. Fedchenko, Y.S. Kolesnikova***The Impact of Ratings on the Effectiveness of University Management and Training of Highly Qualified Personnel** ... 42*A.I. Zemlin, E.G. Bagreeva, S.V. Karpova, O.M. Zemlina***Continuing Education as a Condition for Improving the Effectiveness of Control (Supervision) in Transport under Sanctions** 53*M.L. Gorbunova, A.S. Loginova, Yu.A. Grinevich, T.S. Morozova***Internationalization of Basic Higher Education Programs in Modern Conditions** 64*T.N. Burdelova***New Opportunities for Citizens to Participate in the Initiative Financing of the Budgets of Secondary Schools**..... 82**STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION***I.Yu. Ilyina***Formation of Competitive Strategies for Teachers of Russian Universities in the Context of Digitalization of Education** 92*I.Z. Yarygina***Methods of Subject Analysis in the Higher Education System as Factors in the Formation of Competencies of the Teaching Staff** 102**REGIONAL ECONOMY***A.A. Gusev, E.V. Medvedeva, A.S. Grigorieva***Forecasting Changes in the Russian Labor Market in the Field of Information Technology until 2029** 111**WORLD ECONOMY***A.A. Kostin***Ensuring Russia's Technological Sovereignty through Customs Instruments**..... 123**TAXES AND TAXATION***A.S. Advokatova, A.A. Pugachev***The Tax Deduction for Tuition as a Factor in Stimulating Demand for Paid Educational Services**..... 134*L.V. Polezharova, D.M. Volkov***Foreign Experience of Fiscal Mechanisms of Preferential Economy** 145**LAW***S.A. Agamagomedova***Russian Universities as Sources of Innovation: Theoretical and Legal Aspects** 155*A.V. Popova***Technoparks as a Means of Achieving the National Goals of Russia's Economic Development** 163

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-6-16
УДК 378.1(045)
JEL I25, I28

Развитие высшего образования в России: парадигма фундаментальности

О.С. Сухарев

Институт проблем развития науки Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – основополагающие проблемы развития высшего образования в России, обусловленные необходимостью нейтрализации действия разрушительных реформ 1990-е гг. и обеспечения возврата к базовым принципам фундаментального, а не компетентностного подхода к подготовке высококвалифицированных специалистов. *Цель работы* – выявление потребностей в обратном переходе от компетентностного к фундаментальному подходу к образованию с развертыванием кадрового планирования на макроэкономическом уровне управления российским государством. *Методологию исследования* составляют сравнительный институциональный анализ, концептуальные подходы к оценке влияния высшего образования на экономическое развитие. *Сделан вывод* о том, что применение Болонской системы образования стало причиной подрыва конкурентоспособности российских вузов, снижения эффективности подготовки высококвалифицированных специалистов. Возник эффект выхолащивания процедур подготовки кадров высшей квалификации, увеличилась дисфункция в деятельности высшей школы России, обусловленная отсутствием на федеральном уровне планирования подготовки кадров для национального хозяйства. *Результат анализа* состояния высшей школы сводится к тому, что в отношении России следует реализовать доктрину социализации высшего образования в полном соответствии с Конституцией как базовым источником российской правовой системы, где Россия именуется социальным государством. Это означает равный и бесплатный доступ к высшему образованию, обеспечивающему воспроизводство национальных кадров (а не оказание услуг), вне привязки к уровню личного дохода. Тем самым в стратегическом измерении требуются укрепление государственного высшего образования, предусматривающего элиминирование частных форм организации этой деятельности, показавших свою неэффективность, и установление общего вектора на деэлитизацию высшего образования. *Сделан вывод* о том, что основной акцент в обучении кадров должен быть сделан на повышение наукоемкости и исследовательской составляющей высшего образования по различным специальностям. Требуется подготовка значительного числа специалистов в каждой области экономики с усилением их общей фундаментальной подготовки. Полезно воссоздание системы трудоустройства специалистов в государственном и частном секторах экономики.

Ключевые слова: высшее образование; институциональные реформы; компетенции; фундаментальное образование; спрос на кадры; доктрина социализации

Для цитирования: Сухарев О.С. Развитие высшего образования в России: парадигма фундаментальности. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):6-16. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-6-16

Development of Higher Education in Russia: The Fundamental Paradigm

O.S. Sukharev

Institute of Problems of Science Development Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the fundamental problems of the development of higher education in Russia, due to the need to neutralize the destructive reforms implemented in the 1990s, ensuring a return to the basic principles of fundamental, rather than competence-based education. *The purpose of the work* is to identify the needs for a reverse transition from competencies to fundamental education with the deployment of personnel planning at the macroeconomic level of management of the Russian state. *The research methodology* consists of comparative institutional analysis, conceptual approaches to assessing the impact of higher education on economic development. *It is concluded* that the application of the Bologna education system has caused the undermining of the competitiveness of Russian universities, reducing the effectiveness of training highly qualified

© Сухарев О.С., 2024

specialists. There was an effect of emasculating the procedures for training highly qualified personnel, and dysfunction in the activities of higher education in Russia increased. This was facilitated by the lack of planning at the federal level for the training of personnel for the national economy. *The result of the analysis* boils down to the fact that in relation to Russia, the doctrine of socialization of higher education should be implemented in full accordance with the Constitution as the basic source of the Russian legal system, where Russia is called a social state. This means equal and free access to higher education, which ensures the reproduction of national personnel (and not the provision of services), regardless of the level of personal income. Thus, in the strategic dimension, it is necessary to strengthen public higher education, which provides for the elimination of private forms of organization of this activity that have shown their inefficiency, and the establishment of a common vector for the de-elitization of higher education. *It is concluded* that the main emphasis in personnel training should be placed on increasing the knowledge intensity and research component of higher education in various specialties. It requires the training of a significant layer of specialists in each field with the strengthening of their general fundamental training. It is useful to recreate the system of employment of specialists in the public and private sectors of the economy.

Keywords: higher education; institutional reforms; competencies; fundamental education; demand for personnel; doctrine of socialization

For citation: Sukharev O.S. Development of higher education in Russia: The fundamental paradigm. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):6-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-6-16

ВВЕДЕНИЕ

Рывок в будущее, обеспечению которого способствует освоение нового технологического уклада в России, а в мире — организация иной мирохозяйственной архитектуры, возможен, согласно С.Ю. Глазьеву, только в случае, если будет постоянно повышаться профессиональный уровень, потенциал и возможности высшего образования [1].

Необходима передача знаний следующим поколениям в режиме их наращивания и расширения, в частности интеллектуальных способностей, при сохранении духовно-нравственных ценностей, т.е. нравственных ориентиров, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности. В противном случае возникает возможность попадания в ловушку, которую выявил и обозначил в 1912 г. И.И. Янжул в своей статье «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)»: «Сколько бы школ в России ни настроили, но пока не поднимется у нас развитие и значение честности, нельзя ожидать успешного хода общего благосостояния...» [2, с. 349]. По его мнению, благосостояние людей может снижаться в силу недостатка их просвещенности и честности, поскольку без данных добродетелей не развиваются ни промышленность, ни торговля.

Конечно, основы нравственности и честности закладываются в средней школе, но получить высококвалифицированного специалиста с высшим образованием проблематично в атмосфере бессовестности: отсутствия у людей каких-либо моральных и нравственных ценностей, которые во многом создаются капиталистическими институтами, формирующими стремление у индивидуумов к достижению максимальной прибыли

любыми возможными и невозможными способами для того, чтобы у них появилось не чувство глубокого доверия к миру, а желание к нарушению нравственных императивов и норм честного поведения¹.

Знания обладают уникальным свойством — они увеличивают благосостояние агентов, представляемое в виде двух частей — материального благополучия и информационного обеспечения, если рассматривать этот параметр как набор идей и профессиональных навыков. Так, если два человека, у которых имеется по яблоку, обмениваются ими, то у каждого из них количество яблок не увеличивается — остается по одному яблоку. Однако если два человека обладают разными идеями и они ими обмениваются, то каждый из них обогащается еще одной идеей и в результате обмена будет обладать уже двумя идеями вместо одной до обозначенного обмена (принцип Бернарда Шоу²). Затем эти идеи могут вступать в комбинацию и на их базе возникать следующие идеи. Это и есть процесс рождения нового знания, в котором высшее образование как система передачи идей и уже имеющихся знаний играет основополагающую роль.

¹ Поэтому в западной литературе в 1970-е гг. стала активно муссироваться тема доверия, а в 1990–2000-е гг. масштаб исследований в области контрактной теории (contractual trust) — соблюдения каждой стороной устных или письменных договоренностей — получил еще больший размах. Это своеобразные усилия теоретического характера, иницируемые интеллектуальными кругами капиталистических стран для обуздания и сохранения капиталистической системы.

² Это свойство впервые подметил драматург Бернард Шоу, однако он не перенес его на образование в виде некоего принципа синергетики знаний.

Фундаментальный принцип передачи знаний гласит: ученик к моменту окончания обучения должен превосходить по уровню знаний учителя. Смягченный вариант этого принципа постулирует, что эта цель может быть достигнута к концу жизни учителя или к моменту творческого расцвета ученика. Однако социальный прогресс, т.е. переход от низшего к высшему состоянию, происходит в ситуации, когда принцип передачи знаний соблюдается. Если же новое поколение не превосходит предыдущее по своим интеллектуальным способностям и умению распоряжаться расширяющимися знаниями, исчезает повод говорить об общественном прогрессе, поскольку качество и профессионализм следующих поколений будут не возрастать, а уменьшаться (мнение академика Л.И. Абалкина³). Можно предположить, что при потере нравственной основы и честности в обществе знания будут подвергаться риску потери, а темп их наращивания, генерации и использования может тормозиться.

Реализация фундаментального принципа передачи знаний должна лежать в основе организации всего процесса образования, причем высшее образование не является исключением. Важно установить, какие именно знания необходимо передавать, в каком объеме, с какой скоростью, как проверять их усвоение и возможность наращивания. Важно также решение вопроса о выявлении талантов учеников, раскрытии их способностей по освоению профессии и соответствующих ей знаний.

Имеет также весомое значение обратная связь от ученика к учителю, атмосфера, в которой происходят освоение и усвоение знаний, распространение новых идей, восприятие которых зависит не только от способностей, талантов индивидуумов, но и от состояния здоровья учеников и самого учителя.

Знание может распространяться методом равной и неравной передачи, например, когда ученик начинает пользоваться услугами репетитора, выполняющего роль второго учителя, обеспечивающего добавочную передачу знаний. Это относится ко всем типам образования, в т.ч. к высшей школе, хотя в ней возможна добавочная профессиональная подготовка (обучение

на рабочем месте) в виде курсов лекций или индивидуальных занятий.

Основная задача высшей школы — подготовка профессиональных специалистов согласно установленным требованиям. Иными словами, в организации обучения студентов в вузах важны не некие предпочтения бизнеса, а нормативы, задающие уровень профессионального мышления, в то время как требования отдельных работодателей не могут быть взяты за основу при подготовке специалистов, поскольку они изменяются в зависимости от меняющейся ситуации в конкретной организации, отрасли и в целом в экономике, что продиктовано не подконтрольными со стороны системы высшего образования условиями и причинами. В связи с этим институциональная организация высшего образования имеет определяющее значение для обеспечения подготовки высококвалифицированных специалистов. Неуклонное повышение качества подготовки в системе высшего образования с включением в него освоения передовых научных достижений и технологий обучения, которые будут придавать экономике уникальный интеллектуальный ресурс в различных видах деятельности, потребность в котором ощущается и вне своей страны, будет означать относительно высокую конкурентоспособность данного высшего образования. В науке можно говорить о таких фундаментальных и прикладных разработках, которые будут представлять интерес для других стран — активных участников технологической гонки и конкуренции, в то время как отечественная экономическая наука должна обеспечивать самостоятельное развитие страны без внешних рецептов (копирования или подражания).

Современная конкурентная борьба между странами ориентируется на подрыв долгосрочных факторов социально-экономического развития, к коим вполне обоснованно следует отнести высшее образование и науку как тесно взаимосвязанные сферы. Благодаря низкой квалификации специалистов либо установлению контролируемого режима развития высшего образования и науки можно длительное время сохранять подчиненное положение зависимого государства. Поэтому не теряет своей силы конкуренция образовательных и научных правил (стандартов), посредством которых навязывается в виде мягкой силы режим контроля за развитием основных сфер деятельности государств, представляя собой институциональную конкуренцию [3] в чистом виде ради замены фундаментальных, системообразующих институтов одной из конкурирующих сторон на альтернативные ин-

³ Это мнение было высказано Леонидом Ивановичем Абалкиным в присутствии автора настоящей статьи, который его по памяти воспроизвел. Этот принцип, который может быть назван фундаментальным принципом передачи знаний, был исследован и формально представлен в работе Сухарев О. С. Информационная экономика. М.: Финансы и статистика; 2015:97–98.

ституты другой стороны, к которой высшая школа любой страны, в том числе России, должна быть готова⁴. Отсюда следует, что независимое развитие и высокий конкурентный потенциал формируются собственной отечественной системой правил и организацией работы высшего образования и науки, в чем может быть полезной системная теория организации Г.Б. Клейнера [4], демонстрирующая связи между значимыми компонентами системы (объект, процесс, проект, среда), а именно подсистемами, учет которых необходим при выстраивании высшего образования для реализации обозначенной выше ее целевой функции.

Для достижения цели подготовки кадров в государственном масштабе требуется разработка плана воспроизводства трудовых ресурсов по всем направлениям и профессиям, секторам, отраслям и регионам страны. При этом необходимо прогнозирование возникновения будущих потребностей в новых кадрах по перспективным направлениям науки и техники. Причем при планировании подготовки кадров для страны должен приниматься во внимание вклад, который вносят в экономический рост та или иная профессиональная группа⁵, и как он будет изменяться по мере расширения этих групп и возникновения потребности в новых кадрах, требования к которым должны формулироваться исходя из горизонта появления новых технологий.

Институциональные изменения в высшем образовании России за последние десятилетия (последующие за присоединением России к Болонскому процессу, направленному на обеспечение сопоставимости стандартов и качества квалификаций высшего образования западно-европейских стран, при котором учебный процесс делится на две части: бакалавриат

и магистратуру, повлияли на подготовку специалистов в различных сферах экономики) обусловили возникновение дефицита кадров по отдельным специальностям, приведя не только к перекосу в подготовке кадров (преобладание экономистов, юристов, менеджеров над инженерами, технологами), но и к модификации внутреннего содержания учебного процесса — отходу от фундаментального образования в подготовке специалистов к формированию отдельных знаний, умений, навыков, личных качеств, которые требуются для выполнения определенных, четко ограниченных задач. Это облегчало подготовку специалистов, уменьшало уровень контроля за их формированием, размывало содержание процесса передачи знаний и опыта, навыков в профессии, приводя к выхолащиванию труда по многим профессиональным направлениям и повышению бюрократизма в учете компетенций.

Для достижения целей настоящей статьи рассмотрим проблему высшего образования в условиях капиталистических институтов, перейдя к оценке результатов институциональных реформ, преодоление негатива которых как раз требует возврата к фундаментальности высшего образования советского образца и внедрения доктрины «социализации высшего образования», чтобы оно соответствовало требованиям будущего.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И КАПИТАЛИЗМ

Высшее образование всегда развивалось в условиях сложившейся общественно-политической системы. В частности, в капиталистической системе оно имеет свои особенности, в отличие от социалистической экономики, поскольку во многом высшее образование платное и выражает интересы правящего класса, отсекая широкие слои населения от его получения на протяжении XX в.⁶

Можно вспомнить работу Торстейна Веблена «Высшее образование в Америке. Исследование причин полного бесправия», которая увидела свет под названием «Меморандум о высшем образовании», где говорилось о социальном неравенстве в получении высшего образования и его доступности исключительно для наиболее обеспеченных граждан.

Следует в то же время не забывать о том, что капитализм XX в., особенно его первой половины, не

⁴ К сожалению, именно такой готовности и даже длительное время понимания указанного обстоятельства не обнаруживалось у лиц, ответственных за развитие высшего образования в России. Проблема актуальна до сих пор.

⁵ Похожие исследования проводились в США в начале 1990-х гг., но они касались оценки вклада прироста юристов в составе трудового ресурса в рост экономики США. Было доказано, что увеличение количества юристов на 1% будет тормозить экономический рост на некоторую величину. Данную идею было бы неплохо распространить, по нашему мнению, на проблему планирования подготовки профессиональных кадров в высшем образовании России, учтя 5–6 летний горизонт их подготовки, за который произойдет изменение потребности в них и, возможно, качества уже подготовленных кадров. Структура профессиональных кадров должна планироваться. Стохастика в этом деле приводит к возникновению локальных дефицитов кадров, что негативно влияет на развитие различных видов деятельности, в частности наукоемких секторов экономики.

⁶ Хотя именно в системе высшего образования появлялись борцы с капиталистическим мироустройством. Понимание пороков капитализма требовало все-таки хорошего образования.

обеспечивал доступа широких слоев населения к высшему образованию (особенно женщин), в то время как советская система преодолела это негативное явление, создав равный доступ не просто к высшему образованию, а обеспечив его передовой в мировом измерении уровень при бесплатности первого высшего образования для граждан.

Кстати, именно Т. Веблену принадлежат нелецеприятные оценки политики университетов, которых интересовали только статус, звания, регалии, ранги, титулы построенной на этом субординации («атрибуты учености вообще»), которые отражали примитивный уровень развития [6].

Передовые взгляды с запозданием отражались в политике университетов в условиях капитализма, поскольку могли поколебать всю систему общественных отношений и не соответствовали интересам правящих кругов. Таким образом, Т. Веблен продемонстрировал в своих высказываниях в общем-то косность и низкую инновационность университетов в буржуазной системе, которые обуславливали отставание в преподнесении знаний своим студентам.

Современная капиталистическая система в России породила, по сути, два вида высшего образования — государственное, которое недополучало ресурсы на свое развитие, и частное, являвшееся платным и выделенным из советской системы высшего образования. С течением времени в государственном образовании стала также практиковаться оплата за обучение студентов сверхбюджетных мест. Происходила капитализация или обуржуазивание работы бывшей системы советского высшего образования в России, хотя следует отметить, справедливости ради, что за последние десять лет усилился контроль за частными вузами, выразившийся в ликвидации некоторых из них, которые предоставляли диплом о высшем образовании буквально за деньги, не обеспечивая должной передачи своим выпускникам необходимых для их будущих специальностей знаний. Тем самым частная система высшего образования в России показала совокупно в итоге свою неэффективность за редкими исключениями.

С учетом того, что знания и профессиональные навыки обладают высоким синергетическим эффектом, можно, видимо, с учетом российских традиций и советского опыта развития высшего образования, делать вывод о необходимости укрепления и развития государственной системы высшего образования, что требует разработки и принятия федерального закона «О государственном секторе», в который могли бы

войти нормы, регулирующие государственное образование, науку, медицину, оборону, культуру, средства массовой информации и еще ряд отраслей, включая сырьевой комплекс. На этой законодательной базе может быть осуществлен возврат к претворению в жизнь принципов фундаментального образования по всему спектру специальностей и профессий с учетом перспективности их оценки, а также к тарифно-квалификационной сетке оплаты труда по различным профессиям для службы в государственном секторе.

Вот что отмечал крупнейший советский экономист, академик Е. С. Варга⁷ по поводу развития образования в буржуазной системе: «При капитализме отбор интеллектуально наиболее одаренных людей производится исключительно из узкого круга господствующих классов: благодаря классовой монополии буржуазии на средства просвещения для сына бедного крестьянина или простого рабочего, — обладай он даже гением Ньютона, Гегеля или Маркса, — все пути к образованию наглухо закрыты! В то же время детям буржуазного происхождения, даже если они являются совершенно бездарными и непригодными для умственного труда, предоставлена полная возможность с помощью репетиторов на дому, взяток и протекции получить диплом высшей школы. В СССР отбор интеллектуально наиболее одаренных людей производится из широчайших масс всего народа» [7, с. 117]. Тогда, в конце 1920 — начале 1930-х гг., Советский Союз обеспечивал целенаправленную подготовку кадров по многим направлениям, одновременно повышая как уровень образования населения, так и формируя новую науку посредством создания и функционирования исследовательских институтов. Этого нельзя было не заметить и не отметить.

Безусловно, чем больше пласт образованных людей, тем больше возможностей для отбора самых одаренных. Советская система образования не была ориентирована на подготовку неких элитарных слоев общества, причем из наиболее богатых их представителей, как это сложилось в рамках классического капитализма в XX в. Однако современная российская система высшего образования, предусмотрев различные формы платного образования в кооперации с организацией соответствующей системы начального и среднего образования школьников, стала ориентироваться на элитизацию, ограничивая посредством введения

⁷ В настоящее время Российская академия наук, отметившая 300-летие 8 февраля 2024 г., награждает премией имени Е. С. Варги за работу в области мировой экономики и сопоставительных (сравнительных) исследований.

платности обучения социальные возможности многих граждан, не позволяя тем самым отбирать самых одаренных людей. Когда отсутствуют профессиональная ориентация и соответствующий отбор талантов на уровне детского сада, средней школы, а далее в вузе без гарантий трудоустройства и плана по размещению трудового ресурса в экономике, за пять лет подготовки и обучения студентов ситуация на рынке сильно изменяется, генерируя провалы в подготовке кадров по многим видам хозяйственной деятельности.

Социализация высшего образования — это процесс такой организации системы обучения, которая не привязывает получение образования к уровню индивидуального дохода, создавая тем самым равный доступ граждан к образованию.

Долгие годы в рамках экономической политики в России господствовало представление о тормозящей экономической роли социальных расходов, в то время как даже неоклассические теории роста включали образование в число его основных факторов. Особую известность в этом плане получили модели институционалистов Т. Шульца, Э. Денисона.

Централизованно управляемая социалистическая экономика базировалась на понимании необходимости единого управления процессами подготовки кадров, важности установления структуры труда и профессий, их размещения в территориальном измерении, учитывая большую пространственную протяженность нашей страны. Но сегодня такое мышление отсутствует в области государственного управления, принимая лишь какие-то усеченные (суррогатные⁸), на наш взгляд, формы.

Одной из основанных причин указанного выше положения стало институциональное реформирование системы высшего образования посредством копирования внешних правил под предлогом близости отечественной науки и высшего образования к мировым стандартам, что стало причиной возникновения модели зависимого развития. Но внедрялась такая модель посредством риторики о том, что надо следовать мировым трендам, чтобы российский диплом о высшем образовании признавался в мире. Однако при этом упускалось из виду, что признание — это субъективный фактор, и его достижение, если оно связано с тем, чтобы следовать в фарватере идей западно-европейских ученых, обернется постоянным отставанием в науке и практике, и возможностью

для других стран черпать из отечественной науки интеллектуальную и кадровую ренту (от заимствования достижений науки и практики и переманивания лучших кадров). Это и есть капиталистическая конкурентная политика, осуществляемая теми, кто создает, проектирует стандарты — институты, задающие модель поведения в данной сфере для других. Но сам проектировщик может отклоняться от этих правил, так как он их создал и может легитимно изменять. А тот, кто следует таким правилам, не имеет обычно никакого веса в принятии решений.

Таким образом, Болонский процесс [8] и те правила, и процедуры, которые он задал для высшего образования России, не был для нее необходим, а в стратегическом измерении лишь являлся рычагом зависимого развития и конкурентного поражения. Он обусловил сокращение фундаментальности высшего образования в пользу неких компетенций в связи с абсолютизацией «экономики рынков». Все остальное являлось риторическим прикрытием якобы равных условий конкурентной борьбы. Хотя какая борьба может быть в области высшего образования? Итог этой борьбы ясен, когда подготовленные кадры работают на свою экономику, поднимая свое благосостояние и обороноспособность своего государства, а не на чужую экономику.

В ходе институциональной конкуренции может осуществляться и контроль, и привязка развития к внешним центрам, и это становится для страны, подвергнутой таким процедурам, поражением, а не победой, и никак не способствует международному признанию науки или образования. Мировой уровень — это то, чего ни у кого нет и что позволяет делать отечественное образование и науку никому не подотчетными (в смысле внешних центров) и автоматически конкурентоспособными. Вот это и является мировым уровнем, и тогда выстраивается очередь из ученых многих стран, чтобы приобщиться к такому достижению. Автор настоящей статьи наблюдал подобную ситуацию, которая сложилась, когда появилась электронная пушка высоковольтного тлеющего разряда, созданная профессором В.А. Черновым из Зеленограда, представители многих фирм из других стран буквально охотились за ней в начале 2000-х гг. Вот доказательство изобретения мирового уровня. Поэтому России следует самой организовывать собственную систему науки и высшего образования, чтобы добиваться таких результатов в ходе плодотворной научной работы (это главное!) и успешности такой организации.

Вместо попрошайничества публикации своих статей в иностранных журналах на английском языке

⁸ В виде программ развития, которые не решают взаимосвязанные кадровые и фондовые проблемы.

следует организовывать переводы своих собственных журналов на другие языки, выделив на эти цели ресурсы для РАН. Только таким образом можно довести до мировой науки информацию о своих научных достижениях, а не устраивать очереди в иностранные журналы в надежде на опубликование статей.

Тот, кто копирует чьи-то подходы и ходы, чаще оказывается в проигрыше, нежели тот, кто сам генерирует идеи, придумывает правила, стандарты и организует свою работу согласно своим целям, задачам, традициям и нормам. Только такая модель поведения способствует реализации фундаментального принципа передачи знаний как высшей цели образовательной системы и деятельности на любых уровнях, но при условии, что работа ведется на национальной почве, а не на основе копирования чужих нормативов в желании приобщиться, нравиться и представить себя в выгодном свете.

Ниже рассмотрим некоторые исходы институциональных изменений в российском высшем образовании, перейдя к обоснованию возврата к фундаментальности высшего образования, в противовес компетентностному подходу, навязанному России в прошлом, и покажем необходимость социализации высшего образования России.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И ПАРАДИГМА ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ

Институциональное реформирование высшего образования началось в начале 2000-х гг. и включало несколько этапов.

Во-первых, переход к так называемой Болонской системе (процессу) с пересмотром функционала высшей школы и даже заменой программ и предметов, включая главную трансформацию — от фундаментального (базового) образования к компетенциям (компетентностному образованию). Это выхолостило систему подготовки кадров, дезориентировало отделы кадров организаций, фирм и предприятий, заложило низкие компетенции в подготовку специалистов, ввергло систему высшего образования в процесс изменения документов, отчетности, отодвинув на второстепенный план подготовку и организацию процесса передачи знаний, опыта, квалификации. Тем самым был навязан режим поверхностных изменений — объединений, разъединений вузов, академических институтов, пересмотр правил подготовки, аттестации, защиты диссертаций и т.д. В ряде сфер контроль за выполнением поставленных задач и даже иногда карающую функцию

взяли на себя отдельные группы людей, оказавшиеся «пятой колонной», а сегодня — иностранными агентами. И их деятельность, к сожалению, продолжается.

Во-вторых, изменения учебного процесса, программ, научных организаций высшей школы России (публикации, защита диссертаций, диссертационные советы, где изменения приобрели перманентный характер, вызывая рост транзакционных издержек). Это понизило качество не только выпуска специалистов высшей школы (бакалавров и магистров, восполнявших пробелы в образовании, полученном на бакалаврском уровне всего за два года), но и кадров для самой высшей школы, что привело к понижению уровня диссертаций, сокращению числа исследователей.

В-третьих, реорганизация системы науки России (реформа РАН с 2013 г.) с вытекающими изменениями в высшей школе, передачей части работ от академических институтов в высшую школу сопровождалась значительными потерями и издержками адаптации, которые никто особо не учитывал, а они стали критически важными для высшей школы России, обесценивая предпринятые модификации.

Эти три этапа институционального реформирования высшего образования выделены нами условно, так как можно назвать различные варианты изменений и большее число фаз по времени. Но все это объединялось тем, что происходило: не оканчиваемое «реформирование» и институциональное воздействие на организацию высшей школы России. Причем возник режим «институциональной чехарды», который можно считать не завершенным до сих пор. Это и демотивирует и дезориентирует высшую школу в преломлении к достижению главной цели, задаваемой фундаментальным принципом передачи знаний и подготовки кадров.

Самый важный негативный аспект подготовки кадров системой высшего образования, которому посвящена базовая авторская статья, написанная совместно с профессором В.В. Спасенниковым [9; 10], — это отход от фундаментального (базового) высшего образования и воспроизведение неких компетенций, которые не были согласованы с потенциальными работодателями, предъявляющими требования к принимаемым на работу кадрам. Но и эти требования являлись примитивными, поскольку в период деиндустриализации, охватившей экономику России на интервале 2000-х гг., произошло понижение уровня технологичности производств, обусловив уменьшение требований к уровню подготовки кадров. Самая высокая квалификация оказалась невостребованной и невысоко оплачиваемой. Слово «компетенция» в переводе с латыни означает

«принадлежность к праву», кругу полномочий или набору вопросов, где агент имеет некое знание и опыт. Обратим внимание на то, что это набор вопросов, следовательно, профессионализм сразу становится зависим от полноты круга этих вопросов и насыщения каждого вопроса знанием и опытом. К тому же остается неясным, как эти вопросы будут связаны с иными возникающими в ходе профессиональной деятельности проблемами. Подобная идея в развитии образования смотрится как своеобразная диверсия — абсолютно не продуманный и не обоснованный шаг, в отличие от фундамента профессии, который предполагает кратко превосходящий объем знаний и умений, характеризующих конкретную специальность, а не круг вопросов, полнота которого может быть разной и изменчивой.

Постепенно предпринимаются в настоящее время попытки по исправлению создавшегося положения, но структурно-технологические ограничения продолжают лимитировать такую политику. К сожалению, не меняется главное — не происходит возврата к фундаментальному высшему образованию. Даже при декларации отхода от Болонской системы (процесса) и необходимости такого возврата. Действуют бюрократические нормы, фиксирующие уже созданную, весьма нежизнеспособную систему компетенций. Вместе с тем сохраняется деление на бакалавров и магистров, проходящих обучение по выхолощенным программами, за исключением отдельных вузов России. Остается надеяться, что возврат к фундаментальным программам высшего образования расширится в современной России, нивелируя негативные последствия компетентностного подхода, ориентированного на предоставление образовательной услуги и удовлетворение якобы спроса работодателей, который никак не оценивается и является производным от примитивного состояния фрагментированных при деиндустриализации производственных систем России.

Данные решения следовало бы исключить и сохранить автономность системы высшего образования, которая, так же как система науки в целом, не должна зависеть от состояния производств. Только это обеспечит сохранение национальной безопасности в долгосрочном измерении. В противном случае, при нанесении конкурентного поражения текущим производствам автоматически наносится поражение и высшей школе, и системе науки в целом, а посредством осуществления целенаправленных действий через «пятую колонну» — иностранных агентов можно на длительное время лишить страну конкурентных преимуществ, сокращая или сдерживая интеллекту-

альное развитие. В таком случае удар наносится по функционированию образования и науки. Это и было осуществлено за последние 25 лет — и в значительной степени продолжается сегодня.

В России нужен, на наш взгляд, переход к фундаментальному высшему образованию длительностью пять-шесть лет по номенклатуре специальностей и квалификационной сетке, и два следующих года должно быть посвящено подготовке под определенные компетенции, когда фундаментальное высшее образование будет воссоздано как система. Богатая страна может и должна себе это позволить. Иными словами, речь идет о двухуровневом высшем образовании — фундаментальном [первый, базовый уровень — пять лет) и компетентностном (в виде расширяющей профессиональные возможности стажировки внутри страны) как втором уровне (два года)]. Первый уровень — обязательно бесплатный, второй уровень — преимущественно бесплатный для граждан России. Второе высшее образование может быть платным. Причем компетенции должны оттачиваться на базе фундаментального образования. Весь процесс обучения — до 7 лет. Такой подход позволит не только реанимировать утерянное с восстановлением позиций в высшем образовании, но и сохранить созданные за последние годы методики, привязанные к конкретным компетенциям, ориентированным или учитывающим рынок труда.

В 2009 г. вышла авторская статья «Образование и наука России: уничтожающий формализм реформ и спекуляции на инновациях», причем ее текст с интернет-сайта⁹ 2008 г. был взят в «Бюллетень в защиту науки», издаваемый Президиумом РАН под редакцией академика Э.П. Круглякова [11]. Ее заголовок уже утверждает наличие проблемы — высокие издержки изменений, низкий уровень обоснованности, бюрократический формализм и повышенная отчетность, зарегулированность, причем нарочитая, и все это под видом необходимости инноваций, что выступает явной спекуляцией и прикрытием весьма разрушительных действий.

⁹ Эта статья и сегодня спустя 15 лет доступна по ссылке URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/obrazovanie_i_nauka_rossii_unichtozhayuschij_formalizm_reform_i_spekulyacii, и все ее аспекты актуальны для современной системы высшего образования и науки России. Это свидетельствует о том, что отсутствуют анализ и беспристрастное рассмотрение проблем, а изменения проектируются в угоду групп особых интересов, с соответствующими негативными исходами, которые претерпевает затем система в целом, все ее участники — работники.

В итоге, инженер без фундаментального образования становится узким и почти не взаимозаменяемым специалистом. Это разрушает рынок труда, о котором обычно пеклись всегда реформаторы высшего образования. Но совокупность воздействий на высшее образование снижает его кадровый потенциал, качество выхода годных специалистов, которые ориентируются лишь на отдельные компетенции, причем в большинстве случаев весьма слабо связанные с практикой или обоснованные.

Полагаем, что для России следует организовать на уровне Правительства РФ возврат к парадигме фундаментальности в высшем образовании, взять общий вектор на всеобщее высшее и бесплатное образование в виде основного стратегического вектора (доктрина социализации высшего образования). Нужно усилить профориентационный отбор на уровне детского сада, начальной и средней школы, а также в самих университетах, где на старших курсах проводят прикрепление к той или иной специальности (медицина, инженерная, конструкторская или технологическая работа и др.).

Основная задача государства видится в раннем открытии, идентификации и создании условий для развития (поощрения в том числе через систему воспитания) способностей всех граждан страны для пользы всего общества. Этот принцип можно считать фундаментальным при управлении трудовым ресурсом и в развитии высшей школы России, так же как и иных школ. Еще одной задачей для России выступает управление распределением этого ресурса по территории страны.

Это социальные цели высшего образования и управления человеческим потенциалом, которые противоречат идее элитизации общества и подготовки-отбора исключительно узких слоев населения под влиянием капиталистических институтов. Это противоречит объективно складывающимся тенденциям развития так называемого «общества знаний», с иными мотивациями и другой системой высшего образования, доступной всем, выявляющей и развивающей профессиональные способности каждого. Способности есть у подавляющего большинства людей, только какие и к чему — это предстоит выяснить централизованно, направляя развитие людей по интересующим их направлениям, чтобы повышать удовлетворенность жизнью и своего труда для общества.

ДОКТРИНА «СОЦИАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Если высшее образование принадлежит к социальному сектору, то тогда какой должна быть доктрина

социализации высшего образования? Содержание этой доктрины состоит в том, что доступ к высшему образованию, обеспечивающему в современном обществе относительно более высокий доход и уровень жизни, должны иметь все граждане. Это относится и к праву на раннее выявление способностей людей. Этот доступ должен быть для гражданина бесплатным, не привязанным к величине личного дохода. В противном случае капиталистические институты, обеспечивающие неравенство по доходу, автоматически воспроизводят неравенство по любой социальной функции — образованию, медицине и т.д. Данная доктрина хорошо согласуется с Конституцией Российской Федерации, в которой наша страна провозглашается социальным государством. Будущее такого государства видится во всеобщем или, по крайней мере, охватывающем широкие слои населения высшем образовании.

Доктрина «социализации высшего образования», на наш взгляд, предполагает следующие атрибуты:

- равный и широкий доступ к высшему образованию вне связи с величиной индивидуального дохода;
- профориентационный отбор с целью выявления склонностей, способностей и профессиональной ориентации траектории дальнейшего развития человека;
- образование как жизненная потребность и имманентная социальная функция, обладающая свойством автономности, а не услуга и не способ подготовки трудового ресурса для владельца средств производства (работодателя);
- высшее образование как главный движущий фактор научно-технического прогресса и «общества знаний»;
- система высшего образования готовит кадры не только для экономики, но и для себя самой, тем самым закладывая основу воспроизводства кадров в будущем;
- фундаментальное высшее образование является базой этого вида образования, его задача — подготовка специалистов и исследователей;
- компетенции могут формироваться не отдельно (образование не может быть подчинено их отдельному самодовлеющему формированию без фундаментальной базы), а только на базе фундаментального полученного высшего образования.

Для реализации доктрины «социализации высшего образования» России на практике понадобится внесение существенных изменений в политику развития образования и науки, в частности:

- увеличение заработной платы работникам науки и высшей школы России, с отвязкой оплаты труда в любом виде от числа публикаций и статей в иностранных базах индексирования журналов;
- упрощение правил защиты диссертаций, с целью понижения издержек, разрешение включать свои ранее опубликованные работы в общий скомпонованный текст диссертации;
- прекращение вывешивания текстов диссертации в интернете как условие обеспечения национальной безопасности (научно-техническая безопасность), так как непозволительно обнародовать новые решения до их легитимации и защиты, да и облегчать поисковую работу конкурентам;
- исключение негосударственных структур из области надзора и контроля или какого-либо влияния на научный процесс, включая защиту диссертаций, применение санкций в отношении иностранных агентов, порочащих заслуженных представителей российской науки и высшей школы;
- переработка обучающих программ с целью возврата к фундаментальному высшему образованию в России (вернуть часы на многие фундаментальные дисциплины), отход от выхолощенных программ и курсов, ориентированных на Болонский процесс и компетенции.

Это минимально необходимые решения для обеспечения элементарной нормализации и первых шагах по ее осуществлению в современной России. Но без этих шагов действие концептуальных решений будет сдерживаться уже организованными порочными процедурами, разрыхляющими и разрушающими развитие системы высшего образования России.

ВЫВОДЫ

Во-первых, в противовес капиталистическим институтам высшее образование представляет собой соци-

ализированную сферу, которая с развитием общества знаний должна становиться широкой по своему доступу для граждан и бесплатной. Это ориентир стратегический, но его следует ставить в качестве базового императива политики развития образования.

Во-вторых, в России требуется осуществить плановый возврат к фундаментальному образованию посредством отхода от компетентностного подхода (Болонского процесса). Это нужно даже для тех университетов, которые сохранили фундаментальную подготовку, как МГУ, но увлеклись, тем не менее, формированием компетенций. Причем отход от фундаментальной базы у них был осуществлен пусть и не в том масштабе, как повсеместно. Следовательно, политика развития высшего образования должна исходить из необходимости возврата к утраченным позициям фундаментальности, что позитивно не может не повлиять на развитие системы науки, получающей кадры из высшей школы. Требуется элиминировать негативные итоги институциональных реформ высшей школы, понизив издержки выполнения работ конкретными исполнителями по отчетности и адаптации. Необходимо развернуть систему профессиональной ориентации на государственном уровне и начать разрабатывать планы по воспроизводству кадров для всех секторов экономики и их размещению на территории страны.

Таким образом, высшее образование должно иметь базовый фундамент, собственные правила развития, установленные и перманентно не изменяемые, чтобы частота их смены не приводила к потерям и дезорганизации всей системы образования. Эти положения требуется учитывать при создании стратегии развития высшего образования и науки в России, не забывая о фундаментальном принципе передачи знаний, на котором зиждется высшее образование, поскольку это его имманентная задача, предназначение и природа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладе. М.: Книжный мир; 2018. 768 с.
2. Янжул И.И. Миллионы и что с ними делать. М.: Общество купцов и промышленников России; 2006. 368 с.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.
4. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука; 2004. 240 с.
5. Сухарев О.С. Институциональные коррекции в управлении: теоретико-методологический подход. *Управленец*. 2022;13(1):37–48.
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс; 1981. 380 с.
7. Варга Е.С. Экономика и политика 1928–1934 гг. Между VI и VII конгрессами Коминтерна. Экономика и политика 1928–1934 гг. М.: Либроком; 2014. 192 с.

8. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л., Камынина Н.Р., Котлобовский И.Б. Российское высшее образование в Болонском процессе (по материалам Национального доклада РФ). *Высшее образование в России*. 2015;(8/9):46–53.
9. Сухарев О.С., Спасенников В.В. Трансформация высшего образования: преодоление конфликта компетенций и фундаментальности. *Эргодизайн*. 2020;9(3):107–119.
10. Спасенников, В.В., Богомолов С.А. Проблема оценки компетенций будущих дизайнеров в процессе освоения программы профессионального. *Эргодизайн*. 2018;2(02):33–40.
11. Сухарев, О.С. Образование и наука России: уничтожающий формализм реформ и спекуляции на инновациях. *Бюллетень в защиту науки под редакцией акад. Э.П. Круглякова*. 2009.(6):99–104.

REFERENCES

1. Glazyev S. Yu. A leap into the future. Russia in a new technological and world economic order. Moscow: Knizhny mir; 2018. 768 p. (In Russ.).
2. Yanzhul I.I. Millions and what to do with them. Moscow: Society of Merchants and Industrialists of Russia; 2006. 368 p. (In Russ.).
3. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Foundation of the economic book “Beginnings”; 1997. 180 p. (In Russ.).
4. Kleiner G.B. Evolution of institutional systems. Moscow: Nauka; 2004. 240 p. (In Russ.).
5. Sukharev O.S. Institutional corrections in management: a theoretical and methodological approach. *Upravlenets = The manager*. 2022;13(1):37–48. (In Russ.).
6. Veblen T. Theory of the leisure class. Moscow: Progress; 1981. 380 p. (In Russ.).
7. Varga E.S. Economics and politics 1928–1934. Between the VI and VII Congresses of the Comintern. Economics and Politics 1928–1934, Moscow: Librocom; 2014 192 p. (In Russ.).
8. Artamonova Yu.D., Demchuk A.L., Kamynina N.R., Kotlovsky I.B. Russian higher education in the Bologna process (based on the materials of the National Report of the Russian Federation). *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2015;(8/9):46–53. (In Russ.).
9. Sukharev O.S., Spasennikov V.V. Transformation of higher education: overcoming the conflict of competencies and fundamentality. *Ergodizain = Ergodesign*. 2020;9(3):107–119. (In Russ.).
10. Spasennikov V.V., Bogomolov S.A. The problem of assessing the competencies of future designers in the process of mastering the professional program. *Ergodizain = Ergodesign*. 2018;2(02):33–40. (In Russ.).
11. Sukharev O.S. Education and science of Russia: the destructive formalism of reforms and speculation on innovations. *Byulleten' v zashchitu nauki pod redaktsiei akad. E.P. Kruglyakova = Bulletin in Defense of Science edited by Academician E.P. Kruglyakov*. 2009(6):99–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олег Сергеевич Сухарев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем развития науки Российской академии наук, Москва, Россия

Oleg S. Sukharev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher at the Institute of Problems of Science Development of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

ieras@inecon.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.03.2024; принята к публикации 20.07.2024.

The article was received 14.03.2024; accepted for publication 20.07.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-17-30
УДК 338.46(045)
JEL I22

Конкурентоспособность и характер экономической модели вуза: эмпирические закономерности реализации программы «Приоритет-2030»

Д.Г. Сандлер, К.А. Данилова, Ю.А. Мальцева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена усложнением сформированной в российском высшем образовании модели квазиконкуренции, остротой и ресурсоемкостью поставленных государством перед вузами задач не только привлечь ресурсы и компетенции ключевых групп стейкхолдеров, но и выбрать стратегию развития конкурентоспособности, релевантную выбранной экономической модели, вырабатывать научно обоснованный подход к формированию параметров экономической модели вуза.

В России последовательно реализуется ряд проектов государственной поддержки образования, включая программу «Приоритет-2030», при разработке которой учтены уроки и трудности ее предшественниц. Однако при наличии достаточного количества исследований, сфокусированных на разных аспектах развития высшей школы, остаются недостаточно проработанными вопросы согласованного выбора вузами стратегии развития и экономической модели.

Предмет исследования – организационно-экономические отношения, возникающие в процессе формирования и корректировки экономической модели вуза, согласованной с его стратегическими целями и задачами. *Цель работы* – установление особенностей экономических моделей университетов – участников программы «Приоритет-2030» и претендентов на участие в ней для выявления ее эмпирических закономерностей.

В статье приводится типология экономических моделей вузов. Показана высокая устойчивость исследовательских вузов с высокооплачиваемым персоналом, выявлены группы стратегического риска. *Сформулированы предложения* по выбору экономической модели вуза в соответствии с его направленностью и структурированностью процесса стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегия конкурентоспособности; конкурентоспособность вуза; экономическая модель; Приоритет-2030; вуз

Для цитирования: Сандлер Д.Г., Данилова К.А., Мальцева Ю.А. Конкурентоспособность и характер экономической модели вуза: эмпирические закономерности реализации программы «Приоритет-2030». *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):17-30. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-17-30

ORIGINAL PAPER

Competitiveness and the Nature of the Economic Model of the University: Empirical Patterns of the Implementation of the Priority 2030 Program

D.G. Sandler, K.A. Danilova, Yu.A. Maltseva

Ural Federal University named after the first President B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ABSTRACT

The relevance of the work is due to the complication of the quasi-competition model formed in Russian higher education, the severity and resource intensity of the tasks set by the state for universities not only to attract the resources and competencies of key stakeholder groups, but also to choose a strategy for developing competitiveness relevant to the chosen economic model, to develop a scientifically based approach to the formation of parameters of the economic

© Сандлер Д.Г., Данилова К.А., Мальцева Ю.А., 2024

model of a higher educational institution. A number of government support projects are being consistently implemented in Russia, including the Priority 2030 program, which takes into account the lessons and difficulties of its predecessors. However, with a sufficient number of studies focused on various aspects of the development of higher education, the issues of the coordinated choice of the development strategy and economic model by universities remain insufficiently studied.

The subject of the study is the organizational and economic relations that arise in the process of forming and adjusting the economic model of the university, consistent with its strategic goals and objectives. *The purpose of the work* is to establish the features of the economic models of universities participating in the Priority 2030 program and applicants for participation in it in order to identify its empirical patterns.

The article provides a typology of economic models of universities. The high stability of research universities with highly paid staff is shown, and strategic risk groups are identified. *The proposals* on the choice of the economic model of the university are formulated in accordance with the orientation and structuring of the strategic planning process.

Keywords: competitiveness strategy; university competitiveness; economic model; Priority-2030; university

For citation: Sandler D.G., Danilova K.A., Maltseva Yu.A. Competitiveness and the nature of the economic model of the university: empirical patterns of the implementation of the Priority 2030 program. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):17-30. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-17-30

ВВЕДЕНИЕ

Государственная ориентация на повышение потенциала и качества высшей школы¹, обозначенная в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию от 29 февраля 2014 г., а также на выполнение целевых показателей и задач, направленных на достижение национальных целей развития Российской Федерации² и научно-технологическое обеспечение их реализации в условиях «больших вызовов»³ и цифровизации, не только предопределяет направленность изменений сферы высшего образования [1], но и формирует новую парадигму открытой детерминированной квазиконкуренции⁴, т.е. конкуренции между подразделениями одной компании. Синергия масштабности и сложности государственных задач при динамическом характере государственного финансирования вузов, вовлеченности в процессы высшего образования большого количества разнообразных групп заинтересованных сторон и усилении роли партнерств, консорциумов

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>.

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

³ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

⁴ Сандлер Д. Г. Стратегии повышения конкурентоспособности российского высшего образования на основе обеспечения экономической устойчивости университетов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. док. экон. наук. М.; 2022. 46 с.

и интеграции высших учебных заведений в региональную социально-экономическую систему, актуализируют проблематику выбора конкретным университетом стратегии обеспечения конкурентоспособности релевантной экономической модели.

Исследователи, выделяя этапы развития образования, в качестве маркера и базового принципа периодизации, как правило, обращаются к изменениям государственной политики и законодательства в данной сфере [2, 3]. С позиции настоящего исследования представляют интерес два этапа:

- с 2012 по 2019 г. — осуществление регулирования и структурирования системы высшего образования, усиление рыночной конъюнктуры и появление источников долгосрочных инвестиций;
- с конца 2019 г по настоящее время — реализация стратегического управления, ориентированного на достижение объемного пула целевых показателей, в том числе требований к конкурентоспособности вузов.

Знаковым для трансформации государственной политики в сфере образования стал Проект «5–100» — государственная программа, направленная на повышение конкурентоспособности российских университетов, основной целью которой было вхождение пяти российских вузов в топ-100 мировых рейтингов.

Эксперты отмечают, что, несмотря на связанные с ним противоречия, Проект «5–100» создал базис для дальнейшего роста конкурентоспособности вузов⁵.

⁵ Счетная палата: Проект 5–100 задал новые направления развития высшего образования. URL: <https://ach.>

Его основные цели: повышение конкурентоспособности вузов и их вхождение в предметные рейтинги *Times Higher Education (THE)* и *Quacquarelli Symonds (QS)* — была выполнена большинством вузов, но на разных этапах Проекта. При этом в Проекте «5–100» не принимались во внимание разнородность экономических моделей и масштаб организаций: объем субсидирования в общих доходах университетов разнился от 2 до 28%, что отчасти не позволяло вузам продвигаться к достижению поставленных целей с одинаковой скоростью и сужало пространство для стратегического маневра [4].

Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (далее — Программа), принятая распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3697-р «О мерах по повышению эффективности системы высшего образования Российской Федерации» и направленная на поддержку развития образовательных организаций высшего образования⁶ и согласованная с национальными целями, стала во много преемницей Проекта «5–100». При ее разработке были учтены трудности, мешавшие реализации предшествующей программы [5]. Следует отметить, что в Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. Президентом РФ было предложено продлить эту Программу на шесть лет и выделить на нее дополнительное финансирование⁷.

Программа сфокусирована на более широком и многообразном развитии национальной образовательной системы за счет различных треков для университетов: базового, территориально-отраслевого и исследовательского. При сохранении модели исследовательского лидерства (основной и единственной для Проекта «5–100» в виде соответствующей траектории) в Программе «Приоритет-2030» заложены возможности для участия вузов, которые видят свою миссию в усилении отрасли или территории, т. е. в завоевании территориального или отраслевого лидерства, согласно соответствующему перечню специальных показателей. Среди их особенностей следует отметить увеличение общего количества показателей по сравнению с Проектом «5–100», раз-

деление показателей эффективности и результативности, введение мониторинговых индексов.

Научным сообществом и экспертами достаточно активно обсуждаются первые результаты реализации Программы. Отметим разнонаправленную предметность дискуссии. В работе [6] представлены агрегированные качественные и количественные показатели, достигнутые вузами — участниками территориально-отраслевого трека Программы по итогам первого года выполнения, и сделаны выводы о причинах успехов и неудач при реализации программ развития: лидеры выполнения Программы демонстрируют более высокие в сравнении с другими участниками территориально-отраслевого трека результаты по таким показателям, как объем НИОКР на одного научно-педагогического работника (далее — НПР), доля молодых преподавателей в числе профессорско-преподавательского состава (далее — ППР). В публикации [7] приводятся результаты сопоставления вузов — участников исследовательского трека и аргументируется тезис о том, что университеты из данной группы демонстрируют результаты, сопоставимые или превосходящие Проект «5–100», и делается вывод о том, что они смогли сформировать устойчивые финансовые модели и лидеры превосходят всех остальных по всему комплексу показателей, что свидетельствует об их равномерном развитии.

Интерес исследователей к данной теме вызван масштабом инновационного развития регионов, в которых находятся вузы — участники Программы [8]; проблематикой развития научно-педагогического состава; уровнем управления человеческим капиталом через соблюдение принципов антропоцентризма⁸ и переструктурирования направлений деятельности [9]; развитием моделей, позволяющих научно обосновывать достаточность финансирования как системы высшего образования в целом, так и конкретных организаций [10].

Однако нельзя не отметить недостаточную проработанность вопросов выбора вузами стратегии развития и экономической модели. В ранее проведенных исследованиях нами было показано, что разнообразие экономических моделей вузов может быть типологизировано по таким параметрам, как доля доходов, получаемых от научной деятельности,

⁸ Антропоцентризм (от греч. *anthropos* — человек, *kentron* — центр) — мировоззренческое представление, согласно которому человек является средоточием Вселенной и целью всех совершающихся в мире событий.

gov.ru/news/schetnaya-palata-proekt-5100-zadal-novye-napravleniya-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-no-ne-dostigp?ysclid=lv4115vlg410026554.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3697-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101050007?ysclid=lv417mrfdf885922993>.

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

в общих доходах образовательной организации и уровень доходов ППС относительно среднего уровня по региону⁹. В зависимости от характера экономической модели вуз может претендовать на ту или иную степень устойчивости уровня конкурентоспособности и выбирать оптимальную стратегию развития.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ НА ВХОДЕ В ПРОГРАММУ «ПРИОРИТЕТ-2030»

Логика выбора стратегии «от миссии к экономической модели», предложенная Д.Г. Сандлером, и зависимость динамики показателей от уровня конкурентоспособности вуза предопределили сравнение результатов исследования¹⁰, проведенного в 2021 г., с результатами, полученными в 2023 г.

В 2021 г. заявки на участие в Программе подали 187 вузов из разных регионов страны. Анализ программ развития, стратегических проектов и показателей позволил типологизировать стратегии, характер миссии (исследовательская, территориальная, отраслевая в зависимости от того, на развитие какого направления нацелены стратегические проекты) и уровень конкурентоспособности и развития. В исследовательских целях использовались данные официального портала Программы по 121 вузу, выигравшему грант или получившему статус претендента, а также программы стратегического развития 66 вузов, подавших заявку, но не ставших участниками Программы или претендентами на входение в нее. Затем на основе данных мониторинга¹¹ был определен характер экономических моделей этих вузов по следующим показателям:

- «Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации» (далее — доля доходов от НИОКР). Для этой группировки вузов было выбрано среднее значение, которое в 2021 г. составляло 15,9%;

- «Отношение заработной платы профессорско-преподавательского состава к средней заработной

плате по экономике региона» (далее — уровень з/п ППС). Для этого вузы были распределены по группам относительно медианного значения, которое в 2021 г. было равно 215% (разделение по пороговому значению 200% не применялось, поскольку выборка не гетерогенна по нему — практически все вузы преодолевают данный порог, среднее значение в 225%, напротив, достигается малым количеством образовательных организаций).

Таким образом, по характеру экономической модели вузы были подразделены на четыре группы (рис. 1).

1. Исследовательские вузы с высокооплачиваемым персоналом (далее — ИВсВП, *RUHS in Eng.*) — к данной группе вузов относятся учебные заведения, в которых наблюдается более высокий удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах при сравнительно высоком уровне доходов ППС.

2. Исследовательские вузы с умеренной оплатой труда (далее — ИВсУОТ, *RUMS in Eng.*), так же как вузы предыдущей группы, характеризуются высоким удельным весом доходов от НИОКР, но при этом доходы ППС относительно низкие.

3. Обучающие вузы с исследовательской составляющей (далее — ОВсИС, *TURC in Eng.*) — для данной группы характерна сравнительно низкая доля доходов от НИОКР, но доходы ППС при этом обеспечиваются на уровне выше медианного значения.

4. Обучающие вузы (далее — ОВ, *TU in Eng.*) — образовательные организации, для которых характерны и низкий удельный вес НИОКР в общих доходах, и доходы ППС ниже медианного значения.

С целью формирования предложений по совершенствованию управления экономической моделью вуза была построена матрица «уровень конкурентоспособности / характер экономической модели» (табл. 1). Уровни конкурентоспособности характеризовались следующим образом:

- высокий — вузы, получающие специальную часть гранта;
- средний — вузы, получающие базовую часть гранта;
- низкий — вузы-претенденты, не получившие субсидии.

Сопоставление характера экономик позволило: во-первых, зафиксировать наличие своеобразной «диагональной динамики» распределения вузов, в соответствии с которой обнаруживается связь между типом экономической модели вуза с соответствующей долей доходов от НИОКР

⁹ Сандлер Д.Г. Стратегии повышения конкурентоспособности российского высшего образования на основе обеспечения экономической устойчивости университетов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. док. экон. наук. М.; 2022. 46 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мониторинг 2022: Характеристика системы высшего образования в РФ. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2022>.

Структура доходов / Income structure	Преобладание доходов от образовательной деятельности / The predominance of income from educational activities	Существенная доля доходов от научной деятельности / A significant share of income from scientific activities
Успешность / Success rate		
Экономически успешные. Доход ППС выше медианного значения / Economically successful. PPP income is above the median value	Обучающий вуз с исследовательской составляющей / A teaching university with a research component (next – TURC)	Исследовательский вуз с высокооплачиваемым персоналом / A research university with highly salary (next – RUHS)
Экономически не успешные. Доход ППС ниже медианного значения / Economically unsuccessful. PPP income is below the median value	Обучающий вуз / Educational institution (next – TU)	Исследовательский вуз с умеренной оплатой труда / A research university with a moderate salary (next – RUMS)

Рис. 1 / Fig. 1. Типология экономических моделей вузов /
The typology of the economic models of the universities

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

и вероятным уровнем его конкурентоспособности. Так, обучающие вузы тяготеют к квадранту низкого уровня, а ИВсВП представлены большей частью в квадранте с высоким уровнем, что возводит необходимость опережающего развития исследовательской составляющей для вузов в ранг категорического императива стратегирования;

во-вторых, обосновать вариативность выбора характера (формулировки) миссии, соответствующей типу экономической модели, т.е. логику выбора «от миссии к экономической модели».

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

С целью выявления направленности движения (горизонтального или диагонального) и наиболее устойчивых стратегических позиций университетов, подавших заявку на участие в Программе,

нами были проанализированы с сохранением логики и этапности исследования 2021 г. экономические модели и позиции университетов по итогам 2023 г.

За 2021–2023 гг. совокупно к участию в Программе заявили с той или иной степенью успешности 198 вузов:

- 187 вузов подавали заявку в 2021 г., в итоге была одобрена 121 заявка;
- 11 вузов претендовали на получение государственной поддержки по итогам 2023 г. (всего заявлены в Программе в 2023 г. — 119 высших учебных заведений).

С целью выявления как успешных, так и нерезультативных моделей нами был проанализирован весь перечень вузов, а не только текущие участники Программы. Анализу подверглись программы развития вузов, представленные на официальном сайте программы «Приоритет-2030», а также данные

Матрица сопоставления характера экономики и уровня конкурентоспособности /
A matrix for comparing the nature of the economy and the level of competitiveness*

Уровень конкурентоспособности / The level of competitiveness	Экономическая модель / The economic model							
	ИВсВП / RUHS		ИВсУОТ / RUMS		ОВсИС / TURC		ОВ / TU	
	Доля от общего кол-ва вузов, %	Доля от общего по модели, %	Доля от общего кол-ва вузов, %	Доля от общего по модели, %	Доля от общего кол-ва вузов, %	Доля от общего по модели, %	Доля от общего кол-ва вузов, %	Доля от общего по модели, %
Высокий / high	8,56	61,54	2,67	38,46	5,88	19,30	7,49	15,38
Средний / medium	4,28	30,77	3,74	53,85	10,70	35,09	13,37	27,47
Низкий / low	1,07	7,69	0,53	7,69	13,90	45,61	27,81	57,14

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

* Сандлер Д.Г. Стратегии повышения конкурентоспособности российского высшего образования на основе обеспечения экономической устойчивости университетов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. док. экон. наук. М.; 2022. 46 с.

мониторинга высшего образования¹² 196 вузов из 198 (информация об одном вузе в открытом доступе отсутствует, еще два подверглись слиянию).

В целях сравнения с данными, полученными в 2021 г., распределение вузов по группам относительно характера их экономических моделей было проведено на основе следующих пороговых значений показателей:

- доля доходов от НИОКР — 13,6% (среднее значение среди вузов, которые на данном момент получают государственную субсидию, являясь участниками Программы);
- заработная плата ППС — 212% (медианное значение среди вузов-участников).

На рис. 2 представлено распределение вузов по характеру экономической модели по итогам 2023 г.

Сопоставление показателей, опубликованных в 2023 г., с результатами 2021 г. позволяет зафиксировать следующие изменения:

- снижение среднего значения доли доходов от НИОКР среди вузов — участников Программы (13,6% против 15,9% в 2021 г.), что привело к увели-

чению количества исследовательских вузов (27,5% против 20,8%);

- уменьшение порогового значения обусловлено сокращением доли доходов от НИОКР в группе лидеров по данному показателю (рис. 3), что, вероятно, вызвано опережающим ростом иных образовательных доходов;

- незначительное снижение медианного значения по показателю «заработная плата ППС» (212% против 215%), что не привело к существенному изменению распределения вузов по данному критерию (40,3% экономически успешных в 2023 г. исследований против 44,4% в 2021 г., рис. 4). Указанное обусловлено, по нашему мнению, внешними по отношению к системе высшего образования и Программе шок-факторами, в частности повышением уровня средних заработных плат на рынках труда в регионах. Снижение медианного значения происходит в целом равномерно среди всех вузов, что частично подтверждает значение влияния внешнего фактора на изменение показателя.

Сопоставим результаты исследований 2021 и 2023 гг. в табл. 2.

С целью определения наличия обнаруженной в 2021 г. «диагональной динамики» сопоставим уровень конкурентоспособности вуза и характер его экономической модели в табл. 3 по данным 2023 г.

¹² Мониторинг 2023: Характеристика системы высшего образования в Российской Федерации. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=вро>.

Структура доходов / Income structure	Преобладание доходов от образовательной деятельности / The predominance of income from educational activities	Существенная доля доходов от научной деятельности / A significant share of income from scientific activities
Успешность / Success rate		
Экономически успешные / Economically successful	ОВсИС / TURC 47 вузов / universities (24,0%) 3	ИВсВП / RUHS 32 вуза / universities (16,3%) 1
Экономически не успешные / Economically unsuccessful	4 ОБ / TU 95 вузов / universities (48,5%)	2 ИВсУОТ / RUMS 22 вуза / universities (11,2%)

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение вузов по характеру экономической модели /
The distribution of universities by the nature of the economic model

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

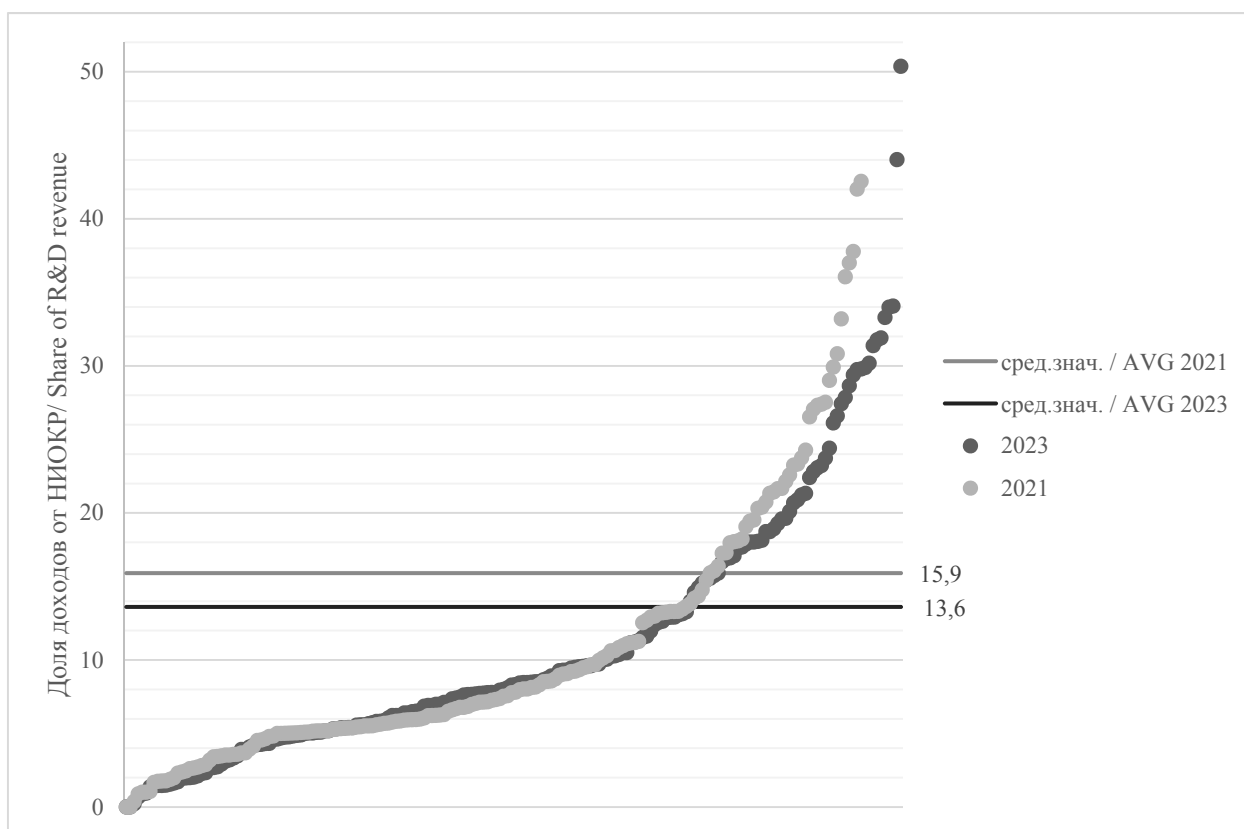

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение вузов по доле доходов от НИОКР /
Distribution of universities by share of R&D income

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

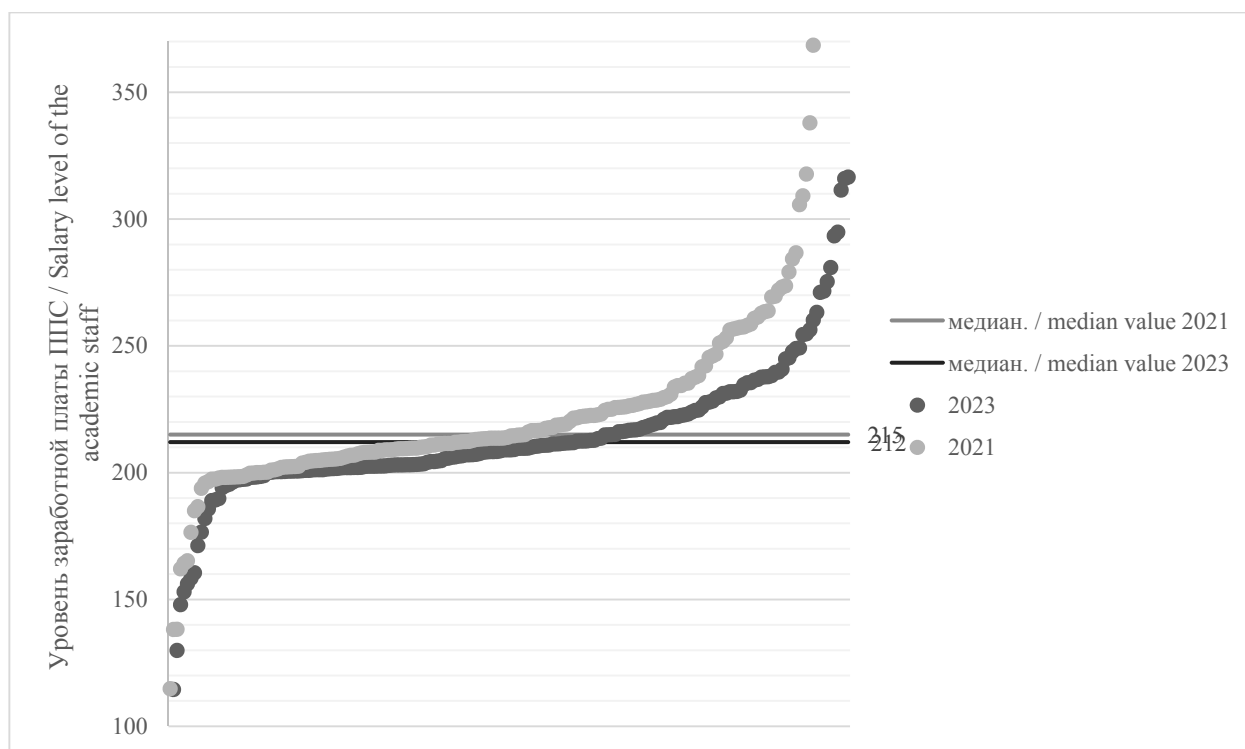

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение вузов по заработной плате ППС /
Distribution of universities by salary academic staff

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Характер экономических моделей вузов в 2021 и 2023 гг. / The nature of the economic models
of universities in 2021 and 2023

Характер модели / The nature of the model	2021 год / year		2023 год / year	
	Кол-во вузов / Numb. of universities	Доля / Share, %	Кол-во вузов / Numb. of universities	Доля / Share, %
ИВсВП / RUHS	26	13,9	32	16,3 ↑
ИВсУОТ / RUMS	13	6,9	22	11,2 ↑
ОВсИС / TURC	57	30,5	47	24,0 ↓
ОВ / TU	91	48,7	95	48,5 ≈
ИТОГО / TOTAL:	187	100	196	100

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Анализ эмпирических данных позволяет зафиксировать следующие закономерности.

Наличие «диагональной динамики» подтверждается в 2023 г. Особенностью ситуации стало более равномерное распределение вузов второй (ИВсУОТ) и третьей (ОВсИС) групп по уровням конкурентоспособности.

Вузы первой (ИВсВП) и четвертой групп (обучающие вузы) тяготеют к квадрантам с высоким и низким уровнями конкурентоспособности соответственно. При этом вузы первой группы наиболее вероятно являются участниками Программы и получателями специальной части гранта (участвуют 90,6% таких вузов, специальную часть получают 68,8%, что со-

Таблица 3 / Table 3

Матрица «Характер экономической модели – уровень конкурентоспособности», 2023 г. /
The matrix “The nature of the economic model – the level of competitiveness”, 2023

Характер экономической модели / The nature of the economic model	ИВВП/ RUHS			ИВУОТ/ RUMS			ОВСИС/ TURC			ОВ/ TU			ИТОГО ВУЗОВ / TOTAL OF UNIVERSITIES
	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	
Уровень конкурентоспособности / The level of competitiveness	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	вузов	доля от общего, %	доля по модели, %	
высокий / high	22	11,2	68,8	8	4,1	36,4	8	4,1	17,0	9	4,6	9,5	47
средний / medium	7	3,6	21,9	7	3,6	31,8	20	10,2	42,6	37	18,9	38,9	71
низкий / low	3	1,5	9,4	7	3,6	31,8	19	9,7	40,4	49	25,0	51,6	78
ВСЕГО / TOTAL	32	16,3		22	11,2		47	24,0		95	48,5		196
Динамика статусов участия в Программе / Dynamics of participation statuses in Programm													
	вузов	доля модели, %	доля от участн. по модели, %	вузов	доля модели, %	доля от участн. по модели, %	вузов	доля модели, %	доля от участн. по модели, %	вузов	доля модели, %	доля от участн. по модели, %	
Участвуют в Программе в 2023 / Participate in Programm to 2023	29	90,6		15	68		27	57,5		37	38,9		108
Снизили позиции / Reduced positions	2		6,9	2		13,3	3		11,1	3		8,1	10
Повысили позиции / Increased positions	3		10,3	0			5		18,5	11		29,7	19

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ставляет 11,2% от общей выборки и 20,3% от числа участников 2023 г.). Чаще повышали свои позиции вузы четвертой группы – 11 университетов, 10,2% от числа участников Программы и 29,7% от обучающихся вузов. Это может быть косвенным свидетельством большей стратегической устойчивости образовательных организаций данных категорий. Относительно большая доля вузов снизили свои позиции во второй и третьей группах – 13,3 и 11,1% соответственно от числа университетов–участников Программы

из данных групп. Указанное подтверждает дуальность в выборе корректирующих экономическую модель действий: либо углубление исследований, либо развитие ППС (повышение уровня оплаты труда, квалификации, вовлеченности) и необходимость соотношения фокусировки миссии с потенциалом имеющейся экономической модели.

Вместе с тем полученные результаты актуализируют необходимость изменений в вузовских процессах формирования стратегии повышения

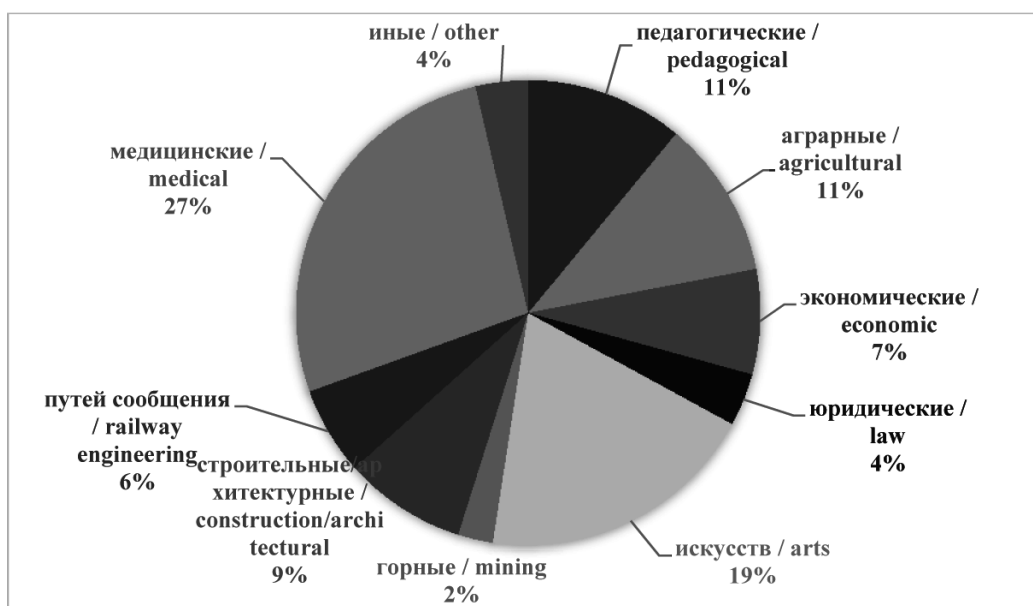

Рис. 5 / Fig. 5. Структура отраслевых вузов — участников Программы /
The structure of the branch universities participating in the Program

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

конкурентоспособности. Наша гипотеза состоит в том, что наиболее перспективным в повышении конкурентоспособности является путь формирования и развития сети вовлеченных стейкхолдеров (внешних и внутренних) и интеграции вузовских стратегий и стратегий регионов присутствия.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И УРОВНЕЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОТРАСЛЕВЫХ ВУЗОВ

Среди всего массива участников Программы, экономические модели которых можно было бы охарактеризовать как ИВсУОТ и ОВсИС (всего 59 участников по итогам отбора в 2021 г.), основную долю составляют вузы, которые заявили к участию на трек территориально-отраслевого лидерства в количестве 55 учебных заведений разной направленности. Динамика, выявленная для этой категории университетов, и наибольшая вероятность снижения статуса или выбытия из Программы обусловили необходимость обращения к детальной характеристике отраслевых (аграрных, педагогических, медицинских и т.д.) университетов. Всего среди участников и университетов, подававших заявку на участие в Программе, насчитываются 82 вуза.

Для определения наличия специфики были проанализированы показатели по 22 вузам, подведомственным Минздраву России, поскольку они обладают иной подчиненностью, а также представляют наиболее крупную по численности подгруппу участников Программы (26,8% от числа отраслевых вузов, рис. 5).

13 из рассматриваемых вузов принимали по итогам 2023 г. участие в Программе. Представим в табл. 4 характеристику данной группы вузов.

Таким образом, среди рассмотренных подведомственных Минздраву России высших учебных заведений нет ни одного вуза, который по характеру экономической модели соответствовал бы типу ИВсВП. Только трех участников Программы из шести вузов, получающих специальную часть гранта, можно охарактеризовать как экономически успешные — заработная плата ППС выше медианного значения. ППС половины медицинских вузов (в десяти ГМУ России) имеет сравнительно низкие заработные платы. Все три вуза, повысившие уровень конкурентоспособности, являются высшими учебными заведениями с относительно высокими заработными платами. Зарплата ППС среди участников Программы составляет 230,5%, что существенно выше тех, кто не стал им или утратил этот статус — 210,8%, что позволяет зафиксировать риск потери позиций медицинских вузов в Про-

Таблица 4 / Table 4

Характеристика вузов, подведомственных Минздраву России и принимавших участие/подававших заявку к участию в Программе в период 2021–2023 гг. / Characteristics of universities subordinate to the Ministry of Health of the Russian Federation and participating/applying for participation in the period from 2021 to 2023

Наименование вуза / Name of the university	Уровень конкурентоспособности в 2021 г. / The level of competitiveness in 2021	Уровень конкурентоспособности в 2023 г. / The level of competitiveness in 2023	Доля доходов от НИОКР, 2023 г. / Share of R&D revenue, 2023, %	Зарплата ППС, 2023 г., % / The salary of the teaching staff, 2023, %	Характер экономической модели / Nature of the economic model
по программе «Приоритет-2030» в 2023 г. / according to the «Priority 2030» program in 2023			13,6 (среднее)	212 (медианное)	
Сеченовский университет	В	В	7,66	203,45	ОВ
РНИМУ им. Н.И. Пирогова	В	В	11,21	200,41	ОВ
Башкирский ГМУ	В	В	8,1	260,13	ОВсИС
ПИМУ	В	В	5,38	224,52	ОВсИС
Самарский ГМУ	В	В	6,51	294,84	ОВсИС
Сибирский ГМУ	В	В	5,82	209,53	ОВ
МГМСУ им. А.И. Евдокимова	С	С	26,59	210,81	ИВсУОТ
Смоленский ГМУ	С	С	9,44	209,57	ОВ
Тюменский ГМУ	Н	С	7,47	216,83	ОВсИС
Казанский ГМУ	С	Н	10,25	221,79	ОВсИС
Северный ГМУ	Н	Н	9,56	203,07	ОВ
Уральский ГМУ	С	Н	6,48	238,25	ОВсИС
ПСПбГМУ им. И.П. Павлова	С	С	4,26	217,72	ОВсИС
Кубанский ГМУ	С	Н	5,03	275,33	ОВсИС
Воронежский ГМУ им. Н.Н. Бурденко	Н	Н	4,82	237,65	ОВсИС
Санкт-Петербургский ГПМУ	Н	Н	4,07	197,15	ОВ
Красноярский ГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого	Н	Н	5,08	203,03	ОВ
Южно-Уральский ГМУ	Н	Н	1,46	213,55	ОВсИС
Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского	Н	Н	1,36	204,34	ОВ
Оренбургский ГМУ	Н	Н	3,33	222,76	ОВсИС
Рязанский ГМУ им. И.П. Павлова	Н	Н	5,09	208,96	ОВ
Тихоокеанский ГМУ	Н	-	2,68	200,88	ОВ

Примечание / Note: в столбцах «Уровень конкурентоспособности в 2021 г.» и «Уровень конкурентоспособности в 2023 г.» / Note: in the “The level of competitiveness in 2021” and “The level of competitiveness in 2023” columns В – высокий / high; С – средний / medium; Н – низкий / low; In the “Nature of the economic model” column ИВсУОТ = RUMS; ОВсИС = TURC; ОВ = TU.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

грамме из-за сравнительно низкой оплаты труда основного персонала.

По нашему мнению, подобный результат обусловлен как авангардным характером отклика именно медицинских вузов на вызовы внешней среды, так и специфичностью набора факторов успеха таких университетов. Полученные данные инициируют необходимость исследования внутренних и внешних барьеров, ограничивающих процессы формирования, разработки и реализации стратегии вузов, выбравших отраслевую или территориальную траекторию развития.

ВЫВОДЫ

Представленные результаты исследования подтверждают значимость параметров экономической модели вуза для выбора стратегии и позволяют сформулировать предложения по их корректировке в соответствии с направленностью и структурированностью процесса стратегического планирования деятельности вузов.

В качестве особенности проанализированного периода зафиксировано снижение пороговых значений, использованных для группировки вузов по характеру экономической модели, в частности доли доходов от НИОКР, в первую очередь в группе вузов-лидеров по данному показателю, что обусловлено, по нашему мнению, опережающим ростом иных доходов этих образовательных организаций. Незначительное уменьшение относительного уровня заработной платы ППС вызвано внешним по отношению к Программе шоком — повышением средних заработных плат в наиболее экономически развитых регионах страны.

Исследование подтвердило гипотезу о том, что особенности экономической модели влияют на уровень стратегического риска — опасности снижения конкурентоспособности. Так, относительно большая

доля ИВсУОТ и ОВсИВ за два года реализации Программы снизила свои позиции или вышла из нее (13,3 и 11,1% соответственно).

При этом наблюдается устойчивость группы ИВсВП, демонстрирующих снижение позиций в сравнительно низком ряде случаев. При этом они чаще являются участниками Программы, а 68,8% таких университетов получают специальную часть гранта — 20,3% из числа участников 2023 г. В дальнейшем целесообразно провести более детальную диагностику данной группы вузов, с учетом результатов внутригрупповой конкуренции для выявления дополнительных факторов конкурентоспособности.

Анализ сопоставимых по характеру деятельности вузов демонстрирует значимость зарплаты ППС. Например, среди медицинских вузов сохранили уровень конкурентоспособности университеты, имеющие более высокие значения по данному показателю — среднее 230,5% против 210,8% в аналогичных вузах, не вошедших в состав участников или утративших этот статус.

Конечно, принятие управленческих решений в отдельно взятом вузе требует проведения детального анализа внутреннего и внешнего контекстов, определения наиболее значимых факторов конкурентоспособности, а также возможностей привлечения ресурсов и компетенций ключевых групп стейкхолдеров, в том числе представителей региональных органов власти и отраслевых лидеров. Оценивание необходимости и масштаба корректирующих действий должно включать оценку образовательных, управленческих и обеспечивающих процессов и согласованность политик вуза. Проведение более глубокого исследования и анализ итогов реализации Программы в 2024 г. позволит уточнить гипотезы и сформулировать окончательные выводы относительно взаимного влияния уровня конкурентоспособности вузов и характера их экономических моделей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прокофьев С.Е., ред. Экосистема вузов: трансформация российской системы образования. Монография. М.: Инфра-М; 2023. 341 с. DOI: 10.12737/1901313
2. Платонова Д.П., Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д., ред. Университеты на перепутье: высшее образование в России. Монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2019. 320 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2138-7
3. Ситаров В.А. История образования в России: постсоветское время. *Знание. Понимание. Умение*. 2019;(2):201–216. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.19
4. Шибанова Е.Ю., Платонова Д.П., Лисюткин М.А. Проект 5–100: динамика и паттерны развития университетов. *Университетское управление: практика и анализ*. 2018;22(3):32–48. DOI: 10.15826/umpra.2018.03.025

5. Молитвин М.Н., Суязов В.В. Программы стратегического академического лидерства в России: прошлое и будущее. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2021;20(3):432–452. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2021.307
6. Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В. Первые успехи и неудачи университетов-участников трека «Территориальное и отраслевое лидерство» программы «Приоритет-2030». *Высшее образование в России*. 2023;32(7):48–66. DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–7–48–66
7. Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В. Исследовательское лидерство программы «Приоритет-2030»: факторы успеха. *Высшее образование в России*. 2022;31(1):42–58. DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–1–42–58
8. Киселева О.Н., Васина А.В., Сысоева О.В. Сетевизация высших учебных заведений как фактор повышения инновационного развития региона. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2023;14(1):53–60. DOI: 10.18287/2542–0461–2023–14–1–53–60
9. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы «Приоритет-2030»: проблемы и перспективы. *Высшее образование в России*. 2022;31(1):59–71. DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–1–59–71
10. Роденкова Т.Н., Гришина О.А., Анохова Е.В. Оценка финансово-экономической результативности государственных инвестиций в программах академического превосходства вузов. *Финансы и кредит*. 2022;28(10):2201–2224. DOI 10.24891/ fc.28.10.2201

REFERENCES

1. Prokofiev S.E., ed. The ecosystem of universities: the transformation of the Russian education system. Monograph. Moscow: Infra-M; 2023. 341 p. (In Russ.). DOI: 10.12737/1901313
2. Platonova D.P., Kuz'minov Ya.I., Frumin I.D., eds. Universities at the crossroads: higher education in Russia/ Monograph. Moscow: HSE; 2019. 320 p. (In Russ.). DOI: 10.17323/978–5–7598–2138–7
3. Sitarov V.A. The history of education in Russia: post-Soviet time. *Znanie. Ponimanie. Umenie. = Knowledge. Understanding. Ability*. 2019;(2):201–216. (In Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2019.2.19
4. Shibanova E. Yu., Platonova D.P., Lisutkin M.A. Project 5–100: dynamics and development patterns of universities. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2018;22(3):32–48. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2018.03.025
5. Molitvin M.N., Suyazov V.V. 2021. Strategic academic leadership programs in Russia: Past and future. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Menedgement = Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. 2020;20(3):432–452. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu08.2021.307
6. Guseva A.I., Kalashnik V.M., Kaminsky V.I., Kireev S.V. First successes and failures of universities participating in “leadership in the region and/or industry” track of the “priority 2030” program. *Vysseee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(7):48–66. (In Russ.), DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–7–48–66
7. Guseva A.I., Kalashnik V.M., Kaminsky V.I., Kireev S.V. Research leadership of “priority 2030” program: success factors. *Vysseee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(1):42–58. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–1–42–5
8. Kiseleva O.N., Vasina A.V., Sysoeva O.V. Networkization of higher educational institutions as a factor in increasing the innovative development of the region. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = Vestnik of Samara University. Economics and Management*. 2023;14(1):53–60. (In Russ.). DOI: 10.18287/2542–0461–2023–14–1–53–60
9. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. Scientific and pedagogical community in russian universities in the context of the program “priority 2030” implementation: problems and prospects. *Vysseee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(1):59–71. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–1–59–71
10. Rodenkova T.N., Grishina O.A., Anokhova E.V. Assessing financial and economic performance of public investments in academic excellence programs of universities. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2022;28(10):2201–2224. (In Russ.). DOI: 10.24891/ fc.28.10.2201

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Даниил Геннадьевич Сандлер — доктор экономических наук, доцент, первый проректор по экономике и стратегическому развитию, заведующий кафедрой менеджмента, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по проблемам университетского развития, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Daniil G. Sandler — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., First Vice-Rector for Economics and Strategic Development, Head of the Department of Management, Leading Researcher at the Research Laboratory on University Development, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5641-6596>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
d.g.sandler@urfu.ru

Ксения Александровна Данилова — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по проблемам университетского развития, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ksenia A. Danilova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of Department of Management, Researcher at the Research Laboratory on Problems of University Development, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6778-6672>
k.a.danilova@urfu.ru

Юлия Анатольевна Мальцева — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Julia A. Maltseva — Cand. Sci. (Phil.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Departments of Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1121-8748>
i.a.maltseva@urfu.ru

Заявленный вклад авторов:

Д.Г. Сандлер — научное руководство исследованием; формулировка научных гипотез, проверяемых статистическими данными, и выводов.

К.А. Данилова — сбор и обработка статистических данных, их интерпретация.

Ю.А. Мальцева — анализ данных по отраслевым вузам, формулировка гипотез и выводов.

Authors' Contribution Statement:

Daniil G. Sandler — scientific management of the research; formulation of scientific hypotheses, verified by statistical data, and conclusions.

Ksenia A. Danilova — collection and processing of statistical data, their interpretation.

Julia A. Maltseva — analysis of data on industry universities, formulation of hypotheses and conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2024; принята к публикации 24.07.2024.

The article was received 13.05.2024; accepted for publication 24.07.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-31-41
УДК 336.025(045)
JEL A20, A22, H25, L26

Факторы конкурентоспособности высших учебных заведений в сфере обучения предпринимательству

Ю.Б. Рубин, Д.П. Можжухин
Университет «Синергия», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – обеспечение конкурентоспособности высших учебных заведений в сфере обучения предпринимательству.

Цель работы – выявление взаимосвязи феноменов качества и конкурентоспособности вузов в процессе создания и реализации образовательных программ по предпринимательству.

Актуальность и значимость рассмотрения соотношения качества и конкурентоспособности в сфере предпринимательского образования обусловлены объективным запросом заинтересованных сторон на повышение его качества, в частности рядовых граждан – возможных будущих или начинающих предпринимателей, их окружения, органов государственного управления, осознающих необходимость профессионального решения предпринимательских задач в различных сферах экономики для комплексного развития страны.

В статье представлен анализ взаимосвязи качества образования и конкурентоспособности образовательных организаций высшего образования. На основании использования методов дедукции, индукции, синтеза и кейс-метода раскрыты факторы, влияющие на уровень конкурентоспособности вузов, участвующих в процессе обучения предпринимательству.

Выявляются и классифицируются группы образовательных ресурсов как факторы конкурентоспособности вузов в сфере обучения предпринимательству. Особое внимание уделяется качеству академических ресурсов обучения предпринимательству. *Делается вывод* о важности формирования конкурентоспособных образовательных результатов в сфере обучения предпринимательству благодаря повышению качества образовательных программ, содержанию методик и технологий обучения предпринимательству.

Ключевые слова: высшее образование; высшие учебные заведения; предпринимательское образование; предпринимательство; обеспечение конкурентоспособности; образовательные программы

Для цитирования: Рубин Ю.Б., Можжухин Д.П. Факторы конкурентоспособности высших учебных заведений в сфере обучения предпринимательству. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):31-41. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-31-41

ORIGINAL PAPER

Factors of Competitiveness of Higher Educational Institutions in the Field of Entrepreneurship Education

Yu.B. Rubin, D.P. Mozzhukhin
Synergy University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is ensuring the competitiveness of higher education institutions in the field of entrepreneurship education.

The purpose of the work is to identify the relationship between the phenomena of quality and competitiveness of universities in the process of creating and implementing educational programs on entrepreneurship.

The relevance and importance of considering the ratio of quality and competitiveness in the field of entrepreneurial education are due to the objective request of stakeholders to improve the quality of entrepreneurial education, in particular ordinary citizens – possible future or novice entrepreneurs, their environment, public authorities who understand the need for professional solutions to entrepreneurial tasks in various fields for the integrated development of the country, as well as the business community of the Russian Federation Federations.

© Рубин Ю.Б., Можжухин Д.П., 2024

The article presents an analysis of the relationship between the quality of education and the competitiveness of educational institutions of higher education. Based on the use of methods of deduction, induction, synthesis and the case method, the factors influencing the level of competitiveness of universities involved in the process of teaching entrepreneurship are revealed.

It is noted that the factors of competitiveness in the field of entrepreneurship education are based on a resource-based approach to describing competitiveness. Groups of educational resources are identified and classified as factors of competitiveness of universities in the field of entrepreneurship education. Special attention is paid to the quality of academic resources for entrepreneurship education. *The conclusion is made* about the importance of forming competitive educational results in the field of entrepreneurship education by improving the quality of educational programs, content, methods and technologies of entrepreneurship education.

Keywords: higher education; higher educational institutions; entrepreneurial education; entrepreneurship; ensuring competitiveness; educational programs

For citation: Rubin Yu.B., Mozhzhukhin D.P. Factors of competitiveness of higher educational institutions in the field of entrepreneurship education. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):31-41. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-31-41

ВВЕДЕНИЕ

Феномен высшего предпринимательского образования сформировался в западных странах в середине XX в., а в России — на рубеже тысячелетий. Однако мировое академическое сообщество до сих пор не едино в его научной идентификации [1] и классификации его возможностей для обеспечения эффективности предпринимательской деятельности [2]. Объектом широких дискуссий является также проблематика конкурентоспособности образовательных организаций, в частности соотношение конкурентоспособности и качества образования. Интерпретация этой проблематики не получила пока должного представления на страницах российских печатных изданий, несмотря на очевидную актуальность запросов на включение студенческих стартапов в перечень результатов обучения по программам высшего образования и необходимость формирования вузами условий и экосистем их реализации в современной предпринимательской среде.

Предпринимательство, занятию которым посвящена жизнь многих россиян, является одним из ключевых условий эффективного развития нашей страны. Успешное становление предпринимательства оказывает положительное влияние на инвестиционный потенциал и экономический рост России, повышение эффективности взаимодействия общества, экономики и государства, а также результативность управленческих решений в народном хозяйстве. Это влияние еще более значимо в условиях дестабилизации экономического и политического пространств на международной арене, так как вовлечение качественно подготовленной молодежи в предпринимательство способствует усилению конкурентоспособности

российского предпринимательства при изменении векторов глобализации миропорядка.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. отметил, что малый и средний бизнес вносит ощутимый вклад в экономический рост России, доля которого в таких отраслях, как обрабатывающая промышленность, туризм и IT, превышает 21% ВВП. В 2023 г. был зафиксирован самый высокий показатель по регистрации новых организаций в сфере малого и среднего бизнеса — 1 млн 200 тыс. Также Президент Российской Федерации обращает внимание на необходимость поддержки созидательной энергии молодых предпринимателей, число которых выросло до 240 тыс. человек.

Продолжает выстраиваться взаимодействие вузов и предпринимательского сообщества [3; 4], например в рамках таких ежегодных мероприятий как «Слет успешных предпринимателей», которые проходят в Тюмени и Сочи. Подтверждением интереса к развитию предпринимательского образования является проведение в 2024 г. Минобрнауки России Всероссийского конкурса выпускных квалификационных работ в формате «Стартап как диплом» с целью представления результатов этой программы как потенциала развития молодежного предпринимательства в России.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И КАЧЕСТВА

Под высшим предпринимательским образованием понимается обучение студентов согласно вузов-

ским образовательным программам по предпринимательству и их составным частям — учебным планам, учебным модулям, компетентностным моделям, матрицам компетенций как планируемых (заявляемых) результатов обучения [4].

С момента возникновения феномен предпринимательского образования эволюционирует в конкурентной среде, и, следовательно, успехи в нем определяются уровнем конкурентоспособности вузов в сфере обучения предпринимательству.

Стремление акторов к обеспечению конкурентоспособности — важный признак конкурентного характера образовательной среды. Стороны соперничества являются конкурентоспособными, если они превосходят соперников в конкурентном потенциале, т.е. в способности реализации конкурентных преимуществ. Причем они конкурентно устойчивы, если обладают конкурентными позициями, обеспечивающими эту устойчивость.

Проблема, однако, состоит в том, что теорией до сих пор не сформулированы рамочные критерии признания уровней конкурентоспособности вузов.

Понятие «конкурентоспособность» часто трактуется в утрированно рыночном контексте. Так, в словаре «Рыночная экономика» конкурентоспособность в сфере образования определяется как «способность участников образовательного пространства противостоять на рынке как по степени удовлетворения своими образовательными услугами конкретной общественной потребности, так и по эффективности научно-образовательной деятельности»¹. В.Е. Хруцкий и И.В. Корнеева сходятся во мнении, что конкурентоспособность в сфере образования — это способность образовательного учреждения успешно оперировать на конкретном рынке в данный период времени путем предоставления конкурентоспособных образовательных услуг [5]. В соответствии с определением И.Б. Романовой «конкурентоспособность — это свойство высшего учебного заведения, определяющее долю релевантного рынка образовательных услуг, принадлежащих данному вузу, и возможность препятствовать перераспределению рынка в пользу других субъектов» [6]. Цитируемый автор полагает, что конкурентоспособность является ведущим показателем хозяйственно-экономической деятельности вуза, определяющим его настоящее и перспективное состояние на выбранных им сегментах рынка.

¹ Киперман Г.Я., ред. Рыночная экономика. М.: Республика; 1993. 524 с.

Между тем конкурентоспособность, как следует из семантики самого понятия, — это способность (готовность) субъектов деятельности к успешному (результативному) участию в конкуренции. Само же участие в конкуренции — вечного двигателя развития — сочетает деловой и содержательный аспекты любого вида профессиональной деятельности [7; 8].

С одной стороны, бессмысленно исключать реалии конкурентной среды из состава объектов внимания при исследовании образовательной деятельности и образовательных отношений и трактовать образовательное сообщество как неконкурентное по определению. Такие попытки приводят лишь к выделению вузов и образовательных программ в них в некие кластеры объектов вне конкуренции и монополизации сегментов образовательного пространства теми или иными акторами, что лишает образовательное пространство перспектив обеспечения устойчивой эволюции вследствие постоянного стремления всех его участников к совершенству и опережению других акторов.

Неприятие констатации конкуренции в образовании также негативно отражается на формировании траекторий развития учебных заведений. Некоторые из них необоснованно объявляются ведущими, «великими» вузами «вне конкуренции» на территории России, что в дальнейшем обрекает их на низкий уровень конкурентоспособности в мировом образовательном пространстве и, по сути, делает заложниками текущего уровня квалификации их персонала. Остальным, даже тем, кто обладает потенциалом соперничества за достижение превосходства в образовательной деятельности, уготована участь быть ведомыми без шансов на генерирование прорывных академических идей, самостоятельное развитие образовательных программ, учебно-методических материалов, технологий и инфраструктуры обучения.

С другой стороны, методологически ошибочно подгружать нарративы конкурентоспособности образовательных организаций в операционные и ситуационные реалии рыночной среды, увязывая конкурентоспособность только с маркетинговыми, коммерческими и инвестиционно-финансовыми достижениями этих организаций, а критерии ее определения — с категориями доходов, накоплений, прибыли и рентабельности. Ведь ключевое значение имеет выявление потенциала создания, поддержания и упрочения конкурентных преимуществ прежде всего в предмете образовательной деятельности — вузовских образовательных программах и их составных частях.

Обеспечивая конкурентные преимущества и демонстрируя отсутствие конкурентных недостатков именно в этих направлениях деятельности, российские вузы на практике показывают окружению сферы образования уровень собственной конкурентоспособности как способности опережать других участников по профилю профессиональной деятельности.

Претензии акторов образовательного пространства на статус конкурентоспособной образовательной организации должны опираться прежде всего на намерения превосходить других акторов в академической сфере. У вузов должны быть сравнительно лучшие по качеству образовательные программы и условия их реализации. Достижение качества образования становится целью, а получение качественных результатов обеспечивается качественными ресурсами.

А.И. Васильев резонно отмечает, что анализировать взаимосвязь качества и конкурентоспособности можно путем проведения исследования, основанного на подробном рассмотрении всей совокупности ресурсов вузов и результатов, которые они получают при их использовании [9]. Н.И. Пашенко определил конкурентоспособность вуза как «его настоящие и потенциальные способности (возможности) по оказанию соответствующего уровня образовательных услуг, удовлетворяющих потребности общества при подготовке высококвалифицированных специалистов, а также потребности по разработке, созданию и реализации научно-методической и научно-технической продукции как в настоящее время, так и в будущем» [10]. Р.А. Фатхутдинов утверждает, что конкурентоспособность вуза — «это его способность:

1) готовить специалистов, выдерживающих конкурентную борьбу на конкретном внешнем или внутреннем рынке труда;

2) разрабатывать конкурентоспособные новшества в этой области;

3) вести эффективную воспроизводственную политику во всех сферах своей деятельности» [11].

Интегрально под конкурентоспособностью вузов следует понимать признак силы их конкурентного потенциала, реализуемого посредством его фактического применения, и готовности к успешному соперничеству за образовательные результаты.

Уровень конкурентоспособности вузов следует рассматривать как ресурс их готовности к успешному соперничеству и характеристику сравнительного ка-

чества ресурсов, привлекаемых из разных источников для применения в образовательной деятельности².

Обратной стороной конкурентоспособности является конкурентная устойчивость как признак достижения благоприятных результатов по окончании соперничества вузов. Первое явление имеет значение для участия в конкуренции как его предпосылка, второе — как его результат [12].

Качество образования является признаком конкурентной устойчивости результатов образовательной деятельности, а качество образовательных ресурсов — признаком конкурентоспособности организаций, осуществляющих эту деятельность.

Поэтому взаимная обусловленность процессов повышения качества предпринимательского образования и обеспечения конкурентоспособности вузов, реализующих программы по предпринимательству, не вызывает сомнений. В современных дискуссиях на тему обучения предпринимательству тема соотношения и взаимосвязи уровня качества предпринимательского образования и степени его конкурентоспособности пока остается недостаточно освоенной исследовательской нишей. Однако ее следует осваивать для выработки российскими вузами инструментов анализа, оценки, контроля образовательных результатов и в целом — управления образовательной деятельностью, которые могли бы применяться, например, в процессе участия в реализации программы «Стартап как диплом».

АКАДЕМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗОВ В СФЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ

Перечень образовательных ресурсов, призванных обеспечивать конкурентоспособность российских вузов в сфере предпринимательского образования, включает:

- академические ресурсы (образовательные программы; учебно-методический комплекс, включающий рабочие программы дисциплин, фонды оценочных средств; матрицы компетенций; технологии и методология обучения);

² Понятие конкурентоспособности целесообразно использовать также в процессе характеристики качества самих конкурентных действий, совершаемых в ходе операционного взаимодействия сторон, соперничества [12]. В данной статье этот перспективный аспект исследования конкурентоспособности российских вузов не рассматривается.

- научные ресурсы (учебники, обеспечивающие обучение предпринимательству, публикации результатов научных исследований);
- кадровые ресурсы (научные сотрудники, которые непосредственно занимаются управлением процессом обучения, профессорско-преподавательский состав);
- информационные ресурсы — базы данных, базы знаний, каналы информационных коммуникаций в сфере предпринимательского образования;
- правовые ресурсы — разработанные на перспективу локальные нормативные акты (регламенты, распоряжения) в сфере предпринимательского образования, созданные на многие годы вперед организационная и управленческая структуры предпринимательского образования в вузе, регламенты внутрифирменных бизнес-коммуникаций, правила поведения и кодексы добросовестной практики в процессе реализации предпринимательских программ;
- материальные ресурсы — аудиторный фонд, техническое оснащение аудиторных фондов и другие;
- маркетинговые ресурсы — обустроенные на перспективу каналы привлечения абитуриентов на программы по предпринимательству, укорененные бренды, прогнозы эволюции рынков предпринимательского образования;
- финансовые ресурсы — финансовые активы подразделения, направленные на организацию обучения предпринимательству.

Предпринимательство как особый вид профессиональной деятельности включает выполнение функций по созданию, текущему ведению, развитию собственного бизнеса, а также по свертыванию и прекращению отдельных бизнес-проектов и занятию предпринимательства в целом. Именно на это российским вузам целесообразно ориентировать образовательные программы по предпринимательству.

Качество всех перечисленных ресурсов важно для формирования вузами желаемого уровня своей конкурентоспособности. В настоящей статье будут рассмотрены элементы первой (и самой важной) их группы — образовательные программы и их учебно-методическое сопровождение. Эти ресурсы нужны для непосредственного формирования системы профессионально и личностно важных компетенций, которая включала бы блоки универсальных, общепрофессиональных и профессиональных (собственно предпринимательских) компетенций, необходимых для вовлечения выпускников в предприниматель-

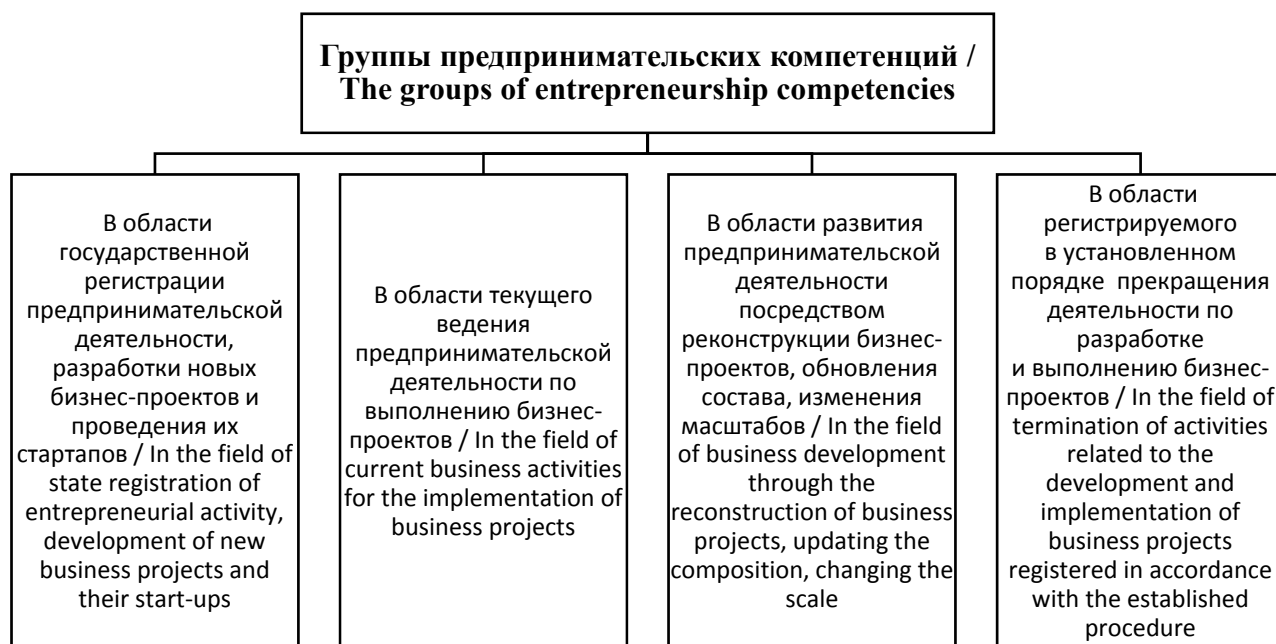
скую деятельность на профессиональной основе как участников стартап-движения. В отличие от групп универсальных и общепрофессиональных компетенций, состав которых задается федеральными государственными образовательными стандартами (далее — ФГОС), профессиональные предпринимательские компетенции формируются непосредственно вузами. Их состав неоднократно описывался в предыдущих публикациях авторов [13; 14].

Рассмотрению процесса формирования знаний и навыков, необходимых обучающимся для успешного занятия предпринимательством, посвящены многочисленные зарубежные исследования [15–21]. Согласно свидетельству М. Морриса и Э. Лигуори «быстрый темп становления предпринимательства значительно опередил наши представления и понимание подходов к содержанию программ по предпринимательству, технологиям его преподавания и оценке результатов данного обучения [22].

Претендующие на высокий уровень конкурентоспособности образовательные программы по предпринимательству, несомненно, должны быть нацелены на обеспечение качества образовательных результатов, определяемого как высокий уровень профессиональной компетентности выпускников в сфере предпринимательства. С учетом имманентности функций по созданию, текущему ведению, развитию и прекращению собственного дела, профессиональные предпринимательские компетенции следует сгруппировать, выделив в системе группы предпринимательских компетенций, необходимых выпускникам программ по предпринимательству для успешного исполнения каждой из них (рис. 1).

Российские вузы, выпускающие квалифицированных специалистов по предпринимательству, способствуют активизации экономической деятельности за счет увеличения числа реализуемых через самостоятельно производимые стартапы новых бизнес-проектов по созданию и доведению до потребителей востребованных товаров, услуг, работ (рис. 2).

Более конкурентоспособными считаются образовательные организации, для которых выпускной стартап как альтернатива выпускной квалификационной работе представляет собой реально выполняемый бизнес-проект, а не бизнес-план последнего или набор намерений. Менее конкурентоспособными оказываются вузы, которые либо подменяют обучение предпринимательству мотивирующими семинарами, профориентационной деятельностью, встречами с бизнесменами под видом мастер-классов,

**Рис. 1 / Fig. 1. Группы предпринимательских компетенций /
The groups of entrepreneurship competencies**

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

либо ограничиваются имитационным моделированием реальных стартап-кейсов.

Достижение качественных результатов обучения посредством формирования выпускниками предпринимательских компетенций невозможно без включения в учебный план дисциплин, нацеленных на получение набора поведенческих навыков, которые позволяют одним специалистам отвечать требованиям работы лучше, чем другим, в таких направлениях деятельности, как генерация бизнес-идей, проведение собственных стартапов, управление и развитие собственного бизнеса, в том числе его реструктуризация, реорганизация, диверсификация, ребрендинг, цифровая реконструкция, а также менеджмент бизнес-процессов и бизнес-коммуникаций, покупка, продажа и ликвидация бизнеса, участие в разных типах конкурентного взаимодействия. Следовательно, конкурентным преимуществом завладеют те образовательные организации, которые впереди других наладят обучение по ним, создадут адекватную учебно-методическую базу и соберут преподавательский состав, готовый к ведению занятий на качественном уровне, а также сформируют актуальные матрицы компетенций и индикаторы их достижения, гармонизирующие и структурирующие последовательность изучения учебных дисциплин.

Другими конкурентными преимуществами становятся актуальные методики и технологии реализации данных дисциплин, которые в отличие от традиционной дихотомии «лекции — семинары» могли бы иметь практическую составляющую для реализации траектории достижения планируемых результатов, мотивации обучающихся к предпринимательской деятельности.

Применение современных инструментов в процессе преподавания данных дисциплин позволяло бы также выявлять и развивать у обучающихся предпринимательский образ мышления с учетом их способностей к занятию предпринимательской деятельностью и личностных качеств, профессионально важных для успешного занятия предпринимательством на постоянной основе.

Конкурентоспособность таких вузов достигается, например, дифференциацией состава практических занятий вследствие включения в него лабораторных и ситуационных практикумов, тренингов, мозговых штурмов с элементами геймификации, фестивалей бизнес-проектов.

Так, в процессе выполнения лабораторных практикумов студенты должны решать предпринимательские задачи, связанные с их собственным бизнес-проектированием. Формат лабораторного практикума в данном случае реализуется в виде

Стартап – интегральное воплощение системы образовательных результатов / Startup is an integral embodiment of the learning outcomes system

Рис. 2 / Fig. 2. Место стартапа в системе образовательных результатов / The place of a startup in the learning outcomes system

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

учебно-экспериментальной работы и нацелен на приобретение обучающимися умений и навыков занятия предпринимательской деятельностью на профессиональном уровне, включая публичную презентацию и защиту собственных решений.

Каждый студент получает от преподавателя индивидуальное задание для решения функциональных задач собственного стартапа. В качестве примера задания рассмотрим практикум по разработке ценностных предложений, пользовательских сценариев и воронок продаж.

Задание делится на несколько этапов. *На первом этапе* студент выбирает потенциальный сегмент целевой аудитории и формулирует для него:

- чем полезен продукт для этого потребителя;
- какими основными характеристиками, конкурентными преимуществами обладает продукт.

Далее студент приступает к тестированию ценностного предложения на потенциальных представителях потенциальной целевой аудитории. Полученные результаты тестирования, выраженные в обнаруженных ошибках, находках, замечаниях, предложениях коллег, студент анализирует и формулирует в формате рекомендаций для внесения изменений в ценностное предложение.

На втором этапе студент приступает к разработке пользовательских сценариев, процесс создания которых предполагает следующие шаги: составление портрета потенциального потребителя, написание пользовательской истории (что, когда, как, зачем, в каком порядке делает пользователь, чтобы оформить заказ. Проработанный на предыдущем шаге портрет даст возможность с большой точностью описать мотивы и приоритеты покупателя), конкретизацию пользовательской истории до уровня концептуального сценария.

На третьем этапе студент переходит к проектированию воронок продаж, в ходе которого он определяет содержание уровней воронок продаж, связанных с начальным контактом для информирования неосведомленных потребителей, превращением базовой информации о новом продукте в объект интереса клиентов, трансформацией интереса клиентов в объект устойчивого стремления к приобретению нового продукта, превращением нового продукта в объект купли-продажи, заключением сделки купли-продажи нового продукта.

По итогу выполнения трех этапов студент готовит отчет с презентацией готовых ценностных предложений, пользовательских сценариев, воронок продаж.

Таким образом, формируется стартап-лаборатория, задачами которой становится отработка студентами навыков в области проведения стартапов, включая создание реальных прототипов собственных продуктов с целью их последующей монетизации.

Наряду с лабораторными практикумами в процессе реализации программ, целесообразно использовать такие активные и интерактивные инструменты обучения, как «презентация лучших практик», «демонстрация историй предпринимательского успеха»; технологии наставничества; организация индивидуального и группового наставничества; фасилитация (набор практик и методов для организации групповой работы); инструменты «демонстрации историй предпринимательских провалов»; проведение «стартап — уикендов», «хакатонов»³, «марафонов по генерации бизнес-идей») в соответствии с элементами содержания учебных модулей и тем, входящих в программы.

Значительные резервы повышения конкурентоспособности вузов содержатся в оптимизации самостоятельной работы студентов, прежде всего в профессиональной ориентации ее форм на самостоятельное бизнес-проектирование посредством сочетания аудиторного обучения с выполнением индивидуальных заданий, участием студентов в учебной и производственной практиках, а также в обеспечении качественной взаимосвязи очной и дистанционной технологий обучения. При этом эффективность очного обучения выражена в возможности реализации проектного подхода, активном использовании командной работы обучающихся, методик фасилитации и геймофикации, проведении практикумов с разбором реальных ситуаций. Что касается самостоятельной работы, то ее технологии позволяют организовывать индивидуальное наставничество в процессе бизнес-проектирования обучающимися.

Самостоятельная работа студентов в области бизнес-проектирования и проведения стартапов хорошо коррелирует с идеологией обеспечения самостоятельности в занятии предпринимательской деятельностью. Ее смысл состоит в выполнении заданий преподавателей по работе с рекомендованными кейсами и учебными материалами при фиксированном участии препода-

вателей, нацеленных на отработку тех или иных предпринимательских знаний и навыков. Выполнение заданий должно завершаться достижением результата и его последующей публичной защитой в аудитории. Подготовка отчетов о выполнении заданий направлена на развитие и закрепление у обучающихся навыков самостоятельного глубокого, творческого и всестороннего анализа данных, в том числе на основе их сравнения между собой, на выработку навыков и умений грамотно и убедительно излагать материал, а главное — на формирование практических навыков в области проведения стартапов новых бизнес-проектов, в частности на укоренение шаблонов оптимизации предпринимательских решений и обоснование каждого этапа принятия решения.

Может быть предусмотрен также распределенный формат проведения производственных практик, при котором последние могли начинаться одновременно с началом освоения базовых дисциплин и продолжаться в течение целого семестра. Это позволило бы студентам систематизировать теоретические знания и повышать уровень практических умений по профилю подготовки, собирая и анализируя фактический материал, проверяя основные положения и рекомендации в рамках направления подготовки и профиля образовательной программы на практике, в частности при подготовке и проведении стартапов собственных бизнес-проектов. Например, в процессе прохождения производственной практики перед студентами могут быть поставлены следующие задачи:

- сбор и обработка массивов данных в соответствии с поставленной задачей, анализ, оценка, интерпретация полученных результатов и обоснование выводов;
- практическая отработка профессиональных предпринимательских функций в процессе управления собственным бизнесом в конкурентной среде на рынке (рынках) определенных товаров, услуг, работ;
- приобретение практического опыта формирования, ведения, развития внешне- и внутрифирменных бизнес-процессов и бизнес-коммуникаций в собственном бизнесе;
- проведение статистических обследований, опросов, анкетирования с обработкой результатов и их интерпретацией для целей предпринимательской деятельности;
- анализ видов, направлений, методов конкурентных действий самостоятельно управляемой бизнес-единицы;

³ Хакатон — это мероприятие, на котором в одной команде решается какая-либо задача/проблема, соревнуясь с другими командами.

- оценка конкурентных стратегий и тактик конкурентного поведения самостоятельно управляемой бизнес-единицы;

- отработка инструментов управления собственным бизнесом в различных фазах его жизненного цикла.

Успешное выполнение качественных образовательных программ для обеспечения конкурентоспособности вузов возможно лишь при надлежащем уровне качества других ресурсов — кадровых, информационных, финансовых, материальных, иных. Так, преподаватели должны владеть контентом, методиками преподавания, навыками наставничества, работы тьюторами, управления базами соответствующих знаний, иметь персональный опыт участия в предпринимательской деятельности. В этих случаях кадровые условия реализации программ по предпринимательству становятся гарантией

достижения вузами желанного уровня конкурентоспособности.

ВЫВОДЫ

Российским вузам, стремящимся быть конкурентоспособными, следует прежде всего уделять внимание качеству предпринимательского образования. Надо научиться создавать и реализовывать программы обучения предпринимательству, в том числе по концепции «Стартап как диплом» с учетом признания необходимости формирования у выпускников компетенций в области создания, текущего ведения, развития бизнеса.

Ждут достойного описания в будущих публикациях многообразные образовательные ресурсы как факторы обеспечения конкурентоспособности вузов для успешной реализации программы «Стартап как диплом».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чепуренко А.Ю. Теория предпринимательства: новые вызовы и перспективы. *Форсайт*. 2015;9(2):44–57.
2. Молчанов И.Н. Образование как социальный институт: предпринимательский вектор. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(5):38–46. DOI: 10.26794/1999–849X-2022–15–5–38–46
3. Осипова О.С. Эволюция студенческого инновационного предпринимательства в России. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(5):6–15.
4. Rubin Y., Lednev M., Mozzhukhin D. Entrepreneurship education in action: a matrix of competencies for a bachelor's degree program. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy*. 2018:187–202.
5. Хруцкий В.Е., Корнеева И.В. Современный маркетинг: настольная книга по исследованию рынка. М.: Финансы и статистика; 2002. 528 с.
6. Романова И.Б. Управление конкурентоспособностью высшего учебного заведения. Ульяновск: Средневожский научный центр; 2008. 140 с.
7. Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика. 3-е изд. М.: Гном и Д; 2001:31–34.
8. Рубин Ю.Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. *Современная конкуренция*. 2010;(3):38–67.
9. Васильев А.И. Качество образования и конкурентоспособность вуза: аспекты взаимосвязи. *Высшее образование в России*. 2019;28(4):37–43. DOI: 10.31992/0869–3617–2019–28–4–37–43
10. Пащенко Н.И. Конкурентоспособность вузов и стратегии их деятельности в условиях региональной конкуренции. Дисс. канд. экон. наук: специальность 08.00.04. Уфа; 1999. 189 с.
11. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью вуза. *Высшее образование в России*. 2006;(9):37–38.
12. Рубин Ю.Б. Менеджмент участия в конкуренции как направление научных исследований. *Современная конкуренция*. 2024;18(1):69–91. DOI: 10.37791/2687–0657–2024–18–1–69–91
13. Рубин Ю.Б., Можжухин Д.П. Высшее предпринимательское образование: ориентиры становления и смягчения ограничений. *Высшее образование в России*. 2022;31(11):106–121. DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–11–106–121
14. Рубин Ю.Б., Алексеева Е.В., Леднев М.В., Можжухин Д.П. Обучение предпринимательству: пути укоренения в вузовском сегменте российского образования. *Современная конкуренция*. 2017;61(1): 30–56.
15. Morris M., Webb J., Fu J., Singhal S. A competency-based perspective on entrepreneurship education: conceptual and empirical insights. *Journal of Small Business Management*. 2013;51(3):352–369.
16. Baron R.A., Markman G.D. Beyond. Social capital: the role of entrepreneurs' social competence in their financial success. *Journal of Business Venturing*. 2003;18:41–60.

17. Rauch A., Frese M. Let's put the person back into entrepreneurship research: a meta-analysis on the relationship between business owners' personality traits, business creation, and success. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2007;16:353–385.
18. Robles L., Zárraga-Rodríguez M. Key competencies for entrepreneurship. *Procedia Economics and Finance*. 2015;23:828–832.
19. Matthews Ch., Solomon G. The curricular confusion between entrepreneurship education and small business management: a qualitative analysis. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy: in association with the united states association for small business and entrepreneurship (USASBE)* Edward Elgar Publishing Limited, Inc. 2014:107.
20. White R., Hertz G., Moore K. Competency based education in entrepreneurship: a call to action for the discipline. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy: in association with the United States association for small business and entrepreneurship (USASBE)* Edward Elgar Publishing Limited, Inc. 2016: 1.
21. Mitchelmore S., Rowley J. Entrepreneurial competencies: a literature review and development agenda. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2010;16(2):92–111.
22. Liguori E., Cowden B., Hertz G. Teaching entrepreneurial sales skills: a co-curricular approach. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy: in association with the United States association for small business and entrepreneurship (USASBE)* Edward Elgar Publishing Limited, Inc, 2016: 389–391.

REFERENCES

1. Chepurenko A. Entrepreneurship theory: new challenges and future prospects. *Foresight-Russia*. 2015;9(2):44–57. (In Russ.). DOI: 10.17323/1995–459x.2015.2.44.57
2. Molchanov I.N. Education as a social institution: an entrepreneurial vector. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(5):38–46. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2022–15–5–38–46ORI
3. Osipova O.S. Evolution of student innovative entrepreneurship in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(5):6–15. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2023–16–5–6–15
4. Rubin Y., Lednev M., Mozhzhukhin D. Entrepreneurship education in action: a matrix of competencies for a bachelor's degree program. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy*. 2018:187–202.
5. Khrutsky V.E., Korneeva I.V. *Modern marketing: a handbook on market research*. Moscow: Finance and Statistics; 2002. 528 p. (In Russ.).
6. Romanova I.B. *Competitiveness management of higher education institutions*. Ulyanovsk: Srednevolzhsky Scientific Center; 2008. 140 p. (In Russ.).
7. Yudanov A. Yu. *Competition: theory and practice*. — 3rd ed. Moscow. GNOME and D, 2001:31–34. (In Russ.).
8. Rubin Yu.B. Discussion questions of modern competition theory. *Sovremennaya konkurenciya = Journal of Modern Competition*, 2010;21(3):38–67. (In Russ.).
9. Vasil'ev, A.I. Quality and Competitiveness in the system of higher education: aspects of interrelation. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2019;28(4):37–43. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2019–28–4–37–43
10. Pashchenko N.I. *Competitiveness of universities and strategies of their activities in the context of regional competition*. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Ufa; 1999. (In Russ.).
11. Fatkhutdinov R.A. *University competitiveness management*. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2006;(9):37–38. (In Russ.).
12. Rubin Yu. Management of participation in competition as a direction of scientific research. *Sovremennaya konkurenciya = Journal of Modern Competition*. 2024;18(1):69–91 (In Russ.). DOI: 10.37791/2687–0657–2024–18–1–69–91
13. Rubin Yu. B., Mozhzhukhin D.P. Higher entrepreneurship education: guidelines for the formation and mitigation of restrictions. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(11):106–121. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–11–106–121
14. Rubin Yu. B., Alekseeva E.V., Lednev M.V., Mozhzhukhin D.P. Entrepreneurship education: the way of rooting in university segment of russian education. *Sovremennaya konkurenciya = Journal of Modern Competition*. 2017;61(1):30–56. (In Russ.).
15. Morris M., Webb J., Fu J., Singhal S. A Competency-based perspective on entrepreneurship education: conceptual and empirical insights. *Journal of Small Business Management*. 2013;51(3):352–369.

16. Baron R.A., Markman G.D. Beyond. Social capital: the role of entrepreneurs' social competence in their financial success. *Journal of Business Venturing*. 2003;18:41–60.
17. Rauch A., Frese M. Let's put the person back into entrepreneurship research: a meta-analysis on the relationship between business owners' personality traits, business creation, and success. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2007;16;353–385.
18. Robles L., Zárraga-Rodríguez M. Key competencies for entrepreneurship. *Procedia Economics and Finance*. 2015;23:828–832.
19. Matthews Ch., Solomon G. The curricular confusion between entrepreneurship education and small business management: a qualitative analysis. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy: in association with the United States association for small business and entrepreneurship (USASBE) Edward Elgar Publishing Limited, Inc.* 2014:107.
20. White R., Hertz G., Moore K. Competency based education in entrepreneurship: a call to action for the discipline. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy: in association with the United States association for small business and entrepreneurship (USASBE) Edward Elgar Publishing Limited, Inc.* 2016:1.
21. Mitchelmore S., Rowley J. Entrepreneurial competencies: a literature review and development agenda. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2010;16(2):92–111.
22. Liguori E., Cowden B., Hertz G. (2016). Teaching entrepreneurial sales skills: a co-curricular approach. *Annals of entrepreneurship education and pedagogy: in association with the United States association for small business and entrepreneurship (USASBE) Edward Elgar Publishing Limited, Inc.* 2016: 389–391.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юрий Борисович Рубин — чл.-корр. РАО, доктор экономических наук, профессор, президент Университета «Синергия», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва, Россия

Yuri B. Rubin — Corresponding member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Econ.). Prof., President of Synergy University, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1983-3526>

y Rubin@synergy.ru

Данила Петрович Можжухин — старший преподаватель, Университет «Синергия», Москва, Россия; исполнительный директор Национальной ассоциации обучения предпринимательству, Москва, Россия

Danila P. Mozhzhukhin — Senior Lecturer, Synergy University, Moscow, Russia; Executive Director of the National Association for Entrepreneurship Education, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8742-0769>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

dmozhzhukhin@synergy.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2024; принята к публикации 24.07.2024.

The article was received 13.05.2024; accepted for publication 24.07.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-42-52
УДК 005,331(045)
JEL I2, P46, J6

Влияние рейтингов на эффективность управления деятельностью вузов и подготовки высококвалифицированных кадров

М.В. Полевая^а, А.А. Чуб^а, Л.А. Жигун^{а,б}, И.Н. Белогруд^а, Г.Г. Руденко^б, А.А. Федченко^а, Ю.С. Колесникова^с

^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^б Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

^с Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

АННОТАЦИЯ

В условиях жесткой конкуренции на рынке образовательных услуг российские вузы активно внедряют различные системы ключевых индикаторов образовательной и научной деятельности в стремлении занять высокие позиции в различных международных и национальных рейтингах. Однако оно негативно сказывается как на качестве подготовки специалистов, так и на духовно-нравственной роли системы высшего образования в развитии российского общества. *Предмет исследования* – рейтингование как инструмент стратегического управления организацией и управления персоналом, а также оценки эффективности деятельности высших учебных заведений. *Цель работы* – разработка предложений по снижению использования количественных подходов к процессу оценки результативности деятельности организаций высшего образования России, а также системы управления персоналом. *Методология исследования* основана на общих и специальных методах научного познания. Проанализированы методы рейтингования деятельности научно-педагогического персонала, а также основные показатели эффективности деятельности образовательных организаций, которые относятся к дискриминантным методам, включающим способы классификации многомерных наблюдений по принципу максимального сходства при наличии обучающих признаков в виде рейтингов и рангов. В частности, систематизирована информация о наиболее известных рейтингах оценки деятельности современных отечественных и зарубежных вузов, рассмотрены основные направления их использования в практике российских и зарубежных университетов. Представлен современный тренд инновационно-ориентированных организаций и учреждений, состоящий в отказе от рейтингования и переходе к проведению бесед руководителей с исполнителями по поиску источников роста на их рабочих местах. В результате проведенного исследования *сделан вывод* о необходимости включения в оценочные системы качественных индикаторов и проведения рейтингов вузов, на основе открытых данных.

Ключевые слова: оценка эффективности систем управления; оценка по ключевым показателям; управление образовательной организацией; рейтинги; управление персоналом; подготовка высококвалифицированных кадров

Для цитирования: Полевая М.В., Чуб А.А., Жигун Л.А., Белогруд И.Н., Г.Г. Руденко Г.Г., Федченко А.А. Колесникова Ю.С. Влияние рейтингов на эффективность управления деятельностью вузов и подготовки высококвалифицированных кадров. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):42-52. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-42-52

The Impact of Ratings on the Effectiveness of University Management and Training of Highly Qualified Personnel

M.V. Polevaya^а, A.A. Chub^а, L.A. Zhigun^{а,б}, I.N. Belogrud^а, G.G. Rudenko^б, A.A. Fedchenko^а, Y.S. Kolesnikova^с

^а Financial University, Moscow, Russia; ^б Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;

^с Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

ABSTRACT

In the face of fierce competition in the educational services market, Russian universities are actively implementing various systems of key indicators of educational and scientific activities in an effort to take high positions in various international and national rankings. However, such an approach negatively affects both the quality of specialist training

© Полевая М.В., Чуб А.А., Жигун Л.А., Белогруд И.Н., Г.Г. Руденко Г.Г., Федченко А.А., Колесникова Ю.С., 2024

and the spiritual and moral role of the higher education system in the development of Russian society. *The subject of the research* is rating as a tool for strategic management of the organization and personnel management and evaluation of the effectiveness of higher education institutions. *The purpose of the work* is to develop proposals to reduce the use of quantitative approaches in the process of evaluating the effectiveness of higher education organizations in Russia, as well as in the personnel management system. *The research methodology* is based on general and special methods of scientific cognition, normative, positive and comparative types of analysis, synthesis, classification, as well as sociological research methods are used in the work. The methods of rating the activities of scientific and pedagogical staff, as well as the main performance indicators of educational institutions of higher education, which relate to discriminant methods, including methods for classifying multidimensional observations according to the principle of maximum similarity in the presence of training features in the form of ratings and ranks, are analyzed. In particular, information on the most well-known performance ratings of modern domestic and foreign universities is systematized, the main directions of their use in the practice of Russian and foreign universities are considered. The modern trend of innovation-oriented organizations and institutions is presented, which consists in abandoning rating and switching to conducting conversations between managers and performers to find sources of growth in their workplaces. As a result of the conducted research, *it was concluded* that it is necessary to include qualitative indicators in the evaluation systems and conduct university ratings based on open data.

Keywords: assessment of the effectiveness of management systems; assessment by key indicators; management of an educational organization; ratings; personnel management; training of highly qualified personnel

For citation: Polevaya M.V. Chub A.A., Zhigun L.A., Belograd I.N. Rudenko G.G., Fedchenko A.A. Kolesnikova Y.S. The impact of ratings on the effectiveness of university management and training of highly qualified personnel. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):42-52. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-42-52

ВВЕДЕНИЕ

Многосторонность трудовой деятельности персонала вузов, выражающаяся в образовательной, воспитательной, методической и научно-исследовательской работе, ставит перед руководителями учреждений высшего образования задачи как контроля, так и стимулирования повышения результативности деятельности профессорско-преподавательского состава исходя из наиболее адекватной природы индикаторов, упрощающих принятие управленческих решений. В качестве таких показателей с начала второй декады 2000-х гг. выступают, *во-первых*, индикаторы, относящиеся к дискриминантным методам, включающим способы классификации многомерных наблюдений по принципу максимального сходства при наличии обучающих признаков в виде рейтингов и рангов, и, *во-вторых*, конечные результаты.

В соответствии с первым способом стало осуществляться ранжирование и рейтингование наблюдаемых отчетных результатов труда научно-педагогических работников (далее — НПР) по их схожести и различию.

Суть дискриминантного метода состоит в преобразовании многомерного массива данных о десятках значимых результатов труда НПР вузов по их схожести и различию в одномерный обобщенный показатель в виде «рейтинга», «ранга». Для этого ряды обобщенных данных по разным НПР дискри-

минируют (дифференцируют) на группы такой произвольной математико-статистической функции, которая максимизирует отношение межгрупповой вариации всего ряда к каждой внутригрупповой вариации. Весьма распространенной является дискриминация по квартам: I, II, III и IV.

Прием группового ранжирования Уэлча (*stacked ranking*), названный в честь британского статистика Бернарда Льюиса Уэлча, предназначен для проверки статистической гипотезы о равенстве математических ожиданий случайных величин, имеющих необязательно равные известные дисперсии, и содержательно представляет собой процесс метрической оценки продуктивности каждого отдельного НПР вдоль колоколообразной гауссовой кривой распределения, при которой ее результаты оцениваются в сравнении друг с другом, и оценки расставляются в определенной пропорции независимо от фактической производительности персонала. Его девиз — ранжируй и сортируй! Наиболее известна *кривая жизнеспособности Джека Уэлча*, ставшая основой системы контроля эффективности персонала «20–70–10», подразумевающая, что 10% работников «выбраковываются» для оптимизации работы либо полностью лишаются стимулирующих доплат. Такой метод контроля производительности персонала по рейтингам воплотился в подобие теории Чарльза Дарвина согласно его труду «Происхождение видов путем естественного отбора или

сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь»¹ [1, с. 85–86]: выживает не самый умный из видов организмов, не самый сильный, а тот вид, который лучше всего способен адаптироваться и приспособливаться к изменяющейся среде, в которой он находится.

Рейтингование отличается от ранжирования. Оно является простым спектром дискриминирования, например от 1 до 5 баллов, которое служит для того, чтобы НПР осознали, как они справляются с работой в целом без фокусирования их внимания на количественных показателях. Результаты рейтинга помогают принимать решения руководителям учреждений высшего образования о выборе персонального стимулирующего вознаграждения НПР согласно полученным результатам рейтинга, а не конкретных отчетных данных.

Вторая сторона вопроса — это сами показатели конечных результатов (ключевые показатели эффективности, далее — КПЭ) [2], применяемые в ранжировании и рейтинговании. Они выполняют две функции в управлении персоналом вузов:

1) ориентирование НПР не на промежуточные, а на конечные результаты, повышение ответственности и автономности специалистов и т.п.;

2) осуществление контроля за трудовой деятельностью НПР согласно конечным результатам, срокам, полноте, количеству и качеству. Исходя из административной оценки достижения конкретными НПР конечных результатов либо КПЭ, а также имеющегося размера премиальной части фонда оплаты труда вуза, соотношенных с рангами или рейтингами, руководство вуза назначает вознаграждение за результаты трудовой деятельности.

В целом управление трудом НПР, ориентированное на конечные результаты, ущербно по своему логическому основанию: воздействие на следствие (результат, эффект), а не на его причины. Следовательно, это свидетельствует об адаптивном, а не проективном подходе к управлению трудом персонала вуза.

Современный тренд инновационно-ориентированных организаций состоит в отказе от рейтингования и ранжирования и переходе к проведению бесед руководителей с исполнителями по поиску источников роста на их рабочих местах.

¹ Дарвин Чарлз «Происхождение видов путем естественного отбора». М.: Азбука-Классика»; 2019. 704 с.

НЕДОСТАТКИ РЕЙТИНГОВАНИЯ ВУЗОВ

В настоящее время приоритеты развития высших образовательных учреждений России определяются прежде всего стратегическими целями национального проекта «Образование», заключающимися:

- в обеспечении глобальной конкурентоспособности российского образования путем вхождения Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству образования;

- в воспитании гармонично развитых и социально-ответственных личностей на основе духовно-нравственных ценностей народов России, исторических и национально-культурных традиций².

При этом текущая реализация вышеуказанных целей осуществляется в условиях серьезной конкурентной борьбы, обусловленной рыночными отношениями, которые требуют от руководства вузов отказа от академических подходов к управлению вверенными им организациями и персоналом в пользу внедрения бизнес-инструментов и клиентоориентированных стратегий, направленных прежде всего на получение количественных результатов. В частности, сегодня многие вузы формализуют процессы обучения и используют различные системы ключевых индикаторов в образовательной и научной деятельности преподавателей и студентов для улучшения количественных показателей вуза в целом. Однако подобный подход вместо положительных результатов фактически искажает действительность, увеличивает экономические затраты и приводит к моральному и финансовому ущербу.

Закономерным итогом указанных трансформаций стало то, что как в отечественной, так и мировой практике учебных заведений в высшей школе сформировался крайне негативный тренд, когда основными критериями эффективности подготовки кадров стали не профессиональные навыки, целостность личности и духовные ценности будущего специалиста, а количественные показатели в форме различных национальных и зарубежных рейтингов, рэнкингов и мониторингов, которые ставят в том числе российские вузы в ситуацию жесткого соперничества, вынуждая использовать любые возможные средства для достижения той или иной позиции в рейтинге.

В настоящее время наиболее известны следующие глобальные рейтинги вузов:

² URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie>.

- рейтинги *Times Higher Education World University Rankings* (THE WUR) и *Quacquarelli Symonds World University Rankings* (QS WUR);
- академический рейтинг 500 ведущих университетов мира *Academic Ranking of World Universities* (ARWU), (с 2003 года разрабатывается Шанхайским университетом *Shanghai Jiao Tong University* (далее — Шанхайский рейтинг);
- рейтинг университетов по академическим результатам *University Ranking by Academic Performance* (URAP), который составляется Исследовательской лабораторией Института информатики ближневосточного технического университета (Турция);
- рейтинг академической производительности университетов по научным публикациям *National Taiwan University Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities* (далее — Тайваньский рейтинг, с 2007 г.);
- рейтинг *Webometrics*, (с 2004 г. разрабатывается лабораторией *Cybermetrics* исследовательской группы Центра информации и документации Национального исследовательского совета Испании);
- рейтинг университетов *U-Multirank*, формируемый Центром по высшему образованию и Центром по изучению политики в сфере высшего образования (Германия) на выделяемые Еврокомиссией средства» [3];
- другие рейтинги.

В Российской Федерации за последние 20 лет было создано более 15 рейтингов, семь из которых подробно описал Е. Балацкий [4]. Но в настоящее время активно используются только два (рейтинги «Интерфакс» и «Лучшие образовательные программы инновационной России»). Данный факт свидетельствует о том, что рейтинги не долговечны и охватывают далеко не все аспекты деятельности вузов.

Попытки создать агрегированный рейтинг вузов в России предпринимаются на протяжении нескольких лет [5], однако пока они не увенчались успехом.

В целом, основные критерии большинства мировых и национальных рейтингов сводятся к таким показателям, как число иностранных студентов и педагогов, академическая репутация, число студентов, которые приходятся на одного педагога, число сотрудников с ученой степенью, количество опубликованных статей, количество цитат на одну опубликованную статью и на одного сотрудника вуза, количество денег, направляемых на научные исследования, и др.

Представляется, что в настоящее время различные системы рейтингования вузов ориентированы не столько на реализацию цели повышения качества образования, сколько на достижение экономических и политических установок государства.

Об этом, в частности, свидетельствуют следующие факты.

1. В настоящее время увеличение количественных показателей в сфере высшего образования, оценка результативности деятельности вузов подвергаются критике со стороны академического сообщества. Многие специалисты отмечают, что количественные показатели, используемые для оценки нематериальных ценностей и сфер деятельности человека, приводят к дисбалансу образовательной, ценностно-мотивационной, воспитательной и моральной составляющих сферы образования. [6–9 и др.]. «Тирания» количественных показателей эффективности в деятельности профессорско-преподавательского состава, их разрозненность и несогласованность со стратегическими целями организации и в целом с развитием страны может приводить к принятию неэффективных управленческих решений [10].

Следует отметить, что на проблему доминирования результативной составляющей в ущерб морально-нравственным аспектам общественного развития в условиях рыночной экономики указывал М. Вебер [11], который, исследуя аспекты социальной жизни, обратил внимание на увеличение формальной рационализации, усиление бюрократии и ненужного контроля за работой и поведением отдельно взятых работников, а также сделал вывод о том, что в конечном счете это ставит достижение количественных целей выше качественного содержания развития общества.

Аналогичную идею развивал в своих работах Д. Мюллер, указывая на то, что руководители, «не способные учесть такие нематериальные активы, как репутация, удовлетворенность работников, мотивация, лояльность, доверие и сотрудничество, очарованные показателями результативности, выжимают из активов все в краткосрочной перспективе в ущерб долгосрочным задачам. Иначе говоря, одержимость количественными показателями ведет к краткосрочному мышлению — распространенной болезни современных компаний» [10].

Кроме того, Дж. Ритцер [12] в 2011 г. писал о макдональдизации общества как о переносе принципов организации общественного питания в Макдональдсе на повседневную жизнь. Основные элементы

макдональдизации — обеспечение эффективности вложенных средств, сведение всей деятельности к количественным показателям, предсказуемость как одинаковость услуг и товаров в разных регионах и организациях, жесткий пошаговый контроль за работниками.

Возможные причины макдональдизации в сфере образования разнообразны:

- переход к образованию как к набору услуг населению страны [13];
- переход межличностных отношений между учаемыми и обучающимися на копирование взаимоотношений покупателей и продавцов на рынке товаров и услуг;
- значительный разрыв между поколениями (возраст 28,7% преподавателей — от 60 лет и старше) [14];
- приравнивание менеджмента образовательных организаций к руководству крупных коммерческих компаний;
- уход от российских классических академических традиций и пр.

А. П. Никитин рассматривает макдональдизацию в российском высшем образовании как переход вместо обеспечения эффективности образования на соблюдение принципов Макдональдса, когда понятие «человек образованный» уходит на второй план и на первый план выходит понятие «человек, имеющий высшее образование». Также он указывает на то, что в высшем образовании несколько утеряна целевая установка на формирование личности профессионала, обладающего гражданскими ценностями и моралью [6].

Таким образом, последствия формализации и макдональдизации системы высшего образования приводят к негативному влиянию на морально-нравственные, а также гражданские ценности высшего образования по социализации молодого поколения и формированию гармоничной личности.

Исчезает ценностный смысл образования, оно становится не более чем способом сохранения и воспроизводства собственных институциональных форм без непосредственного воздействия на личность студента.

2. При рассмотрении рейтингования вузов в целях реализации экономических и политических интересов государства можно отметить его значительную роль при реализации миграционной политики в той ее части, которая ориентирована на привлечение молодых людей в образовательные учреждения с целью

усиления научной и технической базы страны-реципиента.

Активная и мотивированная молодежь, которая приехала из разных стран, по окончании учебы частично остается в стране-реципиенте, пополняя рынок труда образованными молодыми профессионалами. Удержание иностранных студентов способствует расширению внутреннего трудоспособного резерва высококвалифицированных работников, от которых зависит современная экономика стран [15].

В частности, в российских университетах в течение последних 20 лет обучались сотни тысяч иностранных студентов (*таблица*).

При этом количество иностранных студентов продолжает расти несмотря на определенные трудности, связанные с пандемией коронавируса и карантинными ограничениями 2020–2021 гг.; вынужденным переходом университетов на дистанционный режим обучения в 2020–2022 гг.; трансформацией геополитической ситуации; отказом от Болонского формата организации образовательного процесса. Более того, согласно федеральному проекту «Россия — привлекательная для учебы и работы страна» к 2030 г. численность иностранных студентов должна возрасти в 1,5 раза по сравнению с 2021 г. [16].

Однако, несмотря на значительные достижения в международных рейтингах, российские университеты не стали лидерами по показателю привлечения иностранных студентов на обучение, хотя входят в первую пятерку вузов мира. Лидерами международных рейтингов по показателям притока иностранных студентов являются США и Великобритания, которые принимают в совокупности свыше 1 млн чел. в год. Ведущими странами — реципиентами, принимающими более 70% совокупного массива иностранных студентов, являются США — 20%, Великобритания — 13%, Франция — 8%, Германия — 8% (в сумме эти страны аккумулируют почти 50% учебных мигрантов), Россия — 7,9%, Австралия — 7%, Китай — 7%, Канада — 5%, Япония — 4% [17].

В результате анализа образовательной миграционной политики США в части привлечения молодежи можно заключить, что она базируется на финансовом аспекте. Молодежь привлекают именно для обучения в вузах, которые являются передовыми по мировым рейтингам и одними из самых дорогих в мире. Так, доход, ежегодно получаемый только от оказания образовательных услуг иностранным студентам, по некоторым данным составляет в США 39 млрд долл. [18], в Англии — около 30 млрд долл. США без учета

Таблица / Table

Численность иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в Российской Федерации / The number of foreign students enrolled in bachelor's, specialist's, and master's degree programs in the Russian Federation

Показатель / Indicator	2010/11	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23
Всего, тыс. чел. / Total, thousand people	160,9	298	315,1	324,1	351,6
В% от общей численности студентов / As a percentage of the total number of students	2,3	7,3	7,7	7,9	8,4

Источник / Source: URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/898893701.pdf>.

вклада оставшихся после обучения выпускников в экономику страны-реципиента. Другие страны, включая Австралию (24,7 млрд долл. США за 2017 г.) и Канаду (15,5 млрд долл. США за 2016 г.), также получают значительную экономическую выгоду⁵ [20]. В то же время доходы от привлечения иностранных студентов в российские вузы в 2018 г. составили всего 96 млн руб. [15].

Основными направлениями в образовательной миграционной политике западных стран являются программы по обмену студентами, представление льготных условий при поступлении или переводе, использование интерактивных форм в общении с претендентами, сопровождающееся предоставлением льгот, субсидий, грантов. Не последнее место в этом процессе занимают мировые рейтинги.

Однако в последние два года появились вузы, которые стали выходить из рейтинговой гонки. Д.К. Дэйли, декан Гарвардской медицинской школы (занимающей место в первой десятке вузов мира), в обращении к студентам и преподавателям написал, что они не будут подавать данные в рейтинги, так как они не отражают то, к чему должно идти высшее образование. «Напротив, они непреднамеренно стимулируют вузы сообщать ложные или неточные сведения и ставить продвижение в рейтингах выше более благородных целей»⁴.

О выходе из рейтинговой гонки заявили медицинские школы в Стэнфордском и Колумбийском университетах, Пенсильванский университет, а также Утрехтский университет (Нидерланды)⁵, юри-

дические школы Стэнфорда, Йеля, Колумбийского университета⁶.

Таким образом, для престижных университетов решение о выходе из рейтингов — демонстрация того, что они ориентируются на цели, которые более значимы, чем попытки занять строку повыше в престижных списках.

Впрочем, совсем отказаться от этого у них, видимо, не получится, пока эти рейтинги существуют. И независимо от того, будут ли вузы отвечать на запросы составителей рейтингов, их продолжают ранжировать по открытым данным. Но тот факт, что столь значимые центры высшего профессионального образования публично выступили против рейтингов, — красноречивый сигнал.

Директор Центра исследований политики высшего образования (CIPES) и профессор экономики университета Порту Педро Нуно Тейшейра выразил свое мнение на эту тему, сказав, что любые рейтинги вузов во многих отношениях лишь вводят в заблуждение и далеко не всегда показывают объективную картину и не способствуют повышению качества высшего образования⁷ [22].

ВЫВОДЫ

За последние 20 лет активного развития международные и национальные рейтинги приобрели огромный вес в образовании и экономике. При этом с ростом популярности рейтингования университетов сформировался следующий негативный тренд: вузы начали активно инвестировать деньги не в образование и выполнение общественных функций и целей, а в продвижение в рейтингах. При этом те

⁵ Международная организация по миграции (МОМ). URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf.

⁴ URL: <https://skillbox.ru/media/education/dekan-garvarda-pro-reytingi-vuzov-oni-stimuliruyut-soobshchat-lozhnye-dannye>.

⁵ URL: <https://skillbox.ru/media/education/ekspert-predskazal-upadok-mezhdunarodnykh-reytingov-universitetov>.

⁶ URL: <https://www.wsj.com/articles/georgetown-law-joins-roster-of-schools-withdrawing-from-u-s-news-world-report-law-school-rankings-11668795306>.

⁷ URL: <https://skillbox.ru/media/education/ekspert-predskazal-upadok-mezhdunarodnykh-reytingov-universitetov>.

показатели, которые учитываются рейтингами, были значительно активизированы в ущерб другим не менее важным, но не просчитываемым количественными индикаторам в рейтингах.

По мнению авторов настоящей статьи, в целом российским вузам необходим возврат к морально-ценностным ориентирам и уход от макдональдизации и бюрократизации высшего образования.

По мнению авторов настоящей статьи, отказаться от использования рейтингов в ближайшей перспективе нереально, но необходима работа по их адаптации, введению в них реальных показателей, которые отражают предназначение вузов. Основные принципы рейтингования на сегодняшний день необходимо пересматривать, уходя от монополии *QS*, *THE* и *ARWU*, и ориентироваться на национальные системы рейтингования.

Следует отметить, что такие процессы уже идут. Например, с 2016 г. создается, а с 2017 г. публикуется Московский международный рейтинг высших учебных заведений «Три миссии университета» разработанный Ассоциацией составителей рейтингов России при участии международной ассоциации *IREG Observatory on Academic Ranking and Excellence*.

Все предлагаемые критерии были рассмотрены Международным экспертным советом рейтинга, составленного специалистами из России, Великобритании, США, Китая, Бразилии, Индии, Бельгии, Турции, ЮАР, Ирана, Италии, Польши. Репутационные опросы в составлении рейтинга исключены и источниками информации являются только открытые данные официальных сайтов университетов и национальных органов власти [20].

В рамках данного рейтинга учебные учреждения ранжируются по качеству образования, уровню научной работы, а также вкладу университетов в жизнь общества. Последний показатель не используется в международных глобальных рейтингах.

В 2023 г. в рейтинг «Три миссии университета» вошли 2000 университетов из 112 стран мира. Россия в нем входит в тройку лидеров по представленности — 154 российских вуза из 46 регионов страны отмечены в рейтинге.

Мировое сообщество с интересом восприняло новый рейтинг и обратило внимание на его новизну с позиции оценки взаимодействия учебных заведений и общества, отметив, что рейтинг «выходит за рамки традиционных критериев ранжирования, добавляя новые, более социально ориентированные

элементы»⁸, «представляет собой второе поколение академических рейтингов и <...> ставит правильные и важные вопросы, ища индикаторы для оценки качества преподавания и взаимодействия университета с обществом» [20].

В рамках поиска новых показателей рейтингов или новых подходов к их формированию авторами настоящей статьи было проведено два исследования-опроса: среди работодателей, профессорско-преподавательского состава московских вузов, в котором приняло участие 75 и 140 человек соответственно.

Исследование среди работодателей было направлено на выявление потребности работодателей в уровне подготовки выпускников, их профессиональных компетенциях.

По результатам опроса был сделан вывод, что работодателей в первую очередь интересуют:

- профессионализм выпускника, его способность без дополнительной подготовки встраиваться в рабочий процесс;
- способность выпускника искать новые знания и с легкостью адаптироваться к новым вызовам, которые ставит цифровизация в рабочие процессы организаций;
- высокая мотивация к профессиональной деятельности и желание работать и профессионально расти;
- умение работать в коллективе с учетом многозадачности, цейтнота, многонациональности и различного уровня взаимоотношений.

Таким образом, максимальное внимание работодатели уделяют реальным компетенциям, которыми обладает выпускник, а не его диплому.

Более того, все респонденты дали отрицательный ответ на вопрос, интересуется ли их место вуза, который закончил кандидат на получение работы в организации, в мировых или отечественных рейтингах. При этом 16% работодателей заявили о желательности окончания соискателем конкретного вуза, дополнительно подчеркнув, что позиция последнего в каком-либо рейтинге абсолютно не важна.

Исследование среди профессорско-преподавательского состава вузов было направлено на повышение качества преподавательского труда и поиск новых форм и методов работы со студентами.

⁸ URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20161114224439415> What direction next for university rankings?

Преподаватели отметили, что необходимы:

- уменьшение объема педагогической нагрузки на преподавателей, в том числе учебной и методической;
- пересмотр норм учебной, методической и научной видов работы преподавателей;
- увеличение времени на индивидуальную работу со студентами, но не формально благодаря повышению нагрузки на преподавателя, а за счет снижения других видов работ;
- развитие свободы выбора методов и форм обучения студентов, повышение их адаптивности в зависимости от уровня подготовки и мотивации студентов группы;
- повышение дисциплины посещаемости занятий студентами;
- проведение письменных или комплексных экзаменов в конце каждого периода обучения, на которых компетентная комиссия оценивает уровень

знаний студентов, в результате чего должна даваться оценка труда преподавателей;

- уход от валового потока набора и такого же выпуска, гонки за количеством обучаемых;
- снижение количественных показателей, которые не отображают ценности высшего образования и др.

Представляется, что часть позиций, отмеченная профессорско-преподавательским составом в рамках проведенного опроса, может быть трансформирована в показатели и включена в рейтинги вузов в целях «очеловечивания» российского образования, внедрения личностно-центрированного подхода, который приведет к формированию гармонично-развитой личности студента, персонализации процесса обучения и в конечном счете положительно повлияет на обеспечение эффективности российского высшего образования, позволив сохранить его национальную уникальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жигун Л.А. Актуальные проблемы рейтингования и ранжирования персонала. В сборнике: Рейтингование российских вузов: цели и результаты. Сб. статей X Международной научно-практической конференции «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития». М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова; 2019: 84–90.
2. Жигун Л.А. Методологические основы построения системы ключевых показателей эффективности для стимулирования участников проектной деятельности в органах исполнительной власти. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2018;12(4):775–788.
3. Куприянова Л. М. Глобальный рейтинг зарубежных университетов. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2015;13(4):115–123.
4. Балацкий Е.В. Российская практика оценки эффективности университетских программ. *Общество и экономика*. 2012;(11):68–84.
5. Болотов В.А., Мотова Г.Н., Наводнов В.Г., Рыжакова О.Е. Как сконструировать национальный агрегированный рейтинг? *Высшее образование в России*. 2020;29(1):9–24.
6. Никитин А.П. Макдональдизация высшего образования. *Идеи и идеалы*. 2018;3(2):221–232. DOI: 10.17212/2075–0862–2018–3.2–221–232
7. Тамбовцев В.Л. Измерение институтов: что бы это значило? *Журнал экономической теории*. 2021;18(2):197–211. DOI: 10.31063/2073–6517/2021.18–2.3
8. Камолов С.Г., Лапшина П.В. Развитие методологии определения показателей эффективности и результативности сферы высшего образования. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(5):68–77. DOI: 10.26794/1999–849X 2023–16–5–68–77
9. Макаров А.В. Оценка качества высшего образования в России: мнения экспертов и абитуриентов. *Экономика образования*. 2023;(4):55–67.
10. Мюллер Д. Тирания показателей. М: Альпина Диджитал; 2018:100.
11. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс; 1990:808.
12. Ритцер Дж. Макдональдизация общества. М.: Праксис; 2011:592.
13. Донских О.А. Деградация: размышления об образовании и его месте в нашей культуре. М.; 2013: 244.
14. Бондаренко Н.В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М. Индикаторы образования 2024: статистический сборник. М.: ВШЭ; 2024:416.

15. Буянова А. В. Современные тренды миграционной политики по привлечению молодежи некоторых зарубежных стран (США, Германии) и Российской Федерации. *Вестник экономической безопасности*. 2023;(3):23–27. DOI: 10.24412/2414–3995–2023–3–23–27
16. Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И. Вызовы образовательной миграции на современном этапе. *Университетское управление: практика и анализ*. 2022. 2 (26):105–113. DOI: 10.15826/umpa.2022.02.016
17. Сагитова В. Р. Феномен образовательной миграции. *Наука. Общество. Оборона*. 2024.38(12.1):5–10.
18. Ульмясбаева А. О., Забнева Э. И. Механизмы зарубежных практик управления образовательной миграцией молодежи. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020;11(2):21.
19. Арефьев. А. Л. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 8. Министерство науки и высшего образования РФ. М.: ЦСПиМ; 2018. 536 с.
20. Гришанков Д. Э. Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета»: предпосылки создания, особенности реализации и ключевые выводы. Монография «Три миссии университета: образование, наука, общество». Садовничий В. А., ред. М., 2019:99–110.

REFERENCES

1. Zhigun L.A. Current problems of personnel rating and ranking. In the collection: Ranking of Russian universities: goals and results. Sat. articles of the X International Scientific and Practical Conference “Modern Economy: Concepts and Models of Innovative Development.” Moscow: REU G.V. Plekhanov; 2019: 84–90. (In Russ.).
2. Zhigun L.A. Methodological foundations for constructing a system of key performance indicators for stimulating participants in project activities in executive authorities. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current problems of economics and law*. 2018;12(4):775–788. (In Russ.).
3. Kupriyanova L.M. Global ranking of foreign universities. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2015;13(4):115–123. (In Russ.).
4. Balatskii E.V. Russian practice of assessing the effectiveness of university programs. *Obshchestvo i ekonomika = Society and economics*. 2012;(11):68–84. (In Russ.).
5. Bolotov V.A., Motova G.N., Navodnov V.G., Ryzhakova O.E. V. How to construct a national aggregate rating? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2020;29(1):9–24. (In Russ.).
6. Nikitin A.P. McDonaldization of higher education. *Idei i idealy.=Ideas and ideals*. 2018;3(2):221–232. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075–0862–2018–3.2–221–232
7. Tambovtsev V.L. Measuring institutions: what would that mean? *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economic Theory*. 2021;18(2):197–211. (In Russ.). DOI: 10.31063/2073–6517/2021.18–2.3
8. Kamolov S. G., Lapshina P.V. Development of a methodology for determining efficiency and effectiveness indicators in the higher education sector. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(5):68–77. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X 2023–16–5–68–77
9. Makarov A.V. Assessing the quality of higher education in Russia: opinions of experts and applicants. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of Education*. 2023;(4):55–67. (In Russ.).
10. Muller D. Tyranny of indicators. Moscow: Alpina Digital; 2018:100. (In Russ.).
11. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990:808. (In Russ.).
12. Rittser Dzh. McDonaldization of society. Moscow: Praxis; 2011:592. (In Russ.).
13. Donskikh O.A. Degradation: reflections on education and its place in our culture. Moscow; 2013: 244. (In Russ.).
14. Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gokhberg L.M. and others. Education indicators: 2024: statistical collection. Moscow: HSE; 2024:416. (In Russ.).
15. Buyanova A.V. Modern trends in migration policy to attract youth from some foreign countries (USA, Germany) and the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*. 2023;(3):23–27. (In Russ.). DOI: 10.24412/2414–3995–2023–3–23–27
16. Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I. Challenges of educational migration at the present stage. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*. 2022;2(26):105–113. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2022.02.016
17. Sagitova V.R. The phenomenon of educational migration. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = The science. Society. Defense*. 2024.38(12.1):5–10. (In Russ.).

18. Ul'myasbaeva A.O., Zabneva E.I. Mechanisms of foreign practices in managing educational migration of youth. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 2020;11(2):21. (In Russ.).
19. Aref'ev A.L. Export of Russian educational services: Statistical collection. Issue 8 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Moscow: TsSPiM; 2018. 536 p. (In Russ.).
20. Grishankov D.E. Moscow international ranking of universities "Three missions of the university": prerequisites for creation, features of implementation and key conclusions. Monograph "Three missions of the university: education, science, society". Sadovnichii V.A., ed. Moscow; 2019:99–110. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Владимировна Полевая — доктор экономических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
Marina V. Polevaya — Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Psych.), Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6161-3703>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

mvpolevaya@fa.ru

Леонид Александрович Жигун — доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшей школы, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Leonid A. Zhigun — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Honorary Worker of Higher Education, Prof. of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University; Prof. of the Department of State and Municipal Management, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7751-4144>

manpseu@yandex.ru

Анна Александровна Чуб — доктор экономических наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna A. Chub — Dr. Sci. (Econ.), Prof. Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-0108-5168>

aachub@fa.ru

Игорь Николаевич Белогруд — доктор философских наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Igor N. Belogrud — Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0006-0163-6969>

inbelogrud@fa.ru

Галина Георгиевна Руденко — доктор экономических наук, профессор, профессор базовой кафедры торгово-промышленной палаты «Развитие человеческого капитала», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Galina G. Rudenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Basic Department of the Chamber of Commerce and Industry "Human Capital Development", Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8990-1152>

rudenko.gg@rea.ru

Анна Александровна Федченко — доктор экономических наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna A. Fedchenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9450-3498>

faa1711@yandex.ru

Юлия Сергеевна Колесникова — доктор экономических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Julia S. Kolesnikova — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-3073-100x>

hulia_k@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М.В. Полевая — научное обоснование и анализ рейтингования вузов, организация опросов, общее редактирование статьи.

Л.А. Жигун — научное обоснование и анализ принципов дискриминантного метода в исследовании результатов труда НПП вузов.

А.А. Чуб — научное обоснование и анализ теоретических подходов к рейтингованию и ранжированию вузов, редактирование статьи.

И.Н. Белогруд — научное обоснование и интерпретация результатов проведенных опросов.

Г.Г. Руденко — научное обоснование и анализ принципов применения ключевых показателей эффективности.

А.А. Федченко — научное обоснование и анализ статистических показателей вузов в рейтингах.

Ю.С. Колесникова — научное обоснование и анализ принципов формирования российских рейтингов вузов, редактирование статьи.

Authors' Contribution Statement:

Marina V. Polevaya — scientific justification and analysis of university rankings, organization of surveys, general editing of the article.

Anna A. Chub — scientific substantiation and analysis of theoretical approaches to the ranking and ranking of universities, editing of the article.

Leonid A. Zhigun — scientific substantiation and analysis of the principles of the discriminant method in the study of the results of the work of NPR universities.

Igor N. Belogrud — scientific justification and interpretation of the results of the conducted surveys.

Galina G. Rudenko — scientific justification and analysis of the principles of application of key performance indicators.

Anna A. Fedchenko — scientific substantiation and analysis of statistical indicators of universities in the rankings.

Julia S. Kolesnikova — scientific substantiation and analysis of the principles of formation of Russian university rankings, editing of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.05.2024; принята к публикации 26.07.2024.

The article was received 20.05.2024; accepted for publication 26.07.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63
УДК 338.47(045)
JEL L62, L91, R41

Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля (надзора) на транспорте в условиях санкций

А.И. Землин^а, Е.Г. Багреева^б, С.В. Карпова^б, О.М. Землина^а

^а Российский университет транспорта, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – регулирование подготовки должностных лиц, занимающихся контрольно-надзорной деятельностью на транспорте в условиях введения санкций против России со стороны недружественных государств. *Цель работы* – выявление проблем, мешающих организации эффективного контроля (надзора) на транспорте по обеспечению безопасности функционирования транспортного комплекса на основе критического анализа организационно-правовых основ действующего порядка подготовки государственных гражданских служащих Ространснадзора. В работе отмечено, что изменения законодательства предопределены необходимостью подготовки квалифицированных кадров, предполагающей гарантированное обеспечение транспортной системы квалифицированным персоналом для обеспечения ее устойчивой, безопасной и бесперебойной работы в условиях переориентации транспортно-логистический цепочек; импортозамещения критически значимой продукции и комплектующих частей; изменения полномочий надзорных и контрольных органов и др. По результатам исследования указанных проблем *сделаны выводы* о том, что подготовка квалифицированных кадров должна рассматриваться в качестве важнейшей составляющей системы обеспечения безопасности транспортного комплекса и неременного условия эффективного и устойчивого функционирования транспортной системы. Выполнению задач, поставленных перед транспортной системой России по оказанию транспортных услуг, поможет использование инструментария лингво-семиотического, формально-догматического и системно-правового подходов к решению возникающих проблем.

Ключевые слова: клиентоцентричность; контрольно-надзорная деятельность на транспорте; непрерывное профессиональное образование; подготовка специалистов на транспорте; правовое регулирование; транспортные услуги

Для цитирования: Землин А.И., Багреева Е.Г., Карпова С.В., Землина О.М. Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля (надзора) на транспорте в условиях санкций. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):53-63. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63

Continuing Education as a Condition for Improving the Effectiveness of Control (Supervision) in Transport under Sanctions

A.I. Zemlin^a, E.G. Bagreeva^b, S.V. Karpova^b, O.M. Zemlina^a

^a Russian University of Transport, Moscow, Russia;

^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the regulation of the training of officials engaged in control and supervisory activities in transport in the context of the imposition of sanctions against Russia by unfriendly states. *The purpose of the work* is to identify problems that hinder the organization of effective control (supervision) in transport to ensure the safety of the functioning of the transport complex based on a critical analysis of the organizational and legal foundations of the current training procedure for state civil servants of Rostransnadzor. It is noted in the work that changes in legislation are predetermined by the need to train qualified personnel, which implies guaranteed provision of the transport system with qualified personnel for its stable, safe and uninterrupted operation in conditions of reorientation of transport and logistics chains; import substitution of critically important products and components; changes in the powers of supervisory and control bodies, etc. Based on the results of the study of these problems, *it was concluded* that the training

© Землин А.И., Багреева Е.Г., Карпова С.В., Землина О.М., 2024

of qualified personnel should be considered as an essential component of the security system of the transport complex and an indispensable condition for the effective and sustainable functioning of the transport system. The use of tools of linguistic-semiotic, formal-dogmatic and systemic-legal approaches will help to solve the tasks assigned to the Russian transport system for the provision of transport services.

Keywords: customer-centricity; control and supervisory activities in transport; continuing professional education; training of specialists in transport; legal regulation; transport services

For citation: Zemlin A.I., Bagreeva E.G., Karpova S.V., Zemlina O.M. Continuing education as a condition for improving the effectiveness of control (supervision) in transport under sanctions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(4):53-63. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63

ВВЕДЕНИЕ

Из транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. (далее — Транспортная стратегия России), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р, следует необходимость подготовки высококвалифицированных кадров для транспортной отрасли с учетом надления Ространснадзора Федеральным законом от 11.06.2022 № 161-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» новыми полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в том числе в случаях фиксации таких административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или самими средствами фото- и киносъемки, видеозаписи [1].

В соответствии с положениями Транспортной стратегии России удовлетворение ожиданий основных пользователей транспортных средств достигается в первую очередь благодаря профессионализму сотрудников транспортных организаций. При этом ставится задача повысить гражданам страны качество жизни в части, зависящей от транспортного комплекса, грузовладельцам — облегчить доступ к полному объему транспортно-логистических услуг, а также обеспечить безопасность перевозки и сохранность груза и др.

Особое значение в этих условиях приобретает обеспечение эффективности контрольной (надзорной) деятельности, приоритетом которой, как отметил в Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, становится переход с учетом наработанного опыта на риск-ориентированный

подход¹, что требует подготовки инспекторского состава к деятельности на принципиально новых основах.

Следует согласиться с мнением специалистов, которые отмечают невозможность решения поставленных в Транспортной стратегии России задач без организации налаженной и эффективной административной и контрольно-надзорной деятельности [1, с. 400; 2, р. 4962; 3, с. 48].

Важным направлением работы по обеспечению транспортной безопасности и эффективности контроля (надзора) в условиях соблюдения Ространснадзором принципа клиентоцентричности, при котором фокус компании смещается с продукта или услуги на потребности и ожидания покупателя, является реализация системы обратной связи граждан, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, позволяющей осуществлять эффективное и оперативное взаимодействие с подконтрольными (поднадзорными) организациями на основе платформы обратной связи.

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ КОНТРОЛЬНО- НАДЗОРНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В настоящее время определение термина «контроль», наделенного следующим смыслом: «контроль — это проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора» [4], — следует, по мнению ряда специалистов [5, с. 19; 6, с. 26; 7, с. 14; 8, с. 17], признать не вполне обоснованным как с точки зрения формальной логики, поскольку утверждение о том, что контроль осуществляется в целях проверки, выглядит по меньшей мере странным, так и в ракурсе правовой герменевтики, т.е. выявление

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (29 февраля 2024 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>.

ния смысла юридического текста исходя из его объективных (значения слов) и субъективных (намерения автора) оснований. Нельзя не отметить то обстоятельство, что легализация такого рода и подобных ему подходов к установлению терминологии в различных сферах деятельности обуславливает возникновение многочисленных проблем в правоприменении из-за путаницы в определении содержания, видов, типов, форм, методов и способов, процедур и операций контроля, а также контрольных действий, что неизбежно способствует возникновению правовых коллизий [7, с. 14; 8, с. 48].

Кроме того, в анализируемом определении нивелирована разница между понятиями контроль и надзор. Как отмечается в юридической литературе, надзор состоит в наблюдении за законностью деятельности объекта проверки, тогда как контроль подразумевает также установление целесообразности действий контролируемых субъектов [5, с. 29; 8, с. 51]. При этом контроль следует рассматривать как важнейший вид обратной связи, по каналам которой субъекты власти получают информацию о фактическом положении дел, выполнении принятых решений и т.п. [3, с. 38].

Позиция вышеуказанных авторов подтверждается положением ст. 1 Лимской декларации руководящих принципов контроля, принятой IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лима (Республика Перу) в 1977 г., согласно которому «организация контроля является обязательным элементом управления, так как такое управление влечет за собой ответственность перед обществом». При этом важно учитывать, что контроль имманентно присущ любому государству [9].

Таким образом, можно констатировать, что контроль — это ни что иное, как осуществление функции управления. Он позволяет получать информацию о состоянии объекта управления, характере и результативности управленческого воздействия на него. Он также обеспечивает обратную связь между теми, кто принимает управленческие решения, их осуществляет, и объектами управления. Соответственно контроль (надзор) имеет особое значение для обеспечения законности на транспорте, где требуется особое качество не только исполнительской дисциплины работников транспортного комплекса, но и законопослушного, правокультурного поведения

всех участников транспортных отношений, на что вполне основательно указывается представителями транспортно-правовой науки [10, р. 69; 11, с. 122; 12, с. 53–54; 13, с. 27; 14, с. 19; 15, с. 12].

АНАЛИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) НА ТРАНСПОРТЕ

Правоприменительная практика, а также проблемы, возникающие в правовом регулировании и осуществлении контрольно-надзорной деятельности на транспорте, обусловили целесообразность коренной перестройки правовых и организационных основ контрольно-надзорной деятельности на транспорте. В частности, стало необходимым приведение правовой и организационной основы контрольно-надзорной деятельности на транспорте в соответствие со вступившим в силу с 1 ноября 2020 г. Федеральным законом от 03.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и с 1 июля 2021 г. — Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

При этом следует особо обратить внимание на то, что в указанных основополагающих документах впервые определено и легализовано соотношение контроля и надзора по объектам их действия (*рисунок*).

Как правомерно отмечается представителями транспортно-правовой науки, требования к обеспечению транспортной безопасности все более возрастают. В частности, из-за высокой уязвимости в сравнении со многими другими потенциальными целями объекты транспорта особенно привлекательны для террористов вследствие того, что могут парализовать деятельность ключевых секторов экономики и вызвать серьезные общественные потрясения с большими человеческими жертвами [16; 17], что подтверждается не только отечественной правовой наукой, но и результатами сравнительно-правового анализа [18, с. 157–158].

Не менее опасны угрозы безопасности жизни и здоровью пассажиров на транспорте в связи с иными угрозами, например распространением массовых инфекционных заболеваний [19]. В такого рода обстоятельствах особое значение приобретает оперативность принятия управленче-

**Объекты государственного контроля (надзора), муниципального контроля /
Objects of state control (supervision), municipal control**

<p>Деятельность, действия (бездействие) граждан и организаций, в рамках которых должны соблюдаться обязательные требования / Activities, actions (inaction) of citizens and organizations within which mandatory requirements must be met</p>	<p>Результаты деятельности граждан и организаций, в том числе продукция (товары), работы и услуги, к которым предъявляются обязательные требования / The results of the activities of citizens and organizations, including products (goods), works and services to which mandatory requirements are imposed</p>	<p>Здания, помещения, сооружения, линейные объекты, территории, включая водные, земельные и лесные участки, оборудование, устройства, предметы, материалы, транспортные средства и другие объекты, которыми граждане и организации владеют и (или) пользуются и к которым предъявляются обязательные требования / Buildings, premises, structures, linear objects, territories, including water, land and forest areas, equipment, devices, objects, materials, vehicles and other objects that citizens and organizations own and (or) use and to which they are required</p>
---	--	--

Рис. / Fig. Объекты государственного контроля (надзора), муниципального контроля / Objects of state control (supervision), municipal control

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ских решений на основе результатов контрольных мероприятий [20; 21, с. 54; 22, с. 54].

Решение первой части проблемы возможно, по нашему мнению, исключительно в процессе научной проработки правовой и организационной основы контрольно-надзорной деятельности на транспорте на основе вышеуказанных законов, с учетом потребностей решения национальных задач, поставленных в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474; достижения целей, установленных Транспортной стратегией России, решения задач и достижения индикаторов, определенных госпрограммами (ГП-24², ГП-27³),

² Государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы» (ГП-24, госпрограмма) утверждена постановлением Правительства РФ от 20.12.2017. № 1596.

³ Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» (ГП-27,

нацпроектами (БКД⁴), прохождения контрольных точек, закрепленных подпрограммами, адресными инвестиционными программами и т.д. [5, с. 107, 116; 7, с. 74]. Таким образом, возможным вариантом решения этой проблемы может и должна стать комплексная бюджетная научно-исследовательская работа с примерным рабочим названием «Организационно-правовые основы контрольно-надзорной деятельности на транспорте».

Вторая часть проблемы, касающаяся скорейшей подготовки должностных лиц, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность на транспорте, к решению профессиональных задач

госпрограмма) утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 330. В 2020 г. постановлением Правительства РФ от 31.03.2020 № 388 утверждена новая редакция паспорта госпрограммы.

⁴ БКД — национальный проект «Безопасные качественные дороги» на период 2019–2030 гг.

Таблица 1 / Table 1

Перечень компетенций, предусмотренных ФГОС и учебным планом / The list of competencies provided by the Federal State Educational Standard (FSES) and the curriculum

№	Компетенция / Competence	Содержание / Content
1	ОПК-2	Способность профессионально квалифицировать факты и оптимально решать сложные юридические проблемы (ситуации)
2	ОПК-4	Способность организовывать и осуществлять выполнение обязанностей по предстоящему должностному предназначению в соответствии с нормами права
3	ОПК-5	Способность правильно толковать и применять правовые нормы в повседневной деятельности, обеспечивая соблюдение и защиту прав человека, осознанно исполнять требования законодательства
4	ПКО-2	Способность квалифицированно применять нормативные правовые акты в конкретных сферах юридической деятельности, реализовывать нормы материального и процессуального права в профессиональной деятельности
5	ОПК-10	Способность применять информационные технологии и использовать правовые базы данных для решения задач профессиональной деятельности с учетом требований информационной безопасности
6	ПКС-3	Способность осуществлять предупреждение правонарушений на транспорте, выявлять при осуществлении контрольно-надзорной деятельности и устранять причины и условия, способствующие их совершению

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

в условиях коренного изменения законодательной основы и соответственно порядка и процедур их деятельности, предполагает непреременный учет норм законодательства об образовании [3, с. 30] и направленность подготовки инспекторского состава Ространснадзора [1, с. 401].

**ПРИМЕНЕНИЕ НЕПРЕРЫВНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ**

Проблема подготовки и повышения квалификации кадров для осуществления контрольно-надзорной деятельности на транспорте вызвана тем, что до настоящего времени система непрерывного профессионального образования для осуществления контрольно-надзорной деятель-

ности на транспорте не сформирована и не легализована.

При этом потребность в системе непрерывного профессионального образования очевидна и предопределена потребностями практики, поскольку по общему правилу согласно нормам законодательства об образовании, трудового законодательства, профессиональным стандартам, квалификационным требованиям и т. п. для осуществления профессиональной деятельности необходимо наличие у руководителей и специалистов сформированных и постоянно совершенствуемых соответствующих компетенций.

В нашем случае у должностных лиц, реализующих контрольно-надзорную деятельность на транспорте в целях организации и осуществления ими правозначимых действий в процессе контрольно-надзорной деятельности на транспорте

Таблица 2 / Table 2

**Анализ соответствия обязанностей инспектора компетенциям /
Analysis of the compliance of the inspector's duties and competencies**

№	Обязанность инспектора / The duty of the inspector	Компетенция / Competence
1	Соблюдать законодательство Российской Федерации, права и законные интересы контролируемых лиц	ОПК-2 ОПК-4 ОПК-5 ПКО-2
2	Своевременно и в полной мере осуществлять предоставленные в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений обязательных требований	ОПК-4 ОПК-5 ОПК-10 ПКО-2 ПКС-3
3	Проводить контрольные (надзорные) мероприятия и совершать контрольные (надзорные) действия на законном основании и в соответствии с их назначением только во время исполнения служебных обязанностей и при наличии соответствующей информации	ОПК-4 ОПК-5 ОПК-10 ПКО-2
4	Не допускать при проведении контрольных (надзорных) мероприятий проявление неуважения в отношении богослужений, других религиозных обрядов и церемоний	ОПК-5 ПКО-2
5	Не препятствовать присутствию контролируемых лиц	ОПК-5 ПКО-2
6	Предоставлять контролируемым лицам, их представителям, присутствующим при проведении контрольных (надзорных) мероприятий, информацию и документы	ОПК-5 ОПК-10
7	Знакомить контролируемых лиц, их представителей с результатами контрольных (надзорных) мероприятий и контрольных (надзорных) действий	ОПК-4 ОПК-5 ОПК-10 ПКО-2
8	Знакомить контролируемых лиц, их представителей с информацией и (или) документами, полученными в рамках межведомственного информационного взаимодействия и относящимися к предмету контрольного (надзорного) мероприятия	ОПК-5 ОПК-10 ПКО-2
9	Учитывать при определении мер, принимаемых по фактам выявленных нарушений, соответствие указанных мер тяжести нарушений их потенциальной опасности для охраняемых законом ценностей, а также не допускать необоснованного ограничения прав и законных интересов контролируемых лиц, неправомерного вреда (ущерба) их имуществу	ОПК-2; ОПК-5 ПКС-3
10	Доказывать обоснованность своих действий при их обжаловании в порядке, установленном законодательством Российской Федерации	ОПК-5 ОПК-10 ПКО-2 ПКС-3
11	Соблюдать установленные законодательством Российской Федерации сроки проведения контрольных (надзорных) мероприятий и совершения контрольных (надзорных) действий	ОПК-4 ОПК-5 ПКО-2
12	Не требовать от контролируемых лиц документы и иные сведения, представление которых не предусмотрено законодательством	ОПК-4 ОПК-5 ОПК-10 ПКО-2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

также должен быть соответствующий «набор» компетенций.

Очевидно, что условием решения задачи по формированию необходимых компетенций у должностных лиц, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность на транспорте, является освоение ими норм материального и процессуального права, получение навыков и умений их применения в процессе контрольно-надзорной деятельности на транспорте. Иными словами, речь идет о формировании компетенций административно-правового характера в рамках комплексной отрасли «Транспортное право». Соответственно вполне логичным представляется вывод о том, что основой непрерывного профессионального образования руководителей органов (подразделений) и специалистов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность на транспорте, может быть образовательная программа по направлению «Юриспруденция», реализуемая образовательными организациями.

В *табл. 1* представлен перечень компетенций, предусмотренных Федеральным государственным образовательным стандартом (далее — ФГОС) и учебным планом по профилю «Правовое обеспечение транспортной безопасности, контрольно-надзорной и правоохранительной деятельности на транспорте» (по направлению 40.04.01 Юриспруденция), соответствующих потребностям подготовки инспектора (ст. 29 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»).

Однако поскольку лица, имеющие высшее образование по иным, помимо юридической, направлениям и специальностям, такими компетенциями обладать не могут в связи с тем, что их подготовка не предусмотрена ФГОС высшего образования и учебными планами, постольку в настоящее время проблемой является то, что профессиональные компетенции, необходимые для осуществления контрольно-надзорной деятельности на транспорте сформированы только у должностных лиц Ространснадзора, которые имеют юридическое образование.

Одним из способов решения проблемы, получившей особую остроту в связи с изменениями, внесенными в Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 28.04.2023), вступившими в силу с 29 апреля 2023 г., в части

легализации терминов «оценка профессионального уровня» и «профессиональный уровень», а также определения понятий «область профессиональной служебной деятельности» и «вид профессиональной служебной деятельности», может стать внесение изменений в должностные регламенты государственных служащих Ространснадзора в части уточнения квалификационных требований к профессиональному уровню. При этом в должностных регламентах инспекторов Ространснадзора должны быть определены требования к специальности, направлению подготовки, а также к квалификации, полученной при освоении дополнительной профессиональной программы переподготовки «Контрольно-надзорная деятельность (на транспорте)» (объемом не менее 340 часов).

Соответственно в результате обучения по дополнительной профессиональной программе переподготовки лица, претендующие на замещение должности инспектора Ространснадзора, получают «набор» компетенций, необходимых для последующего исполнения должностных обязанностей. В *табл. 2* представлен анализ соответствия обязанностей инспектора [ст. 29 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»] (перечень закрыт) компетенциям, предусмотренным рабочей программой дополнительной профессиональной программы переподготовки «Контрольно-надзорная деятельность (на транспорте)».

ВЫВОДЫ

Авторами настоящей статьи обоснован тезис о недостаточной четкости правового закрепления и эффективности организационного сопровождения порядка подготовки специалистов в сфере государственного контроля (надзора) на транспорте. Особый акцент сделан на необходимости создания и легализации системы непрерывного профессионального образования должностных лиц, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность на транспорте. В результате реализации системно-правового анализа сформулированы концептуальные подходы к построению системы непрерывного профессионального образования инспекторского состава Ространснадзора, реализация которой позволит обеспечить необ-

ходимый и достаточный уровень транспортной безопасности от возрастающих угроз, а также реализацию задач, поставленных перед транспортной системой России в условиях санкционного давления со стороны недружественных государств.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Землин А. И. Актуальные организационно-правовые вопросы непрерывного профессионального образования сил обеспечения транспортной безопасности *Образование и право*. 2020;(9):399–408.
2. Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Does environmental safety depend upon the legal culture of transport specialists? *Ekoloji*. 2019;107:4961–4965.
3. Землин А. И., ред. Правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности. Монография. М.: Юридический институт МИИТ; 2018.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник; 1997. 292 с.
5. Землин А. И., Землина О. М., Назарчук И. А., ред. Актуальные проблемы правового регулирования контроля за бюджетными расходами на развитие транспортной системы Российской Федерации. Монография. М.: Компания КноРус; 2019.
6. Землин А. И., ред. Организация и правовые основы общественного контроля в России: теория, история, направления совершенствования. Монография. М.: Международный юридический институт; 2015.
7. Землин А. И., Землина О. М. Проблемные вопросы правового регулирования государственного финансового контроля за расходованием бюджетных средств при осуществлении государственных закупок. Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства: сб. науч. ст. М.: МГУУ ПМ, ЦОиНК; 2014.
8. Землина О. М., Землин А. И., Назарчук И. А. Актуальные проблемы правового регулирования контроля за бюджетными расходами на развитие транспортной системы Российской Федерации. Монография. М.: Компания КноРус; 2019.
9. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М.: БЕК; 1995.
10. Zemlin A., Pishchelko A., Kharlamova Y. Problems of realisation of public oversight in the field of transport counterterrorism policy. *Kutafin University Law Review*. 2020;7(1):67–78.
11. Артамонова С. Н. Актуальный опыт административно-правового регулирования государственной контрольной и надзорной деятельности в сфере обеспечения безопасности автомобильного транспорта. *Право и образование*. 2018;(3):121–135.
12. Артамонова С. Н. Об отечественном опыте организационно-правового регулирования системы контроля в сфере обеспечения автотранспортной безопасности и ее оптимизации в условиях современных угроз. *Транспортное право и безопасность*. 2018;28(4):53–63.
13. Землин А. И., Петров Ю. И., Харламова Ю. А. Актуальные проблемы развития транспортного законодательства и транспортного права России. Монография. М.: Русайн; 2019.
14. Землин А. И., Холиков И. В., Мельникова А. А. Актуальные проблемы правового обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры: монография. М.: Юридический институт МИИТ; 2019.
15. Землин А. И. Административно-правовые аспекты обеспечения транспортной безопасности. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2019;28(4):10–14.

16. Bagreeva E. G. On the issue of classification of risks of environmental safety of the transport complex: legal and organizational aspects. *Turismo-estudos e praticas*; 2021. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000625009000029>.
17. Bagreeva E. G. Environmental safety conditions in the transport sector by improving the culture of lawmaking. *Ekoloji*. 2019;28(107): 4071–4076.
18. Холиков И. В., Землин А. И. Основные тенденции уголовно-правового регулирования транспортной деятельности в КНР. *Транспортное право и безопасность*. 2020;34(2):154–166.
19. Землин А. И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19). *Военное право*. 2020;64 (6):15–29.
20. Zemlin A. Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities. IOP Publishing Ltd, “International Science and Technology Conference “Earth Science”. Chapter 3; 2021, 4202.
21. Землин А. И., Пищелко А. В. Актуальные проблемы правового обеспечения транспортной безопасности. В сб.: *Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты*. Сб. мат. МНПК; 2019:51–54.
22. Корякин В. М. Понятие транспортной безопасности и ее место в общей системе национальной безопасности Российской Федерации. *Транспортное право и безопасность*. 2016;(3):51–59.

REFERENCES

1. Zemlin A. I. Actual organizational and legal issues of continuing professional education of transport security forces. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2020;(9):399–408. (In Russ.).
2. Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Does environmental safety depend upon the legal culture of transport specialists? *Ekoloji*, 2019;107:4961–4965.
3. Zemlin A. I., ed. Legal problems of ensuring transport security. Monograph. Moscow: Law Institute of MIIT; 2018. (In Russ.).
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. RAS. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik; 1997. 292 p. (In Russ.).
5. Zemlin A. I., Zemlina O. M., Nazarchuk I. A., eds. Actual problems of legal regulation of control over budget expenditures for the development of the transport system of the Russian Federation. Monograph. Moscow: KnoRus Company; 2019. (In Russ.).
6. Zemlin A. I., ed. Organization and legal foundations of public control in Russia: theory, history, directions of improvement. Monograph. Moscow: International Law Institute; 2015. (In Russ.).
7. Zemlin A. I., Zemlina O. M. Problematic issues of legal regulation of state financial control over the expenditure of budgetary funds in the implementation of public procurement. State and corporate procurement as a form of public-private partnership: collection of scientific articles: MGUU PM, TSOINK; 2014. (In Russ.).
8. Zemlina O. M., Zemlin A. I., Nazarchuk I. A. Actual problems of legal regulation of control over budget expenditures for the development of the transport system of the Russian Federation. Monograph. Moscow: KnoRus Company; 2019. (In Russ.).
9. Tikhomirov Yu. A. Public law. Moscow: BECK; 1995. (In Russ.).
10. Zemlin A., Pishchelko A., Kharlamova Y. Problems of realisation of public oversight in the field of transport counterterrorism policy *Kutafin University Law Review*. 2020;7(1):67–78. (In Russ.).
11. Artamonova S. N. Actual experience of administrative and legal regulation of state control and supervisory activities in the field of road transport safety. *Pravo i obrazovanie = Law and education*. 2018;(3):121–135. (In Russ.).
12. Artamonova S. N. On the domestic experience of organizational and legal regulation of the control system in the field of ensuring road safety and its optimization in the context of modern threats. *Transportnoe pravo i bezopasnost = Transport law and security*. 2018;28(4):53–63. (In Russ.).
13. Zemlin A. I., Petrov Yu. I., Kharlamova Yu. A. Actual problems of development of transport legislation and transport law of Russia. Monograph. Moscow: Ruslan; 2019. (In Russ.).

14. Zemlin A. I., Kholikov I. V., Melnikova A. A. Actual problems of legal security of transport infrastructure. Monograph. Moscow: Law Institute of MIIT; 2019. (In Russ.).
15. Zemlin A. I. Administrative and legal aspects of ensuring transport security. *Nacional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National security and strategic planning*. 2019;28(4):10–14. (In Russ.).
16. Bagreeva E. G. On the issue of classification of risks of environmental safety of the transport complex: legal and organizational aspects. *Turismo-estudos e praticas*. 2021. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000625009000029>.
17. Bagreeva E. G. Environmental safety conditions in the transport sector by improving the culture of lawmaking *Ekoloji*. 2019;28(107):4071–4076.
18. Kholikov I. V., Zemlin A. I. The main trends in criminal law regulation of transport activities in the People's Republic of China. *Transportnoe pravo i bezopasnost' = Transport law and security*. 2020;34(2):154–166. (In Russ.).
19. Zemlin A. I. Some aspects of ensuring transport safety in conditions of the spread of infectious diseases (on the example of the pandemic of coronavirus infection COVID-19). *Voennoe parvo = Military law*. 2020;64(6):15–29. (In Russ.).
20. Zemlin A. Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities. IOP Publishing Ltd, "International Science and Technology Conference "Earth Science". Chapter 3; 2021. (In Russ.).
21. Zemlin A. I., Pishchelko A. V. Actual problems of legal provision of transport security. In the collection: Combating offenses in the field of economics: legal, procedural and criminalistic aspects. Collection of mat. MNPk; 2019:51–54. (In Russ.).
22. Koryakin V. M. The concept of transport security and its place in the general system of national security of the Russian Federation. *Transportnoe pravo i bezopasnost' = Transport law and security*. 2016;(3):51–59. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Игоревич Землин — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой, Российский государственный социальный университет; эксперт, Центр экспертиз на транспорте, Российский университет транспорта, Москва, Россия

Alexander I. Zemlin — Dr. Sci (Law), Prof., Head of the Department, Russian State Social University; expert, Center for Expertise in Transport, Russian University of Transport, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8988-8517>

zemlin.aldr@yandex.ru

Елена Геннадиевна Багреева — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Международное и публичное право», Финансовый университет, Москва, Россия

Elena G. Bagreeva — Dr. Sci (Law), Prof., Prof. of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1407-1574>

bagreg@yandex.ru

Светлана Васильевна Карпова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Маркетинг и спортивный бизнес», директор Института управленческих исследований и консалтинга, факультет «Высшая школа управления», Финансовый университет, Москва, Россия

Svetlana V. Karpova — Dr. Sci (Econ.), Prof., Prof. of the Department of marketing and sports business, Head of the Institute of Management Research and Consulting, Faculty of Higher School of Management, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4488-8131>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

svkarpova@fa.ru

Ольга Михайловна Землина — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры, Российский государственный социальный университет; эксперт, Центр экспертиз на транспорте, Российский университет транспорта, Москва, Россия

Olga M. Zemlina — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department, Russian State Social University; expert, Center for Expertise in Transport, Russian University of Transport, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4319-9905>

zemlina.o@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

А.И. Землин — научное обоснование понятия и особенностей внедрения контрольно-надзорных действий.

Е.Г. Багреева — научный анализ сложившейся ситуации в области контроля (надзора) на транспорте.

С.В. Карпова — научное обоснование применения непрерывного профессионального образования для осуществления контрольно-надзорной деятельности на транспорте, общее редактирование статьи.

О.М. Землина — научное обоснование вопросов развития непрерывного профессионального образования, эффективность применяемых инструментов.

Authors' Contribution Statement:

Alexander I. Zemlin — scientific substantiation of the concept and features of the implementation of control and supervisory actions.

Elena G. Bagreeva — scientific analysis of the current situation in the field of control (supervision) in transport.

Svetlana V. Karpova — scientific justification of the use of continuing professional education for the implementation of control and supervisory activities in transport, general editing of the article.

Olga M. Zemlina — scientific substantiation of the issues of the development of continuing professional education, the effectiveness of the tools used.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.05.2024; принята к публикации 23.07.2024.

The article was received 14.05.2024; accepted for publication 23.07.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-64-81
УДК 378.1(045)
JEL A22, D41, H52, I23, N30

Интернационализация основных программ высшего образования в современных условиях

М.Л. Горбунова, А.С. Логинова, Ю.А. Гриневич, Т.С. Морозова

Институт экономики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – инструменты повышения конкурентоспособности программ российского высшего образования с учетом геополитической обстановки и развития конкуренции со стороны иностранных государств на рынке образовательных услуг.

Цели работы – определение на основе статистических показателей Минобрнауки России за 2019–2022 гг. потенциала международной конкурентоспособности программ высшего образования по уровням бакалавриата, специалитета и магистратуры и оценка их устойчивости к внешним шокам.

Установлено, что тема интернационализации образования вызывает большой исследовательский интерес у российских и зарубежных ученых. В основе интернационализации российского образования лежат стратегии повышения конкурентоспособности, предусмотренные Проектом «5–100» и программой «Приоритет 2030».

Одним из приоритетных направлений научно-технического развития России является масштабирование экспорта российского образования.

В статье особое внимание уделяется исследованию показателей ведущих государств по численности студентов, принятых на обучение, и доле студентов, принятых по договорам об оказании платных образовательных услуг в их численности в Российской Федерации за период 2019–2022 гг. в разрезе уровней образования (бакалавриат, специалитет, магистратура). Выделены конкурентные преимущества и недостатки российского образования для иностранных абитуриентов.

Сделаны выводы о перспективах экспорта образовательных услуг в крупнейшие государства Евразии и Ближнего Востока, а также о значительном потенциале продвижения программ магистратуры в Индии благодаря конкурентным преимуществам российского образования.

Ключевые слова: интернационализация; высшее образование; экспорт образовательных услуг; вузы

Для цитирования: Горбунова М.Л., Логинова А.С., Гриневич Ю.А., Морозова Т.С. Интернационализация основных программ высшего образования в современных условиях. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):64-81. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-64-81

ORIGINAL PAPER

Internationalization of Basic Higher Education Programs in Modern Conditions

M.L. Gorbunova, A.S. Loginova, Yu.A. Grinevich, T.S. Morozova

Institute of Economics of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the tools to increase the competitiveness of Russian higher education programs, taking into account the geopolitical situation and the development of competition from foreign countries. in the market of educational services.

The objectives of the work are to determine, based on statistical indicators of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2019–2022, the potential for international competitiveness of higher education programs at the bachelor's, specialist and master's levels and to assess its resistance to external shocks.

It has been established that the topic of internationalization of education is of great research interest among Russian and foreign scientists. The internationalization of Russian education is based on strategies to increase competitiveness

© Горбунова М.Л., Логинова А.С., Гриневич Ю.А., Т.С. Морозова Т.С., 2024

provided for by the 5–100 Project and the Priority 2030 program. Scaling up the export of Russian education is one of the priorities of Russia's scientific and technical development.

The article pays special attention to the study of indicators of leading countries in terms of the number of students accepted for training and the share of those accepted under contracts for the provision of paid educational services in their number in the Russian Federation for the period 2019–2022 in the context of education levels (bachelor's degree, specialty, master's degree). The competitive advantages and disadvantages of Russian education for foreign applicants are highlighted.

Conclusions are drawn about the prospects for exporting educational services to the largest states of Eurasia and the Middle East, as well as about the significant potential for promoting master's degree programs in India due to the competitive advantages of Russian education.

Keywords: internationalization; higher education; export of educational services; universities

For citation: Gorbunova M.L., Loginova A.S., Grinevich Yu.A., Morozova T.S. Internationalization of basic higher education programs in modern conditions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):64-81. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-64-81

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация, отказавшись от советской системы образования, предполагавшей продолжительную углубленную одноступенчатую структуру получения высшего образования (специалитет), присоединилась в 2003 г. к Болонскому процессу [1], зародившемуся в итальянском городе Болонье в 1999 г., когда министры образования 29 европейских стран подписали Болонскую декларацию о сотрудничестве и развитии, нацеленную на создание единого Европейского пространства высшего образования, предусматривающего два уровня образования: бакалавриат и магистратуру на основе интернационализации стандартов систем образования государств на международной уровне, унификации процедур признания получения высшего образования, упрощения перехода студентов из одного учебного заведения в другое и обеспечения трудоустройства выпускников вузов в разных странах благодаря тому, что все академические степени и другие квалификации ориентированы на рынок труда.

В целом интернационализацию в образовании можно определить как взаимодействие, взаимопроникновение международных образовательных, научных, культурных аспектов в национальные образовательные системы с целью предоставления образовательных услуг на более высоком уровне и повышения качества образования в международном масштабе.

Достаточно широкий подход к определению интернационализации образования дан в статье [2]. В работах ряда авторов рассматриваются стратегии интернационализации высшего образования [3]. В частности анализируются продленный до 2020 г. Проект «5–100» — государственная инициатива

по адаптации российских университетов к мировым стандартам и их включению в международную образовательную среду и попаданию не менее пяти российских университетов в сотню лучших по версии трех авторитетных международных рейтингов *Quacquarelli Symonds*, *Times Higher Education* и *Academic Ranking of World Universities* — и программа «Приоритет 2030», утвержденная постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3697-р и имеющая целью превращение университетов в лидеры создания нового научного знания, технологий и разработок для внедрения в российскую экономику и социальную сферу.

Различными авторами выделяются факторы, влияющие на интернационализацию образования, среди которых называются возможности получения второго диплома в рамках сетевых программ; обеспечение международной академической мобильности; повышение качества образования как важного фактора его интернационализации [4].

В России после отказа от применения Болонской системы стартовал пилотный проект по внедрению новой системы высшего образования в шести университетах, предусматривающий с 2023 г. изменение уровней профессионального образования. В частности, речь идет о переходе на систему высшего образования в шести российских вузах (МАИ, МИСИС, МПГУ, Балтийский федеральный университет, Петербургский горный университет, Томский госуниверситет) продолжительностью базового высшего образования от четырех до шести лет, магистратуры специализированного высшего образования — от одного года до трех лет¹. По словам В. Н. Фалькова, сегодня сформировалось

URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5984912>.

полное представление о том, куда и как двигаться в образовании дальше. Во время обсуждения его кандидатуры в Государственной Думе на пост министра науки и высшего образования он заявил, что по целому ряду специальностей и направлений невозможно подготовить квалифицированного специалиста за тот срок, который отводился на подготовку в бакалавриате, т.е. четыре года: «Надо переходить на 5–5,5 лет. Особенно это касается инженеров и педагогов... У нас будут понятия «высшее образование» и «специализированное высшее образование... В системе высшего образования, которая заработает в России с 2025 г., не будет понятия «бакалавр»².

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В последние годы в условиях санкций вопросы интернационализации образования не потеряли своей актуальности. Достаточно большое количество авторов рассматривают разные стороны этого процесса, в особенности перспективы развития международной составляющей в деятельности вузов в условиях санкционных ограничений. Среди наиболее серьезных факторов [5], влияющих на интернационализацию российских вузов, выделяются ограничение доступа иностранных обучающихся и профессорско-преподавательского состава из европейских стран в российские вузы и ограничение международной мобильности отечественных исследователей и студентов, закрытие доступа к образовательным ресурсам партнерских вузов и к международным публикациям и базам данных, грантовой поддержке.

В условиях санкционного давления ряд авторов предлагают переходить на стратегию внутренней интернационализации [7] (развитие внутривузовских компетенций, результаты овладения которыми измеряются не объемом усвоенной информации, а способностью специалистов применять полученные знания, умения и навыки в профессиональной деятельности), не полностью отказываться от глобализации в образовании, а переориентироваться с Европы на другие регионы мира, в частности на страны СНГ и Востока, увеличивать грантовую

поддержку и расширять сетевое взаимодействие с дружественными странами.

Ряд авторов рассматривают вопросы экспорта образования, делая упор на необходимости использования новых маркетинговых стратегий продвижения, в частности цифровых технологий в продвижении брендов и расширении возможностей цифровой образовательной среды, включая применение образовательных онлайн платформ [7].

Согласно оценкам экспертов в 2022 г. по количеству иностранных студентов Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов — выходцев как из ближнего зарубежья (Казахстана, Узбекистана, Туркмении), так и из дальнего зарубежья (Китая, Индии и Египта), что составило 6% от общей численности иностранных студентов в мире³.

В работах анализируется динамика численности студентов⁴, приезжающих из СНГ и дружественных зарубежных стран для обучения, рассматриваются страновая структура, а также источники финансирования обучения (собственные средства или квоты Правительства РФ), выделяются тенденции и делаются выводы.

Ученые обращают внимание на степень привлекательности вузов в регионах для иностранных студентов, а также на долю иностранных студентов в общей численности (лидерами являются РУДН, Томский политех, МИФИ) [8].

Необходимо отметить, что только незначительное количество авторов рассматривают подробно ситуацию, складывающуюся в отдельных российских вузах, однако достаточно подробный анализ динамики по различным вузам представлен в работе Т.В. Лебедевой, которая также выделяет факторы, влияющие на количество иностранных студентов в вузах [9].

Расширение экспорта российского образования является одним из приоритетных направлений в концепции научно-технического развития России. Согласно прогнозу на 2024 г. численность иностран-

² URL: <https://rg.ru/2024/05/14/falkov-poniatia-bakalavr-v-rossijskoj-sisteme-vysshego-obrazovaniia-ne-budet.html>.

³ Майер А. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов. Ведомости. 13 марта, 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislui-inostrannih-studentov?ysclid=lheq4crfo8738531690>.

⁴ Долгова С. А. Мировой опыт интернационализации высшего образования. Вестник Академии знаний. 2022;52(5):118–126; Новиков С. В. Интернационализация сферы высшего образования РФ в условиях современных вызовов. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2023;48(4):531–536.

ных студентов должна увеличиться до 425 тыс. чел., а в 2025 — до 710 тыс. чел., при этом планируется покрытие значительной части расходов из федерального бюджета [9].

Для увеличения количества иностранных студентов используется бюджетное финансирование. Значительное выделение квот на обучение в рамках программы Россотрудничества для обучения иностранных студентов можно расценивать как инструмент «мягкой силы», способствующий повышению привлекательности российского образования, распространению знаний, укреплению дружбы и сотрудничества с Россией, ознакомлению с российской культурой и языком, а также являющийся политико-идеологическим инструментом, способным поддерживать и развивать положительный имидж России в глазах представителей других стран. Достаточно большое значение стипендиальные программы Россотрудничества имеют для студентов из стран ближнего зарубежья, которые не в состоянии оплачивать образование самостоятельно в силу более низкого уровня доходов.

Минобрнауки России также выделяет квоты на обучения для представителей стран дальнего зарубежья. После введения санкций недружественными странами Запада при разработке образовательной политики делается ставка на страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Привлечению иностранных студентов для получения образования в Российской Федерации способствуют ряд факторов.

Во-первых, по сравнению с многими странами мира стоимость образования в Российской Федерации относительно невысока (что является значимым фактором для представителей дальнего зарубежья, в частности африканских стран).

Во-вторых, относительно низкая стоимость жизни по сравнению с европейскими странами и США.

В-третьих, что особенно важно для стран ближнего зарубежья, возможность обучения на русском языке, хотя российские вузы представляют некоторое количество программ на английском языке (менеджмент, экономика, инженерное дело, медицина), что привлекательно для представителей дальнего зарубежья.

В-четвертых, сохранившаяся с прежних времен академическая и научная репутация многих вузов (МГУ, МГТУ им. Н.Э. Баумана и др.).

В рамках ЕАЭС формируется единое образовательное пространство, где возрастает роль Евразийского сетевого университета ЕАЭС как научно-

образовательного консорциума, направленного на развитие человеческого и интеллектуального капитала ЕАЭС), в рамках которого планируется создание сетевых программ, что позволит расширять сотрудничество между вузами стран-участниц⁵. Также следует отметить большое количество профориентационных мероприятий проводимых Россотрудничеством, а также наличие значительного количества филиалов российских вузов в странах ближнего зарубежья [10]. Для студентов хорошим подспорьем для поступления в магистратуру и аспирантуру являются такие олимпиады, как *Open Doors* и др.

Однако, в отличие от большинства стран, обучение в российских вузах имеет некоторые недостатки: низкую стипендию, которая не покрывает расходы на перелеты и проживание; отсутствие единой структуры, оказывающей поддержку студентам, как это есть, например, во Франции и Германии; сложность русского языка, а также незначительное количество программ на английском языке. При этом существуют сложности у региональных вузов в привлечении иностранных студентов, так как их большая часть концентрируется в вузах Москвы и Санкт-Петербурга.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ОБУЧЕНИЕ ПО ПРОГРАММАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Минобрнауки России ежегодно публикует сводные данные о численности иностранных студентов в разрезе уровней обучения — бакалавриат, специалитет, магистратура. В качестве периода для анализа в настоящей работе исследуется период 2019–2022 гг., на которые пришлось такие важные для процесса привлечения и обучения граждан иностранных государств события, как пандемия *COVID 2019* и начало специальной военной операции (далее — СВО).

Во время пандемийных полных и частичных локдаунов реализация учебного процесса в вузах проходила в удаленном режиме. При этом иностранные студенты находились как в Российской Федерации, так и за рубежом. Часть студентов смогла

⁵ Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета подписан 26 мая 2022 г. в Бишкеке ректорами государств — членов ЕАЭС в рамках Евразийского экономического форума.

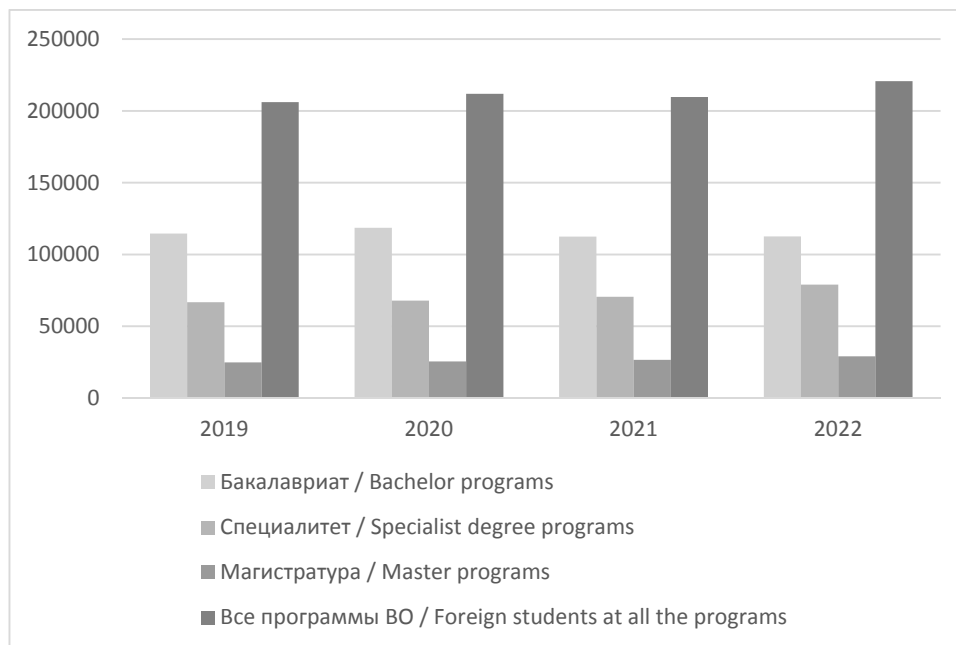

Рис. 1 / Fig. 1. Общая численность иностранных студентов, обучающихся на программах высшего образования в Российской Федерации, 2019–2022 гг., чел. / Foreign students at the higher education programs in Russian Federation, 2019–2022

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

обучаться из дома, экономя на поездках и проживании в Российской Федерации, что повышало привлекательность обучения. Другая часть студентов, напротив, приостанавливала учебу в российских вузах из-за технических и иных проблем. Начало СВО в 2022 г. привело к беспрецедентному геополитическому давлению и санкциям в отношении России, затруднившим международное транспортное сообщение и финансовые расчеты, что имело негативный эффект.

На рис. 1 представлены суммарные данные о численности иностранных студентов, обучающихся в государственных вузах России по программам очной формы обучения. Отрадным фактом является то, что общая численность студентов в 2022 г. выросла по отношению к 2019 г. на 7,1%, а спад пришелся на 2021 г. из-за уменьшения количества поступлений на бакалавриат, в то время как численность иностранных студентов, обучающихся по программам специалитета и магистратуры, росла год от года в течение всего рассматриваемого периода. Таким образом, конкурентоспособность этих программ выше. Уменьшение же численности лиц, обучающихся на бакалавриате в 2021 г., может быть обусловлено тем, что по его программам учились

самые младшие по возрасту и наименее самостоятельные студенты, которых родители не стали подвергать риску обучения за рубежом в период, когда часть пандемийных ограничений продолжала действовать.

Данные о динамике численности студентов, принятых на образовательные программы бакалавриата, специалитета и магистратуры, представленные на рис. 2, соответствуют трендам, выявленным в общей численности студентов: рост поступивших в 2022 г. по отношению к 2019 г. составил 18,3%, что свидетельствует об устойчивости конкурентного потенциала российского образования, способного преодолевать значимые внешние вызовы.

В части оценки конкурентоспособности вузовских программ важной характеристикой является численность студентов, принятых или обучающихся по договорам об оказании платных услуг (рис. 3).

Помимо трендов, выявленных ранее, обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, суммарный рост численности так называемых внебюджетных студентов, обучающихся по программам высшего образования, увеличился в 2022 г. по отношению к 2019 г. на 4,9% — меньше роста общей численности иностранных студентов, что свиде-

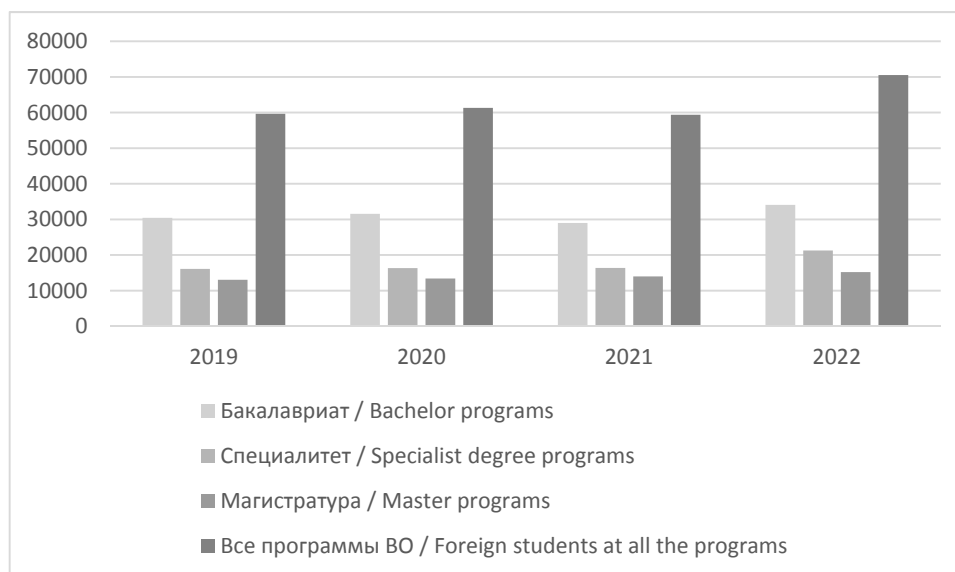

Рис. 2 / Fig. 2. Число иностранных студентов, принятых на программы высшего образования в Российской Федерации, 2019–2022 гг., чел. / Dynamics of the foreign students admissions to the higher education programs the Russian Federation in 2019–2022

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

тельствует о том, что часть увеличения количества иностранных студентов обеспечивается благодаря подписанию межгосударственных соглашений, а не в силу рыночных факторов.

Показательно, что в 2022 г. численность студентов, обучающихся на индивидуальной договорной основе по программам специалитета, превысила численность студентов по программе бакалавриата. Наиболее востребованными программами специалитета Российской Федерации являются медицинские специальности — лечебное дело, стоматология и пр.

Данные, приведенные на рис. 4 о доле студентов, обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, отражают этот тренд. Кроме того, согласно рис. 4 доля иностранных студентов, обучающихся на индивидуальной договорной основе по программам специалитета, устойчиво составляет немногим менее 90% (высокий уровень рыночной конкурентоспособности). В то же время нет существенной разницы между долей внебюджетных студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, — показатели колеблются в интервале 60–65% в разные годы наблюдения.

В табл. 1 представлена информация о государствах, формирующих наибольший приток (численность принятых на программы высшего образо-

вания) граждан, направляемых на обучение в Российскую Федерацию. Их лидерами в течение всего наблюдаемого периода были Республика Казахстан, Китай, Индия, Киргизская Республика, Исламская Республика Иран, Республика Беларусь. Почти 100% студентов государств дальнего зарубежья обучаются по договорам об оказании платных образовательных услуг, в то время как доля таких студентов среди государств ближнего зарубежья колеблется от 20,58% (показатели Киргизской Республики в 2019 г.) до 76,11 (показатели Республики Азербайджан в 2020 г.).

В табл. 2–4 аналогичная информация представлена в разрезе уровней обучения.

Так, на программах бакалавриата (табл. 2) в группе лидеров отсутствует Индия, но устойчиво находятся Египет (с долей студентов, обучающихся на договорной основе на уровне 100%) и Украина (с долей студентов, обучающихся на договорной основе на уровне 42–49% в 2019–2021 гг. и 29,74% — в 2022 г.).

На программах специалитета (табл. 3), наиболее востребованными из которых являются медицинские специальности, в 2019–2022 гг. произошла смена лидера — Египет уступил первенство Индии из-за более чем двукратного роста студентов из этой страны. Показательно, что десятка ведущих государств в течение периода наблюдений остается

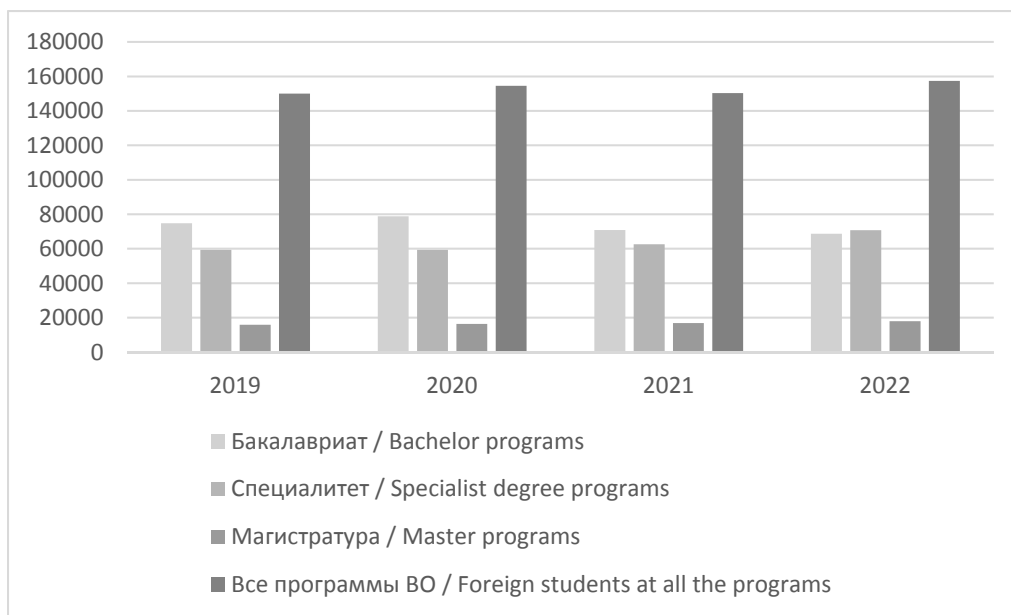

Рис. 3 / Fig. 3. Общая численность иностранных студентов, обучающихся на программах высшего образования по договорам об оказании платных образовательных услуг в Российской Федерации, 2019–2022 гг., чел. / Self-funded foreign students at the higher education programs in Russian Federation, 2019–2022

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

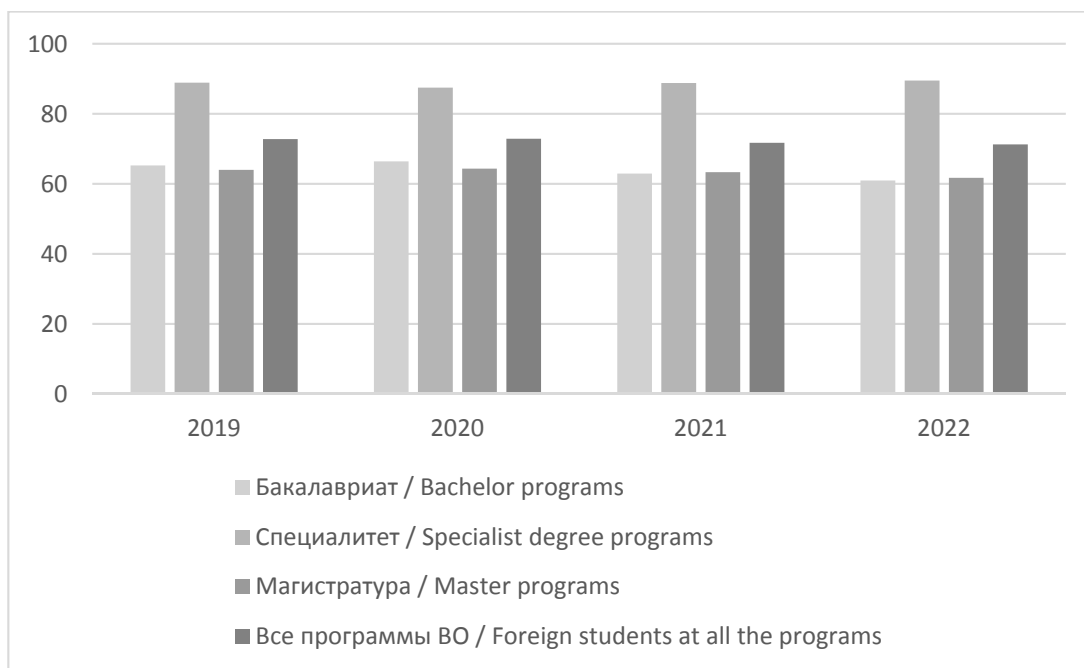

Рис. 4 / Fig. 4. Доля студентов, обучающихся по программам высшего образования согласно договорам об оказании платных образовательных услуг в РФ, 2019–2022 гг., % / Self-funded foreign students at the higher education programs in Russian Federation, 2019–2022, %

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Таблица 1 / Table 1

Ведущие государства по численности студентов, принятых на обучение, и доля принятых по договорам об оказании платных образовательных услуг в их численности в Российской Федерации, 2019–2022 гг. / Top-10 states by the number of student admissions, and the respective share of those admitted under contracts for the provision of paid educational services, Russian Federation, 2019–2022

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	11 115	28,83	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	11 369	29,99
Китай / China	10 580	99,88	Китай / China	10 585	99,87
Индия / India	2 440	100,00	Индия / India	2 452	99,80
Ирак / Iraq	1 380	99,93	Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	1 398	23,39
Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	1 346	20,58	Ирак / Iraq	1 388	99,86
Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	1 223	99,67	Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	1 228	99,59
Республика Беларусь / The Republic of Belarus	936	37,61	Республика Беларусь / The Republic of Belarus	1 072	44,59
Марокко / Morocco	719	100,00	Марокко / Morocco	725	100,00
Республика Азербайджан / The Republic of Azerbaijan	484	71,07	Республика Азербайджан / The Republic of Azerbaijan	586	76,11
Алжир / Algeria	472	100,00	Алжир / Algeria	496	100,00
2021			2022		
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	11 317	29,52	Китай / China	11 819	99,95
Китай / China	10 076	99,98	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	9 738	24,85
Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	8 047	50,43	Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	8 715	18,20

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	6371	18,21	Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	7603	44,90
Египет / Egypt	4405	99,98	Туркменистан / Turkmenistan	7520	67,49
Индия / India	3828	100,00	Индия / India	5310	99,66
Туркменистан / Turkmenistan	2804	59,52	Египет / Egypt	5109	99,98
Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	1947	17,72	Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	2013	100,00
Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	1173	99,91	Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	1844	20,88
Республика Беларусь / The Republic of Belarus	1003	36,29	Украина / Ukraine	955	29,74

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

неизменной, хотя Республика Казахстан уступила свое положение в рейтинге Исламской республике Иран, Республикам Таджикистан и Узбекистан. Показательно, что доля студентов, принятых по договорам об оказании платных образовательных услуг, не только у государств дальнего зарубежья, но и у практически всех государств ближнего зарубежья превышает 50% (исключение составляет Республика Казахстан и Киргизская Республика в отдельные период наблюдений). Это свидетельствует об исключительно высоком рыночном конкурентом потенциале российского медицинского образования.

Для приема иностранных студентов на программы магистратуры характерно безоговорочное лидерство Китая, опережающего идущую на втором месте Республику Казахстан, более в чем в два раза в 2022 г. Показательно, что кроме Китая в списке

десяти лидеров из государств дальнего зарубежья присутствуют только Ирак (на всем периоде наблюдений) и Сирийская Арабская Республика (в 2019–2020 гг.). Представители этих государств дальнего зарубежья практически в 100% объеме обучаются по договорам об оказании платных образовательных услуг, в то время как представители государств ближнего зарубежья с большей вероятностью обучаются за счет ассигнований федерального бюджета Российской Федерации в соответствии с международными договорами или согласно установленной Правительством РФ квоте.

ВЫВОДЫ

Программы высшего образования по уровням бакалавриата, специалитета и магистратуры обладают существенным потенциалом международной кон-

Таблица 2 / Table 2

Ведущие государства по численности студентов, принятых на обучение, и доля принятых по договорам об оказании платных образовательных услуг в их численности: бакалавриат, Российская Федерация, 2019–2022 гг. / Top-10 states by the number of student admissions, and the respective share of those admitted under contracts for the provision of paid educational services, bachelor studies, Russian Federation, 2019–2022

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	7078	31,31	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	7245	32,56
Китай / China	5995	100,00	Китай / China	5996	100,00
Туркменистан / Turkmenistan	3942	83,23	Туркменистан / Turkmenistan	4039	83,63
Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	3746	52,24	Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	3903	54,16
Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	2516	8,70	Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	2615	11,89
Египет / Egypt	1000	100,00	Египет / Egypt	1010	100,00
Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	834	14,39	Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	865	17,34
Республика Беларусь / The Republic of Belarus	608	40,79	Республика Беларусь / The Republic of Belarus	720	49,17
Украина / Ukraine	571	42,21	Украина / Ukraine	654	49,08
Ирак / Iraq	359	100,00	Ирак / Iraq	365	100,00
2021			2022		
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	7006	31,80	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	5925	26,62

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan.	5111	47,70	Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	5922	6,01
Китай / China	4965	99,96	Китай / China	5530	99,95
Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan.	4244	7,21	Туркменистан / Turkmenistan	5226	78,17
Туркменистан / Turkmenistan	1535	68,60	Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	4387	38,20
Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	1271	12,20	Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	1184	12,84
Египет / Egypt	996	100,00	Египет / Egypt	1165	99,91
Украина / Ukraine	612	47,06	Украина / Ukraine	628	29,30
Республика Беларусь / The Republic of Belarus	567	39,33	Республика Беларусь / The Republic of Belarus	497	39,64
Республика Азербайджан / The Republic of Azerbaijan	322	73,29	ДНР* / DPR (Donetsk People's Republic)	306	56,21

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

* Учитывалось отдельно до вхождения в состав РФ 30 сентября 2022 г.

Таблица 3 / Table 3

Ведущие государства по численности студентов, принятых на обучение, и доля принятых по договорам об оказании платных образовательных услуг в их численности: специалист, Российская Федерация, 2019–2022 гг. / Top-10 states by the number of student admissions, and the respective share of those admitted under contracts for the provision of paid educational services, specialist degree programs, Russian Federation, 2019–2022

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
Египет / Egypt	3256	100,00	Египет / Egypt	3257	100,00
Индия / India	2322	100,00	Индия / India	2323	100,00
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	1564	39,39	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	1604	40,90
Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1448	79,63	Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1503	80,37
Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	1150	99,65	Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	1152	99,65
Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	663	72,40	Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	709	74,19
Туркменистан / Turkmenistan	529	96,98	Туркменистан / Turkmenistan	537	97,02
Ирак / Iraq	504	99,80	Ирак / Iraq	504	99,80
Марокко / Марокко	495	100,00	Марокко / Марокко	495	100,00
Китай / China	390	100,00	Китай / China	391	100,00
2021			2022		
Индия / India	3691	100,00	Индия / India	5224	99,66
Египет / Egypt	3290	100,00	Египет / Egypt	3849	100,00

Окончание таблицы 3 / Table 3 (continued)

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1754	74,12	Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	1948	100,00
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	1580	41,14	Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1801	69,18
Иран, Исламская республика / Islamic Republic of Iran	1121	100,00	Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	1560	68,65
Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	1027	68,06	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	1356	36,06
Китай / China	392	100,00	Марокко / Могоcco	598	100,00
Марокко / Могоcco	338	100,00	Китай / China	490	100,00
Ирак / Iraq	332	100,00	Туркменистан / Turkmenistan	452	90,04
Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	296	42,91	Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	357	52,10

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Таблица 4 / Table 4

Ведущие государства по численности студентов, принятых на обучение, и доля принятых по договорам об оказании платных образовательных услуг в их численности: магистратура, Российская Федерация, 2019–2022 гг. / Top-10 states by the number of student admissions, and the respective share of those admitted under contracts for the provision of paid educational services, master programs, Russian Federation, 2019–2022

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
Китай / China	4195	99,69	Китай / China	4198	99,67
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	2473	15,08	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	2520	15,67
Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1066	31,52	Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1076	32,16
Туркменистан / Turkmenistan	924	60,82	Туркменистан / Turkmenistan	980	62,96
Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	772	17,36	Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	784	18,49
Ирак / Iraq	517	100	Ирак / Iraq	519	99,81
Украина / Ukraine	381	31,50	Украина / Ukraine	401	33,92
Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	288	13,89	Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	294	15,31
Республика Беларусь / The Republic of Belarus	189	21,69	Республика Беларусь / The Republic of Belarus	200	24,50
Сирийская Арабская Республика / The Syrian Arab Republic	153	100	Сирийская Арабская Республика / The Syrian Arab Republic	165	98,18

Окончание таблицы 4 / Table 4 (continued)

2019			2020		
Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %	Государство / State	Всего студентов, чел. / Total students, persons	Доля обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, % / The share of students enrolled in contracts for educational services, %
1	2	3	1	2	3
2021			2022		
Китай / China	4719	100,00	Китай / China	5799	99,95
Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	2731	16,95	Республика Казахстан / The Republic of Kazakhstan	2457	14,41
Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1182	27,07	Туркменистан / Turkmenistan	1842	31,65
Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	1100	14,09	Республика Узбекистан / The Republic of Uzbekistan	1415	34,77
Туркменистан / Turkmenistan	1080	41,30	Республика Таджикистан / The Republic of Tajikistan	1233	12,90
Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	380	16,58	Киргизская Республика / Kyrgyz Republic	303	15,51
Ирак / Iraq	330	100,00	Республика Беларусь / The Republic of Belarus	252	19,84
Украина / Ukraine	268	39,18	Украина / Ukraine	165	24,85
Республика Беларусь / The Republic of Belarus	236	19,07	Ирак / Iraq	164	100,00
Республика Азербайджан / The Republic of Azerbaijan	143	63,64	Республика Азербайджан / The Republic of Azerbaijan	99	55,56

Источник / Source: построено авторами по открытым данным Минобрнауки России / compiled by the authors according to the open data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

курентоспособности, продемонстрировав в 2019–2022 гг. устойчивость к внешним шокам, вызванным пандемией COVID 2019 и санкциями недружественных государств в период проведения СВО.

Перспективными рынками экспорта образовательных услуг являются рынки крупнейших государств Евразии — Китая и Индии, а также рынки ряда государств Ближнего Востока — Египта, Ирака, Исламской республики Иран и др.

По мнению авторов, существует значительный потенциал продвижения программ магистратуры в Индии с учетом демографического потенциала этой страны и высокой репутации российского высшего образования.

В то же время на уровне отдельных вузов численность иностранных студентов может быть увеличена за счет приема студентов из государств ближнего зарубежья в рамках существующих межгосударственных соглашений и квот Правительства РФ.

Масштабирование экспорта российского образования невозможно без применения дистанционных образовательных технологий, изменения форматов обучения. Приоритет следует отдавать смешанным форматам обучения и применять синхронный и асинхронный форматы обучения. Быстроразвивающиеся инновационные технологии, экономические и политические процессы требуют обновления образовательных программ с учетом потребностей рынка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Канунникова А.М. Интернационализация высшего образования России в современных условиях. *Вестник евразийской науки*. 2023;15(2):17–29.
2. Певзнер М.Н. Интернационализация высшего образования в период кризиса: от глобалистских тенденций к поиску национальных приоритетов. *Перспективы науки и образования*. 2024;67(1):743–762.
3. Никитенко Е.В. Интернационализация высшего образования в России: в поисках путей развития. *Высшее образование в России*. 2023;32(5):125–137. DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–5–125–137
4. Скопа В.А. Процессы интернационализации системы высшего образования как показатели качества образовательных услуг. *Вестник педагогических наук*. 2022;(3):232–236.
5. Ланко Д.А. Политически обусловленные ограничения против российского высшего образования 2022 года: попытка классификации. *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология* — 2022;141(4):46–62. DOI: 10.32523/2616–6887/2022–141–4–46–62
6. Осташова Я.В. Интернационализация деятельности российских университетов в современных условиях. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2023;(4):298–304. DOI: 10.22394/2079–1690–2023–1–4–298–304
7. Юдина В.А. Трансформация механизмов международного сотрудничества в системе высшего образования Российской Федерации в условиях геополитической нестабильности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):67–74. DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–5–67–74
8. Николаев, В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности. *Высшее образование в России*. 2022;31(2):149–166. DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–2–149–166
9. Долгова С.А. Мировой опыт интернационализации высшего образования. *Вестник Академии знаний*. 2022;52(5):118–126.
10. Савельчев Л.А. Высшее образование как ресурс «мягкой силы» России в новых геополитических условиях. Часть 2: практический кейс. *Новизна. Эксперимент. Традиции*. 2023;24(4):79–91.

REFERENCES

1. Kanunnikova A.M. Internationalization of higher education in Russia under modern conditions. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(2):17–29. (In Russ.).
2. Pevsner M.N. Internationalization of higher education during the crisis: from globalist trends to the search for national priorities. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of science and education*. 2024;67(1):743–762. (In Russ.).
3. Nikitenko E.V. Internationalization of higher education in Russia: in search of ways of development. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2023;32(5):125–137. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–5–125–137

4. Osprey V.A. The processes of internationalization of the higher education system as indicators of the quality of educational services. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2022;(3):232–236. (In Russ.).
5. Lanko D.A. Politically determined restrictions against Russian higher education in 2022: an attempt at classification. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L. N. Gumileva. Seriya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya = Bulletin of the L. N. Gumilev Eurasian National University. Series: Political Sciences. Regional studies. Oriental studies. Turkology*. 2022;141(4):46–62. (In Russ.). DOI: 10.32523/2616–6887/2022–141–4–46–62
6. Ostashova Ya.V. Internationalization of the activities of Russian universities under modern conditions. State and municipal administration. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = Scientific notes*. 2023;(4):298–304. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079–1690–2023–1–4–298–304
7. Yudina V.A. Transformation of mechanisms of international cooperation in the higher education system of the Russian Federation in the context of geopolitical instability. Humanities. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):67–74. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–5–67–74
8. Nikolaev, V.K. Export of education in Russian universities in the context of a new reality. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2022;31(2):149–166. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2022–31–2–149–166
9. Dolgova S.A. The world experience of internationalization of higher education. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022;52(5):118–126. (In Russ.).
10. Savelchev L.A. Higher education as a resource of Russia's "soft power" in new geopolitical conditions. Part 2: a practical case. *Novizna. Ehksperiment. Tradicii = Novelty. Experiment. Traditions* 2023;24(4):79–91. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Мария Лавровна Горбунова — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Maria L. Gorbunova — Dr. Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Head. Department of World Economy and Customs Affairs, Institute of Economics, Nizhny Novgorod State University named after. N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

gorbunova@iee.unn.ru

Юлия Анатольевна Гриневич — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Julia A. Grinevich — Cand. Sci. (Econ), Assoc. Prof. of the Department of World Economy and Customs Affairs, Institute of Economics, Nizhny Novgorod State University named after. N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4480-3019>

julia-grinevich@mail.ru

Анастасия Сергеевна Логинова — кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Anastasia S. Loginova — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of World Economy and Customs Affairs, Institute of Economics, Nizhny Novgorod State University named after. N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4135-3286>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

as.loginova@yandex.ru

Татьяна Станиславовна Морозова — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Tatyana S. Morozova — Cand. Sci. (Econ), Assoc. Prof. of the Department of World Economy and Customs Affairs, Institute of Economics, Nizhny Novgorod State University named after. N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-8226-6956>

mts.71@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М.Л. Горбунова — анализ данных о численности иностранных студентов, обучающихся в государственных вузах России по программам очной формы обучения.

А.С. Логинова — научное обоснование необходимости трансформации высшего образования в условиях меняющегося миропорядка и повсеместного внедрения цифровых инструментов, общее редактирование статьи.

Ю.А. Гриневич — установление актуальности проблемы, особенностей и факторов развития интернационализации программ высшего образования.

Т.С. Морозова — анализ данных о численности иностранных студентов, обучающихся в государственных вузах Нижегородской области по программам очной формы обучения.

Authors' Contribution Statement

M. L. Gorbunova — analysis of data on foreign students studying at Russian state universities in full-time education programs.

A. S. Loginova — scientific justification of the need to transform higher education in a changing world order and the widespread introduction of digital tools, general editing of the article.

Yu. A. Grinevich — relevance of the problem, features and factors of the development of internationalization of higher education programs education.

T. S. Morozova — analysis of data on foreign students studying at Nizhny Novgorod state universities in full-time education programs.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.05.2024; принята к публикации 28.07.2024.

The article was received 17.05.2024; accepted for publication 28.07.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

10.26794/1999-849X-2024-17-4-82-91
УДК 37.014.543(045)
JEL A21, I24

Новые возможности участия граждан в инициативном финансировании бюджетов общеобразовательных школ

Т.Н. Бурделова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Для обеспечения конкурентоспособности российского высшего образования необходимо, чтобы в выпускниках учреждений среднего образования закладывались основы всестороннего, гармоничного развития личности, ее высококонравственной гражданской позиции, чтобы они имели высочайшее базовое образование и семьям не требовалось нести большие расходы на дополнительное частное образование в 10-х и 11-х классах (репетиторы и дополнительные курсы по подготовке к ЕГЭ) для успешной сдачи итоговых экзаменов. *Предмет исследования* – состояние финансирования российских школ. *Цель работы* – выявление возможностей участия физических и юридических лиц в финансировании общеобразовательных школ. В статье установлено, что для улучшения качества среднего образования необходимо массовое и точечное финансирование целевых школьных проектов, что требует поиска источников финансирования инициативных бюджетов общеобразовательных школ. Выявлен главный недостаток существующего в Российской Федерации порядка финансирования инициативных бюджетов, при котором итоговый отбор проектов для реализации и принятие окончательного решения о сумме выделяемого финансирования происходят не на уровне совета школы (как должно быть в соответствии с основополагающими принципами инициативного бюджетирования), а на более высоком уровне – как правило, комиссией, составленной из представителей исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в котором находится школа. Рассмотрен опыт Германии в части организации адресной передачи школам среднего образования финансовых средств, получаемых в виде налогов конкретных физических и юридических лиц на основании выбора налогоплательщиков. Предложено обеспечивать школьные инициативные бюджеты собственными источниками финансирования, не зависящими от решений органов исполнительной власти, на основе передачи родителями учащихся общеобразовательных школ части собранных с них сумм подоходного налога в доходную часть инициативных бюджетов школ, в которых учатся их дети, благодаря модификации существующего налогового вычета на образование.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование; инициативный бюджет; совместное управление бюджетными ресурсами; налоговые вычеты на образование; повышенная ставка налога на доходы физических лиц; церковный налог

Для цитирования: Бурделова Т.Н. Новые возможности участия граждан в инициативном финансировании бюджетов общеобразовательных школ. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):82-91. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-82-91

New Opportunities for Citizens to Participate in the Initiative Financing of the Budgets of Secondary Schools

T.N. Burdelova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the state of financing of Russian schools. *The purpose of the work* is to identify opportunities for individuals and legal entities to participate in the financing of secondary schools. To ensure the competitiveness of Russian higher education, it is necessary to create a solid foundation for secondary education so that school graduates have the highest basic education, so that families do not have to bear the huge costs of additional private education in grades 10 and 11 (tutors and additional courses in preparation for the Unified State Exam) to successfully pass the

© Бурделова Т.Н., 2024

final exams. To improve the quality of secondary education, it is necessary to massively and point wise finance targeted school projects. The article considers the problem of finding sources of financing for initiative budgets of secondary schools. The main drawback of the existing experience in financing initiative budgets in the Russian Federation has been identified, in which the final selection of projects for implementation and the final decision on the amount of allocated funding does not take place at the school board level (as it should be in accordance with the fundamental principles of initiative (participatory) budgeting, but at a higher level – as a rule, by a commission of officials the subject of the Russian Federation in which the school is located. The experience of Germany in terms of the organization of targeted transfer to secondary schools of financial resources received in the form of taxes from specific individuals and legal entities based on the taxpayer's choice is considered. It is proposed to provide school initiative budgets with their own sources of financing, independent of the decisions of executive authorities, based on two ways for parents of secondary school students to transfer part of the amount of parental income tax to the income part of the initiative budgets of schools where their children study, thanks, firstly, to modification of the existing tax deduction for education, bringing its size up to seven times the amount of parents' expenses for transferring money to the initiative budget of the school; Secondly, the permission for parents whose income is more than 5 million rubles per year to direct, at their choice, part of their income tax (levied at an increased rate of 15%) in a targeted manner to the initiative budget of the school where their children study. The economic effect of both methods is calculated using the example of one school.

Keywords: initiative budgeting; initiative budget; joint management of budgetary resources; tax deductions for education; increased personal income tax rate; church tax

For citation: Burdelova T.N. New opportunities for citizens to participate in the initiative financing of the budgets of secondary schools. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):82-91. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-82-91

СУЩНОСТЬ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) из бюджетов субъектов Российской Федерации выделяются средства на финансирование общеобразовательных средних школ «посредством предоставления субвенций местным бюджетам, включая расходы на оплату труда, приобретение учебников и учебных пособий, средств обучения, игр, игрушек (за исключением расходов на содержание зданий и оплату коммунальных услуг), согласно нормативам, определяемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации» на основании Закона об образовании, т.е. власти субъектов Российской Федерации обязаны выделять в виде субвенций местным бюджетам средства на организацию учебного процесса, оплату труда школьных работников и иные нужды школ.

Таким образом, из местного бюджета выделяются субсидии школам на выполнение муниципальных заданий. При этом обычно количество учеников умножается на так называемый подушевой норматив, который не пересматривался

много лет вплоть до 2023 г. Индексация субсидий на инфляцию касалась только отдельных статей расходов школ, а все прочие статьи расходов либо индексировались непропорционально инфляции, либо вообще не индексировались [1].

Инициативное (партисипаторное) бюджетирование — это совокупность практик общественного участия в решении вопросов местного значения, состоящих из выдвижения, обсуждения, выбора, реализации и общественного контроля проектов, финансируемых за счет бюджетов различных уровней, и в то же время это механизм установления приоритетов в расходовании бюджетных средств с участием инициативных групп граждан.

В нашей стране нарабатан многолетний опыт инициативного бюджетирования. Еще в 2008 г. Программа поддержки местных инициатив (далее — ППМИ), в основе которой лежат концепция непосредственного вовлечения граждан в решение вопросов местного значения, в частности выбор приоритетных направлений расходования части бюджетных средств на муниципальном, региональном или национальном уровнях, а также последующий контроль за реализацией этих решений. Основной целью ППМИ была поддержка процесса создания и функционирования инициативных групп в городских и сельских поселениях, а задачей — осуществление методологической

поддержки процесса отбора проектов для инициативного бюджетирования, проведения консультаций по выстраиванию партисипаторных процедур [2].

Для средних общеобразовательных школ внедрение на практике инициативного бюджетирования позволяет осуществлять финансирование новых проектов, которое не предусмотрено в бюджете школ: внедрение экспериментальных технологий реализации образовательного процесса, осуществление благоустройства школьных зданий и территории вокруг них и т.д.

В рамках ППМИ реализован пилотный проект развития инициативного бюджетирования в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга «Твой бюджет в школах-2019» в целях вовлечения учителей и старшеклассников в решение задач по улучшению работы школ путем участия в выборе направления расходования части бюджетных средств. Начавшись в 2019 г., этот проект успешно продолжался в последующие годы. Так, в 2021 г. в нем участвовали 59 средних школ из 12 районов города. Проект стал ежегодным, вскоре у него появился собственный вебсайт¹. Результаты петербургского проекта «Твой бюджет в школах-2019» заслужили высокую оценку и отмечены в докладе Минфина России о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. Именно петербургский опыт по внедрению инициативного бюджетирования в школах города был назван «одной из лучших региональных практик»².

Учащиеся старших классов школ, принявших участие в проекте, должны не позднее ноября каждого года не только разрабатывать, но и защищать инициативные проекты на заседании городской экспертной комиссии, которая из всех представленных школьниками проектов ежегодно отбирает двадцать победителей. Отобранные инициативы финансируются и реализуются после января следующего года за счет бюджетных субсидий на сумму до 3 млн руб. на каждую школу.

Ежегодно процесс отбора инициатив повторяется, состоя из следующих этапов:

- тренинг для учителей;

¹ URL: <https://school.tvoybudget.spb.ru>.

² URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/Doklad_o_luchshikh_praktikakh_initsiativnogo_budzhetrovaniya_2021.pdf.

- форсайт-сессии для школьников, участвующих в проекте;
- выдвижение, обсуждение и отбор школьных инициативных проектов;
- экспертиза инициативных проектов школьной администрацией;
- проведение голосования;
- подведение итогов отбора проектов-победителей [3].

Из вышеприведенного следует, что у государственных общеобразовательных школ нет лишних источников денег на вышеуказанные направления деятельности, поэтому средства инициативных бюджетов выделяются региональными властями в форме целевых субсидий под конкретные проекты. При этом выделяемые деньги невелики: 3 млн руб. в Санкт-Петербурге, скорее, являются приятным исключением, в других регионах размер выделяемых сумм меньше.

Так, в Республике Коми в 2020 г. региональным Министерством образования, науки и молодежной политики был инициирован и внедрен проект «Народный бюджет в школе». К реализации и обеспечению финансовой поддержкой принимались в основном проекты инициативных бюджетов, нацеленные на организацию школьных мероприятий, развитие детского, молодежного информационного пространства, волонтерства, пропаганду здорового образа жизни и спорта среди учащихся средних общеобразовательных школ. В 2020 г. в рамках пилота было реализовано 19 таких проектов. В 2023 г. в рамках проекта «Народный бюджет в школе» на рассмотрение поступило 240 заявок с проектными предложениями от обучающихся образовательных организаций из всех муниципальных образований Республики Коми, 80 из которых прошли в очный этап проекта для отбора 40 победителей. При этом в Республике Коми в 2020 г. максимальная сумма финансирования одного школьного проекта в рамках инициативного бюджетирования составляла всего 90 тыс. руб.³ В 2023 г. сумма субсидии на один школьный проект увеличена до 150 тыс. руб.,⁴ но это все равно несущественная

³ URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/Doklad_o_luchshikh_praktikakh_initsiativnogo_budzhetrovaniya_2021.pdf.

⁴ Пункт 6.2 Приложения № 3 к приказу Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Коми № 340-п от 30.05.2023.

величина денежных средств для осуществления заметных изменений в жизни школы.

Таким образом, органы исполнительной власти регионов решают, какие проекты школьных инициативных бюджетов финансировать, а каким отказать в выделении субсидий. Мнение самих школ (учителей и учащихся) учитывается только при составлении заявки на конкурс, а дальше механизм отбора заявок ничем не отличается от реализации традиционного механизма выделения бюджетных субсидий (грантов) на конкретные проекты. В свою очередь учителя и учащиеся, понимая специфику этого механизма принятия решений о выделении финансирования, стараются уже на самой ранней стадии подготовки заявки прорабатывать и заявлять на конкурс «проходные» проекты, которые соответствуют текущей конъюнктуре, ожиданиям и пожеланиям руководства профильного ведомства (министерства образования региона). При этом отсутствует мотивация к рассмотрению действительно важных для данного образовательного учреждения проектов, которые не выглядят выигрышно на фоне трендовых проектов других школ, т.е. некоторые нужные школе проекты отсеиваются еще на стадии подачи заявок в рамках своеобразной самоцензуры школьного руководства, а заявляются на предмет получения финансирования проекты, которые имеют более высокую вероятность завоевания благорасположения членов отборочной комиссии.

Такой механизм отбора проектов, конечно, имеет свои достоинства, но в целом он мало соответствует основополагающим принципам инициативного бюджетирования в школе, главный из которых — процедуры отбора проектов и принятия решения о реализации конкретного проекта должны осуществляться коллегиальным органом (советом) на уровне самой школы, состоящим из учителей и учеников именно этой школы. Власти региона могут и должны осуществлять контроль целевого расходования выделенных средств во избежание злоупотреблений, но не должны иметь права решающего голоса на стадии отбора проектов и при принятии решения о выделении финансирования.

Именно проблему поиска источников финансирования для отобранных самой школой проектов в рамках инициативного бюджетирования (источника, не зависящего от решений органов

власти) предлагается решать способом, приведенным в этой работе.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ИНИЦИАТИВНЫХ БЮДЖЕТОВ ЗА СЧЕТ НАЛОГА НА ДОХОДЫ ШКОЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ И РОДИТЕЛЕЙ (ОПЕКУНОВ) УЧАЩИХСЯ

Главный принцип инициативного бюджетирования (в том числе в общеобразовательных школах) — принятие самостоятельного решения на низовом уровне, на какие проекты направлять денежные средства.

Для обеспечения истинной самостоятельности в принятии такого решения у школы должны быть свои источники финансирования бюджета, которые не зависят от решений органов власти субъекта Российской Федерации или муниципалитета.

Представляется неэффективной практикой выделение ежегодной фиксированной субсидии из средств регионального или местного бюджета на каждую школу, так как это побуждает школу тратить все выделенные субсидии без остатка, искусственно доводя расходную часть своих инициативных бюджетов до размера выделяемой субсидии и в конечном счете поощряя неэффективное расходование средств бюджетной системы.

Необходим такой источник финансирования школьных инициативных бюджетов, размер которого в рамках определенных законом лимитов регулировался бы самими участниками процесса инициативного бюджетирования (т.е. школьными работниками и семьями учащихся) в зависимости от реальной бюджетной потребности отдельной школы.

При этом в механизм выделения средств непременно должен быть встроен элемент софинансирования — для выделения большей суммы бюджетных средств участники процесса должны внести в инициативный бюджет школы пропорционально большую сумму за свой личный счет в качестве софинансирования, что повысит самоконтроль участников процесса за обоснованностью и рациональностью расходования средств инициативного бюджета.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным сделать основным источником финансирования школьных инициативных бюджетов часть средств, собираемых в региональные

и местные бюджеты в виде поступлений от налога на доходы участников инициативного бюджетирования в данном общеобразовательном учреждении (прежде всего это средства от уплаты НДФЛ с доходов родителей и опекунов школьников, а также учителей и других школьных работников).

Налогоплательщики — физические лица должны получить возможность самостоятельно принимать решение о передаче определенной части средств из уплаченного ими НДФЛ в инициативный бюджет своей школы (в пределах установленных в законодательстве лимитов), но только при условии обязательного софинансирования ими за свой счет определенной доли расходов инициативного бюджета школы.

Выдвинутая в предыдущем абзаце идея пока не была реализована в Российской Федерации, но она основана на опыте других стран.

Далее мы рассмотрим зарубежный пример создания эффективного механизма перераспределения части подоходного налога в пользу конкретной некоммерческой организации в соответствии с добровольным выбором налогоплательщика, а также предложим конкретный механизм такого перераспределения в реалиях российской системы налогообложения.

МЕХАНИЗМ ВЗИМАНИЯ ЦЕРКОВНОГО НАЛОГА В ГЕРМАНИИ

Как известно, в Германии уже много десятилетий нарабатывается опыт перераспределения сумм налогов физических лиц в соответствии с добровольным волеизъявлением самих налогоплательщиков. Средства церковного налога (*Kirchensteuer*), взимаемого с адептов всех основных христианских конфессий и иудаизма, не «растворяются» в бюджетной системе Германии. Налоговая служба лишь администрирует сбор этого налога, но затем целевым образом перечисляет собранные средства конкретным религиозным организациям и объединениям (общинам), названия которых были указаны налогоплательщиками в ежегодно заполняемых формах. (мусульмане церковным налогом не облагаются) [4].

Церковный налог был установлен в Германии во второй половине XIX в. в качестве компенсации католической и протестантской церквям стоимости национализированных активов этих конфессий. Данный налог в XXI в. является ос-

новным источником доходов этих церквей. На сегодняшний день церковный налог на территории Германии собирается с адептов евангелической церкви, приходов римско-католической церкви, католического общества старых католиков Германии, свободных религиозных общин Бадена, Майнца, Оффенбаха и др., унитарного религиозного сообщества свободных протестантов, иудейских общин. Обязанность выплаты налога привязана к членству в перечисленных организациях [6].

Базой церковного налога является подоходный налог (не доход, а именно сумма подоходного налога, уплачиваемого физическим лицом — адептом той или иной конфессии). Налоговая ставка варьируется от региона к региону: в Баварии и Баден-Вюртемберге — 8%, а в остальных федеральных землях — 9%. При этом устанавливается нижняя граница доходов, с которой разрешено взимание налога, также учитывается количество детей в семье.

Часть собранных средств церковного налога не перечисляется в религиозную организацию, но (в качестве своеобразной платы за администрирование процесса сбора и распределения налога) оседает в бюджете налоговой службы (от 4 до 15% собранных сумм церковного налога), остальная часть направляется в бюджет той конфессии, принадлежности к которой задекларировал налогоплательщик [5].

Таким образом, в Германии существует сложившийся в течение многих десятилетий опыт взимания особого налога, который обладает тремя важными свойствами:

1) это целевой налог. Средства от церковного налога, за вычетом небольшой платы государственным финансовым органам за его администрирование, не идут в федеральный бюджет Германии или в бюджет федеральной земли либо в муниципальный бюджет, а целевым образом перечисляются определенной религиозной организации;

2) это налог «по выбору» налогоплательщика, который ежегодно уведомляет фискальные органы о своей принадлежности к одной из конфессий, в бюджет которой перечисляется целевым образом церковный налог данного налогоплательщика (либо о своей непринадлежности ни к одной из конфессий — в этом случае церковный налог не взимается);

3) это «вспомогательный» налог. Налоговой базой является не доход или стоимость имущества,

а сумма подоходного налога. В будущем возможна обсуждаемая в настоящее время реформа данного налога, предполагающая изменить налоговую базу: ею должны стать непосредственно доходы налогоплательщиков — физических лиц. Предлагается одновременно понизить ставку налога, установив прогрессивную шкалу ставок от 0,5 до 3% от величины облагаемых доходов [7], что обеспечило бы рост сбора налогов с состоятельных налогоплательщиков.

Таким образом, механизм взимания церковного налога в Германии в значительной степени соответствует идее инициативного бюджетирования — направление расходования собранных средств определяется непосредственно самим налогоплательщиком, а не законом о бюджете, принятом законодательным органом власти, и не согласно решению исполнительного органа власти о выделении субсидии на тот или иной проект.

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВАРИАНТ ИСТОЧНИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНЫХ БЮДЖЕТОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

В Российской Федерации администрирование процесса сбора и распределения налогов достигло высочайшего уровня автоматизации. По этому показателю ФНС России находится в числе лидеров налоговых администраций мира. Например, в рамках XIII Пленарного заседания Форума по налоговому администрированию (FTA) ОЭСР внедренная в нашей стране система налогового мониторинга была названа лучшей мировой практикой цифрового взаимодействия государства и налогоплательщиков⁵.

Как следует из вышеизложенного, технологически несложно применить в России описанный в предыдущем разделе опыт Германии по целевому распределению налоговых поступлений в зависимости от воли налогоплательщика. В частности, предлагается применить этот опыт к финансированию инициативных бюджетов общеобразовательных школ.

Важным элементом инициативного бюджетирования является экстр-бюджетирование — это принцип частичного софинансирования гражданами тех инициативных проектов, которые были

включены в инициативный бюджет в результате проведения согласительных процедур. Поэтому для обеспечения родительского контроля над расходованием средств необходимо установить обязательный механизм софинансирования родителями расходов школьного бюджета. Например, сумма перенаправления налога на доходы родителей ограничивается десятикратным размером суммы, которую родитель добровольно перечислил в качестве взноса на уставную деятельность образовательного учреждения в школьный инициативный бюджет за свой счет (для контроля этих сумм можно установить соответствующий платежный функционал в тех же личных кабинетах на вебсайтах *gosuslugi.ru* или *nalog.ru*, чтобы налогоплательщику было удобно и не приходилось документально подтверждать факт уплаты взноса). Минимальный процент софинансирования родителями и опекунами сумм, перечисляемых в школьный инициативный бюджет, подлежит обсуждению и, при необходимости, уточнению.

Для примера возьмем обычную общеобразовательную школу, в которой учатся 2000 учеников, из них у 100 учеников один из родителей или опекунов получает облагаемые доходы в сумме более 5 млн руб. в год (в качестве условного примера возьмем сумму 8 млн руб. в год).

Далее, чтобы учесть различия в поведении налогоплательщиков и возможное нежелание части из них финансировать школу (недоверие к инициативному бюджетированию, нежелание заполнять онлайн-форму для перевода средств в бюджет школы), предположим, что только 90 из этих 100 состоятельных родителей с доходом свыше 5 млн руб. в год готовы написать в личном кабинете налогоплательщика или на сайте *gosuslugi.ru* заявление на перенаправление в инициативный бюджет школы, в которой учатся их дети, 50% от их личного «сверхналога» (т.е. половину от 2% дополнительного налога с превышения дохода над пороговым значением 5 млн руб.). При этом общая переводимая школе сумма не может превышать, например, 100 тыс. руб. в год на каждого налогоплательщика. Также предположим, что вышеупомянутые 90 активных участников инициативного бюджетирования готовы за счет своих личных средств софинансировать часть требуемых школе сумм путем добровольной уплаты взноса в инициативный бюджет школы в сумме (напри-

⁵ URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/10271430/?ysclid=lr23hyppgm157105086.

мер) одной десятой части перенаправляемого налога на доходы физических лиц.

В этом примере инициативный бюджет данной школы получит:

- из федерального казначейства: $90 \text{ чел.} \times (8\,000\,000 - 5\,000\,000) \times (50\% \text{ от } 2\%) = 2\,700\,000 \text{ руб.}$ в год;

- от родителей в порядке софинансирования: $10\% \times 2\,700\,000 \text{ руб.}$ в год = 270 000 руб. в год.

Итого в данной школе инициативный бюджет получит доходы на сумму 2 970 000 руб. в год (= 2 700 000 + 270 000). Эта сумма существенна, она сопоставима с суммой гранта, который городские власти Санкт-Петербурга выделяли победителям конкурса в рамках ежегодного проекта «Твой бюджет школы-2019» (такой грант составляет в Санкт-Петербурге до 3 млн руб. на одну школу в год — см. подраздел статьи выше).

Разумеется, предлагаемый выше источник пополнения инициативных бюджетов школ больше подходит для крупных городов (Москва, Петербург) и для «богатых» регионов, в которых проживают граждане с высокими доходами. Для остальных городов, поселков и сельской местности больше подходит другой способ наполнения инициативных бюджетов общеобразовательных школ, который заключается в следующем.

В наше время родители и опекуны вынуждены сами платить за качественное дополнительное образование детей школьного возраста. Государство позволяет уменьшать на такие расходы сумму дохода, с которого родители уплачивают налог, который называется налоговым вычетом. С 2024 г. налоговый вычет установлен не более 110 000 руб. в год на каждого ребенка (Федеральный закон от 28.04.2023 № 159-ФЗ «О внесении изменений в статьи 219 и 257 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»). Таким образом, налогоплательщику возвращается из бюджета 13% от их расходов на обучение детей, но не более чем 13% от 110 000 руб. (т.е. 14 300 руб.) в год на каждого ребенка.

Между тем многие граждане Российской Федерации, которые равнодушны к качеству образования своих детей и к судьбе проектов, финансируемых за счет инициативных бюджетов школ, в которых учатся их дети, хотели бы адресно перенаправлять в такие бюджеты часть средств, уплачиваемых этими гражданами в качестве налога на доходы (а в случае индивидуальных

предпринимателей и самозанятых граждан — соответственно часть средств от налога, взимаемого по упрощенной системе налогообложения и от налога на профессиональный доход).

Для этого предлагается законодательно ввести так называемый налоговый «супервычет» в отношении добровольных взносов в инициативные бюджеты общеобразовательных школ (т.е. налоговый вычет, превышающий сумму соответствующих расходов налогоплательщика).

Опыт предоставления налоговых «супервычетов» в Российской Федерации уже имеется: например по налогу на прибыль организаций действует «супервычет» амортизации высокотехнологичного оборудования, включенного в перечень, закрепленный распоряжением Правительства РФ, — такой вычет превышает фактическую сумму амортизации в 1.5 раза, поскольку первоначальная стоимость для целей расчета налога на прибыль организаций умножается на коэффициент 1,5 (п. 1 ст. 257 НК РФ; распоряжение Правительства РФ от 20.07.2023 № 1937-р). Очевидно, что нет препятствий на распространение этого опыта на вычеты по НДФЛ.

Применительно к взносам в школьные инициативные бюджеты представляется справедливым и эффективным установление повышающего коэффициента вычета в диапазоне от 6 до 7 (т.е. уменьшение налоговой базы соответствующего родителя или опекуна учащегося либо работника школы на шести- или даже семикратную величину их добровольного взноса в инициативные бюджеты своей школы). На первый взгляд, такой высокий коэффициент налогового вычета кажется аттракционом неслыханной щедрости, способным приводить к налоговым злоупотреблениям, уклонению от уплаты налога на доходы физических лиц. Во избежание злоупотреблений предлагается ввести несколько ограничений для «супервычета»:

- 1) вычет предоставляется только в отношении взноса в инициативный бюджет той общеобразовательной школы, в которой налогоплательщик либо работает или учится сам, либо в которой обучаются его несовершеннолетние дети;

- 2) сумма «супервычета» не может превышать доходы, облагаемые НДФЛ (а если налогоплательщик — индивидуальный предприниматель или самозанятое лицо соответственно вычет не может превышать налоговую базу при упрощенной

системе налогообложения или доход, облагаемый налогом на профессиональный доход);

3) повышающий коэффициент применяется только к сумме взноса в инициативный бюджет, не превышающей, допустим, 12 тыс. руб. в год на каждого сотрудника или учащегося общеобразовательной школы (сумма лимита подлежит обсуждению и, при необходимости, корректировке).

Таким образом, будут достигаться несколько целей:

а) деньги родителей и опекунов учащихся средней школы напрямую пойдут на важные проекты той конкретной школы, в которой учатся их дети; также школьные работники смогут пополнять инициативные бюджеты своих школ;

б) при повышающем коэффициенте, равном 7, налоговый вычет компенсирует налогоплательщику до 91% взноса в инициативный бюджет ($91\% = 7 \times \text{ставка НДС} 13\%$), при этом оставшиеся 9% взноса налогоплательщику не компенсируются, эти 9% он производит за свой личный счет (соотношение примерно десять к одному — такое же, какое предлагалось для софинансирования взносов за счет повышенного налога на доход в предыдущем подразделе статьи);

в) не возникнет почвы для налоговых злоупотреблений, так как компенсируемые суммы не превышают 10,92 тыс. руб. в год (91% от лимита 12 тысяч рублей); в отношении индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц компенсируемые суммы в год еще ниже, так как они уплачивают налоги по более низким ставкам;

г) родители и школьные работники заинтересованы в контроле над обеспечением эффективности и рациональности расходования средств инициативных бюджетов, поскольку они за свой счет софинансируют часть этих расходов, и им не все равно, как их деньги будут израсходованы.

Попробуем оценить экономический эффект для инициативного бюджета школы, а также выпадающие доходы местных бюджетов. Продолжим начатый в предыдущем подразделе статьи пример с общеобразовательной школой, в которой учится 2000 учеников. Допустим, что из работников, родителей и опекунов только 500 активных и неравнодушных граждан готовы делать на таких условиях добровольные взносы в школьный инициативный бюджет, причем средний размер взноса составит 10 тыс. руб. в год (меньше предельной величины).

В этом примере доходы инициативного бюджета данной школы составят до 5 млн руб. в год итого (поскольку в проекте участвуют 500 человек и в среднем каждый из них вносит по 10 тыс. руб. в год в порядке софинансирования).

Эти взносы осуществляются не целиком за счет участников (учителей и родителей), поскольку предлагаемый здесь механизм обеспечивает участникам — физическим лицам возврат части средств из бюджетной системы за счет налогового «супервычета». Расчеты показывают, что при общей сумме вклада 5 млн руб. и коэффициенте вычета, равном 7, сумма такого возврата может составлять 4,55 млн руб. (внесенные налогоплательщиками 5 млн руб., умноженные на ставку НДС 13% и умноженные на предложенный выше коэффициент «супервычета» 7); соответственно источником остальных внесенных в инициативный бюджет школы 0,45 млн руб. в год являются личные средства участников (работников школы, родителей и опекунов), что составляет в данном примере в среднем по 900 руб. на человека в год.

Сумма 4,55 млн руб. в нашем примере представляет собой сумму выпадающих доходов местного бюджета в отношении целой школы. Так как сейчас расходы на содержание общеобразовательных школ несут бюджеты субъектов Российской Федерации (регионов), следует предусмотреть трансферт из бюджета субъекта Российской Федерации в местный бюджет в соответствующей сумме.

Во избежание возникновения у физических лиц обязанности подавать налоговую декларацию по итогам календарного года необходимо предусмотреть для данного вычета такой же порядок получения в течение налогового периода у источника выплаты, который в настоящее время применяется к социальным налоговым вычетам.

ВЫВОДЫ

Вышеприведенный способ привлечения дополнительного финансирования школ имеет высокую практическую ценность с точки зрения управления государственными финансами [9; 10]. Он позволяет наполнять инициативные бюджеты школ за счет источника, размер которого определяется самими участниками процесса инициативного бюджетирования в соответствии с потребностями в финансировании. Ни законодательная, ни исполнительная власти

в этом случае не будет иметь права решающего голоса при отборе школьных проектов, финансируемых за счет средств инициативных бюджетов. Это в гораздо большей степени соответствует основным принципам инициативного бюджетирования, чем текущая практика выделения субсидий из региональных бюджетов по решению комиссии, состоящей из представителей региональной власти, не имеющих прямого отношения к заявляющему данный проект общеобразовательному учреждению. Иными словами, внедрение рассматриваемых предложений позволит отобрать у государства несвойственную ему распределительную функцию в отношении средств школьных инициативных бюджетов, оставив за государством только контрольную функцию.

Кроме того, создается механизм частичного софинансирования расходов инициативных бюджетов за счет самих участников процесса (учителей, родителей). Это обеспечит контроль за расходованием средств со стороны самих участников, а не только со стороны государства.

Наконец, предлагаемый механизм налогового «супервычета» позволит школе наполнять доходную часть инициативных бюджетов оперативно и без бюрократических проволочек, неизбежных при текущем механизме выделения бюджетных субсидий.

В целом рассматриваемые в настоящей статье предложения позволят сделать сущность инициативных бюджетов общеобразовательных школ полностью соответствующими их названию, т.е. действительно «инициативными».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонова А.Л. Финансирование образовательных учреждений. 2021 г. URL: <https://www.menobr.ru/article/65213-qqq-17-m3-finansirovanie-obrazovatelnyh-uchrejdений-osobennosti-i-perspektivy?ysclid=lp1rjv8iqb409911213>.
2. Сокол Д.В. Институциональные формы бюджета участия: исторический опыт и современные практики. *Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. 2020;62(4):42–56.
3. Казин Ф.А. Практика инициативного бюджетирования как инструмент повышения эффективности проектной деятельности в школе. *Непрерывное образование*. 2023;43(1):102–110.
4. Иванец Ю. Налогообложение в Германии. 2017 г. URL: https://zakon.ru/blog/2017/6/28/nalogooblozhenie_v_germanii.
5. Михалева А.В. Церковно-государственные отношения в Германии. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2005;(6):281–289.
6. Матушанская Ю.Г. Церковный налог в Германии: комплексный подход к проблеме в контексте специфики государственно-конфессиональных отношений. Религии в России и мире: политика и конструирование религиозной идентичности: сборник научных докладов. Владимир: Аркаим; 2019:199–215.
7. Ходов Л.Г. Церковный налог и финансирование христианских церквей в Германии. *Горизонты экономики*. 2019;47(1):99–103.
8. Бурделова, Т.Н. Совершенствование механизма взимания единовременных налогов и сборов в условиях международных санкций и роста государственных расходов (2023–2024 годы). *Финансы: теория и практика*. 2023;27(3):115–125. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-3-115-125
9. Макашина О.В. Качество управления государственными и муниципальными финансами в федеративном государстве. 6th International Research & Practice Conference. DOI: 10.33278/SAE-2020-book1.290–293
10. Буздалина О.Б. Общая характеристика развития социально значимых приоритетов в современных условиях». *Аудиторские ведомости*. 2020;(1):120–127.

REFERENCES

1. Leonova A. L. Financing of educational entities. 2021. URL: <https://www.menobr.ru/article/65213-qqq-17-m3-finansirovanie-obrazovatelnyh-uchrejdений-osobennosti-i-perspektivy?ysclid=lp1rjv8iqb409911213>. (In Russ.).

2. Sokol D.V. Institutional forms of participatory budgeting: historical trends and modern realities. *Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. 2020;62(4):42–56.
3. Kasin F.A. The initiative budgeting as the instrument to increase the efficiency of project initiatives in school. *Непрерывное образование*. 2023;43(1):102–110. (In Russ.).
4. Ivanets J. Taxation in Germany. 2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/6/28/nalogooblozhenie_v_germanii. (In Russ.).
5. Mikhaleva A.V. Church-state relations in Germany. *Nauchnyy ezhgodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2005;(6):281–289. (In Russ.).
6. Matushanskaya J.G. Church tax in Germany: the complex approach in the context of state confessional relations. Religion in Russia and in the world: politics construction of religious identity: scientific reports. Vladimir: Arkaim; 2019:199–215. (In Russ.).
7. Khodov L. G. Church tax and financing of Christian churches in Germany. *Gorizonti ekonomiki*. 2019;47(1):99–103. (In Russ.).
8. Burdelova T.N. Improvement of the mechanism of collecting windfall taxes and levies in the era of international sanctions and the growth of public spending (2023–2024). *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(3):115–125. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2023–27–3–115–125
9. Makashina O.V. The quality of management of state and municipal finance in federal state. 6th International Research & Practice Conference. (In Russ.). DOI: 10.33278/SAE-2020.book1.290–293
10. Buzdalina O.B. The general characteristics of development of socially important priorities in current world. *Audit vedomosti*. 2020;(1):120–127. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Николаевна Бурделова — кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Tatyana N. Burdelova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Departments of Public Finance, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-0485-3716>

Tburdelova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2024; принята к публикации 20.07.2024.

The article was received 15.05.2024; accepted for publication 20.07.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-92-101
УДК 331.1(045)
JEL I20

Формирование конкурентных стратегий преподавателей российских вузов в условиях цифровизации образования

И.Ю. Ильина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В период модернизации системы высшего образования актуализируется проблема повышения конкурентоспособности преподавателей вузов, в рамках которой особое место занимает освоение цифровых навыков каждым преподавателем, заинтересованным в формировании своей успешной профессиональной стратегии.

Предмет исследования – конкурентные стратегии преподавателей российских вузов, реализуемые в условиях цифровизации образования. Цели работы – оценка влияния цифровизации на профессиональную деятельность преподавателей вузов и выделение основных конкурентных стратегий преподавателей по повышению своей цифровой компетентности. Эмпирическую базу исследования составляют данные социологических опросов преподавателей вузов по проблемам цифровизации образовательного процесса, проведенных в рамках проекта ВШЭ «Мониторинг экономики образования».

В ходе исследования выявлено, что запущенный в период пандемии коронавируса механизм ускоренной цифровизации высшего образования активно реализуется в различных форматах, и одним из главных факторов успешной цифровизации вузов является обеспечение профессиональной компетентности преподавателей. В зависимости от уровня и качества сформированных цифровых компетенций, а также от степени вовлеченности преподавателей в процесс цифровизации выделены три основные конкурентные стратегии: базовая, продвинутая и специализированная. Показано, что главным препятствием на пути к успешной реализации конкурентных стратегий в сфере цифровизации является отсутствие в вузах эффективных механизмов организации и стимулирования деятельности преподавателей по освоению цифровых технологий. Сделан вывод о необходимости разработки и реализации управленческих механизмов для обеспечения высокого уровня цифровой конкурентоспособности преподавателей и повышения их вовлеченности в процесс изменений, происходящих в высшей школе на современном этапе.

Ключевые слова: цифровизация образования; конкурентные стратегии; цифровая компетентность; профессиональное развитие преподавателей; конкурентоспособность; модернизация образования

Для цитирования: Ильина И.Ю. Формирование конкурентных стратегий преподавателей российских вузов в условиях цифровизации образования. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):92-101. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-92-101

Formation of Competitive Strategies for Teachers of Russian Universities in the Context of Digitalization of Education

I.Yu. Ilyina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

During the modernization of the higher education system, the problem of increasing the competitiveness of university teachers is being actualized, within which a special place is occupied by the development of digital skills by each teacher interested in forming a successful professional strategy.

The subject of the study is the competitive strategies of Russian university teachers implemented in the context of digitalization of education. The purpose of the work is to assess the impact of digitalization on the professional activities of university teachers and highlight the main competitive strategies of teachers to improve their digital competence. The empirical basis of the study is based on data from sociological surveys of university teachers on the problems of

© Ильина И.Ю., 2024

digitalization of the educational process conducted within the framework of the HSE project “Monitoring the Economics of Education”.

The study revealed that the mechanism of accelerated digitalization of higher education, launched during the coronavirus pandemic, is currently being actively implemented in various formats, and one of the main factors of successful digitalization of universities is ensuring the professional competence of teachers. Depending on the level and quality of the formed digital competencies, as well as the degree of involvement in the digitalization process, three main competitive strategies of teachers are identified: basic, advanced and specialized. It is shown that the main obstacle to the successful implementation of competitive strategies in the field of digitalization is the lack of effective mechanisms in universities for organizing and stimulating the activities of teachers in the development of digital technologies. It is concluded that it is necessary to develop and implement management mechanisms to ensure a high level of digital competitiveness of teachers and increase their involvement in the process of changes taking place in higher education at the present stage.

Keywords: digitalization of education; competitive strategies; digital competence; professional development of teachers; competitiveness; modernization of education

For citation: Ilyina I.Yu. Formation of competitive strategies for teachers of Russian universities in the context of digitalization of education. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):92-101. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-92-101

ВВЕДЕНИЕ

Проходящая в последние годы модернизация системы высшего образования обусловила повышение роли преподавателей, которые должны владеть широким спектром знаний и навыков, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к уровню учебно-методического обеспечения образовательного процесса на внутри- и межвузовском рынках труда. Для этого требуется, чтобы каждый преподаватель реализовывал на индивидуальном уровне конкурентную стратегию, позволяющую ему адаптироваться к новым социально-экономическим условиям.

Конкурентную стратегию в виде набора приоритетов, которые разработаны руководством организации с целью обеспечения и укрепления ее положения на рынке, можно рассматривать как устойчивую модель поведения работника, а также совокупность требований, правил и приоритетов, которые имеют определяющее значение для обеспечения конкурентоспособности преподавателей как на современном этапе, так и в перспективе.

В структуре конкурентных стратегий преподавателей центральное место занимают модели поведения, направленные на достижение заданных показателей учебно-методической и научно-исследовательской деятельности посредством в том числе цифровизации как одного из основных трендов образования. Соответственно овладение цифровыми компетенциями — одна из важнейших профессиональных задач профессорско-преподавательского состава вузов.

В связи с этим актуализируется задача повышения эффективности профессиональной деятельности преподавателей вследствие изменений, вносимых цифровизацией в учебный процесс. Поэтому преподаватели, работающие в вузах, должны обладать цифровой компетентностью, выражаемой в навыках эффективного пользования современными технологиями, включающих умение поиска информации, способность использования цифровых устройств и функционала социальных сетей, критическое восприятие информации, умение производить мультимедийный контент и т.д. Таким образом, от отношения преподавателей к освоению цифровых навыков, их внедрению в учебный процесс, способности в полном объеме использовать электронно-информационные системы вузов зависит успешность их работы в рамках выполнения современных профессиональных стратегий, которые направлены на обеспечение взаимодействия преподавателей вузов и студентов в согласии с идеальным представлением об их будущей профессиональной деятельности.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ

Профессиональная деятельность преподавателей, всегда имевшая сложную, многоуровневую структуру и предполагавшая высокий уровень напряженности труда и эмоциональной вовлеченности, в последние годы усложнилась из-за

ужесточения требований к уровню цифровой компетентности.

Особую стимулирующую роль в этом сыграла пандемия коронавируса, обусловившая ускоренный, экстремальный характер цифровизации образовательного процесса. В минимальные сроки большинство преподавателей были вынуждены овладеть базовыми цифровыми навыками, чтобы обеспечивать бесперебойный характер обучения в дистанционном формате. Можно согласиться с авторами, высоко оценивающими уровень адаптации преподавателей к новым условиям работы: «преподавательское сообщество в целом продемонстрировало готовность к локальной мобилизации для решения общих проблем в кризисных ситуациях и приверженность принципам профессиональной этики» [1, с. 150].

Но следует признать, что в экстремальных условиях пандемии коронавируса были сформированы только базовые цифровые навыки преподавателей, необходимые для выполнения их функций. В период работы в удаленном режиме простое умение вести занятия в формате «говорящей головы» с использованием сервисов беспроводного взаимодействия Zoom, Skype и т.п. оценивалось как профессиональное достижение. После завершения периода пандемии цифровизация образования перешла на новый уровень, а разработка и внедрение цифрового инструментария стали стратегическими задачами модернизации высшей школы.

Тема цифровизации как устойчивого тренда в системе высшего образования широко обсуждается в экспертном и образовательном сообществах, причем характер дискуссии постепенно меняется. Так, на первом этапе специалисты по-разному раскрывали саму сущность цифровизации, например как процесс (инструментарий) и результат (цель). Но в настоящее время, безусловно, доминируют сторонники практико-ориентированного подхода, в рамках которого внедрение цифровых технологий рассматривается не как самоцель, а как инструмент повышения качества подготовки студентов и формирования у них необходимых профессиональных и личных компетенций [2]. На наш взгляд, именно с таких позиций целесообразно рассматривать цифровые навыки преподавателей, которые являются одновременно «как условием, определяющим готовность к использованию цифровых технологий, так и результатом,

позволяющим характеризовать итоги цифровой трансформации» [3, с. 17].

В настоящее время не вызывает сомнения, что цифровые навыки занимают особое место в системе траекторий профессионального развития преподавателей.

Конкурентоспособность профессорско-преподавательского состава (далее — ППС) не может быть обеспечена без учета уровня освоенных цифровых компетенций. Но, анализируя профессиональные стратегии преподавателей, исследователи раскрывают реальные последствия внедрения цифровых материалов в учебный процесс. После разработки преподавателем онлайн-курсов с материалом работают технические специалисты, менеджеры, методисты, которые управляют распространением контента и доводят его до студентов. Соответственно востребованность преподавателя снижается, фактически «электронное и дистанционное обучение позволяет увеличивать количество обучающихся без роста количества ППС, что становится особенно актуальным в контексте массификации¹ высшего образования» [4, с. 53]. Очевидно, что активная цифровизация образовательного процесса создает определенные риски для преподавателей.

Следует отметить, что многие эксперты критически оценивают общий уровень конкурентоспособности ППС вузов. По их мнению, в вузовской среде «достаточно сильны инерционные тенденции, а часть преподавателей практически неконкурентоспособна ни в педагогической и методической работе, ни в научных исследованиях» [5, с. 76].

Оценивая современную профессиональную деятельность преподавателей, специалисты уделяют большое внимание особенностям адаптации ППС к изменившимся условиям работы [6; 7]. Отмечается, что в течение многих лет «символом эффективности и конкурентоспособности стали макдональдизированные² практики, в которых количество является синонимом качества», а в условиях возрастающей конкуренции активизируются «высокий прагматизм, рационализм, целерациональные, имитирующие, симулятивные практики,

¹ Массификация — омассовление всего и вся.

² Макдональдизация (понятие, впервые использованное американским социологом Джорджем Ритцером в книге «Макдональдизация общества»), — это процесс, при котором общество перенимает характеристики ресторана быстрого питания.

презентационные ценности, которые зачастую являются дисфункциональными» [8, с. 152–155]. По мнению экспертов, «основной стратегией преподавателей становится минимизация своих затрат на непродуктивные, с их точки зрения, действия» [9, с. 488].

Общая интенсификация профессиональной деятельности преподавателей сопровождается такими негативными тенденциями, как снижение работоспособности и появление многочисленных симптомов профессионального выгорания (эмоционального истощения и тревожности, возникающих на фоне сильного стресса) преподавателей. К основным причинам выгорания относят «нововведения и короткие сроки на их реализацию» [10, с. 67]. Согласно другим исследованиям основной причиной профессионального выгорания преподавателей является «сверхинтенсивная рабочая нагрузка» [11, с. 186]. И во многих случаях переработки преподавателей обусловлены ускоренной цифровизацией различных аспектов профессиональной деятельности.

Таким образом, современные подходы к анализу трансформации профессиональных стратегий и повышению уровня конкурентоспособности преподавателей тесно связаны с исследованием различных аспектов цифровизации как одного из главных трендов российской высшей школы.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Актуальность проблем цифровизации образования предопределяет большой интерес специалистов к эмпирическим исследованиям в данной сфере. Одним из источников информации по проблемам цифровизации образовательного процесса являются данные социологических опросов, представленные в докладе «Цифровая среда в образовательных организациях различных уровней» (проект ВШЭ «Мониторинг экономики образования») [3], где дана оценка изменений в профессиональной деятельности преподавателей с учетом уровня их цифровой компетентности.

Успешность работы преподавателей зависит от уровня освоения навыков работы в онлайн-формате. Очевидно, что необходимость дистанционной

работы в период пандемии коронавируса заставила преподавателей многому научиться, и сегодня более одной трети опрошенных характеризуют свой уровень навыков в этой сфере как продвинутый, более 64% — как базовый. Примерно также высоко респондентами оцениваются навыки работы с открытыми информационными ресурсами, различными базами данных. 68,5% опрошенных могут пользоваться цифровыми библиотечными ресурсами на базовом уровне, более ¼ — на продвинутом уровне. Многие преподаватели могут использовать онлайн-курсы в качестве учебного материала (основного или дополнительного), многие из них (более 69%) оценивают свои навыки в данной сфере как базовые. При этом следует признать, что даже относительно высокий уровень владения данными навыками не является существенным конкурентным преимуществом.

В системе цифровых навыков ППС особое место занимает использование внутривузовской электронной информационной среды (далее — ЭИОС) — совокупности информационных, телекоммуникационных технологий, создающей единое информационно-образовательное пространство с помощью интеграции информации на традиционных и электронных носителях, компьютерно-телекоммуникационных технологий взаимодействия, включающего виртуальные библиотеки, распределенные базы данных, учебно-методические комплексы и расширенный аппарат дидактики. В большинстве вузов наличие навыков работы в ЭИОС предполагает не только участие преподавателей в учебном процессе с использованием цифровых технологий, но и высокую вовлеченность в различные форматы внутривузовской научно-исследовательской, методической, организационно-управленческой деятельности. И в этом контексте почти 5% преподавателей, вообще не имеющих навыков работы в ЭИОС, вероятнее всего, не являются полноценными участниками внутривузовских процессов, отраженных в электронной системе. Причем успешное профессиональное развитие преподавателя без владения данными навыками маловероятно.

В современной вузовской среде очень востребованы навыки разработки онлайн-курсов. Более 63% опрошенных характеризуют уровень своих навыков в этой сфере как базовый, а доля тех, кто оценивает их уровень как продвинутый, — в четыре раза ниже. Оценка данных навыков, на наш

взгляд, можно считать наиболее объективной, так как главным доказательством наличия навыков в этой сфере являются реально созданные и внедренные в образовательный процесс онлайн-курсы. При этом каждый пятый респондент полностью исключен из процесса разработки учебно-методического инструментария и не имеет навыков разработки онлайн-курсов, хотя их наличие (по меньшей мере на базовом уровне) — одно из условий успешного профессионального развития и обеспечения приемлемого уровня конкурентоспособности преподавателей.

Менее распространены и не столь востребованы в повседневной деятельности преподавателей навыки работы с большими данными. Почти 2/5 опрошенных не имеют навыков такой работы, менее 1/10 характеризуют уровень владения данными навыками как продвинутый (табл. 1).

Профессиональные стратегии, ориентированные на освоение различных цифровых навыков, тесно взаимосвязаны с научно-исследовательской деятельностью преподавателей. Вовлеченные в научную деятельность преподаватели чаще оценивают уровень владения цифровыми навыками как продвинутый. Среди лиц, принимавших участие в научной работе, почти в 1,5 раза выше доля тех, кто высоко оценивает свои навыки в сфере проведения занятий в цифровом формате, работы с информационными ресурсами, подготовки онлайн-курсов (по сравнению с теми, кто наукой не занимается). Более существенная дифференциация оценок связана с работой в ЭИОС: преподаватели, участвующие в научной работе, в 1,6 раза чаще, чем остальные преподаватели, характеризуют свои навыки как продвинутые. Еще одно заметное преимущество преподавателей, занимающихся не только учебной, но и научной деятельностью, — сформированные навыки работы с библиотечными интернет-ресурсами.

Можно предположить, что взаимосвязь цифровой компетентности и участия в научной деятельности обусловлена не только необходимостью наличия базовых цифровых навыков для того, чтобы заниматься исследованиями. Не менее важный аспект — индивидуальный уровень общей активности и вовлеченности преподавателей в любые внутривузовские изменения. Можно согласиться с авторами, отмечаящими важную тенденцию: большую готовность к изменениям в своей деятельности проявляют преподаватели, включенные

«в реализацию процессов модернизации образования, в освоение новых подходов к построению образовательного процесса, т.е. в различные инновационные процессы в высшем образовании» [12, с. 16].

На наш взгляд, именно в этом контексте надо рассматривать формирование профессиональной траектории преподавателя, вовлеченного в процесс модернизации высшей школы. Такой преподаватель активен во всех основных сферах профессиональной деятельности (научной, учебно-методической, экспертной), а его цифровые компетенции — одни из обязательных элементов успешной конкурентной стратегии.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ НАВЫКОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Повышение конкурентоспособности преподавателей высшей школы предполагает активную работу над совершенствованием цифровых навыков. Данные опросов ВШЭ позволяют раскрыть уже накопленный опыт и планы применения онлайн-обучения в вузах [3, с. 51].

Самой реализуемой мерой в сфере цифровизации является перевод части лекций в онлайн-формат — такой опыт отмечают 92% опрошенных руководителей вузов. И данный формат цифровизации планируется внедрять в ближайшее время в каждом втором вузе. Почти 4/5 респондентов сообщили, что учебные курсы уже сейчас частично реализуются в цифровом формате, а 54% опрошенных планируют внедрять данную меру в вузах в ближайшие годы. Еще один актуальный формат цифровизации — включение отдельных онлайн-курсов в образовательные программы. Данная мера пока не так активно реализуется в настоящее время — доля лиц, планирующих внедрять программы онлайн-курсов в ближайшее время, в 1,3 раза выше, чем доля тех, кто уже успешно их использует.

Одним из важнейших условий успешной реализации планов по цифровизации учебного процесса является повышение цифровой компетентности преподавателей. Согласно данным опросов ВШЭ базовая компьютерная грамотность — единственная сфера, в освоении которой нет необходимости. Достаточно ярко выражена потребность

Таблица 1 / Table 1

**Оценка преподавателями вузов собственного уровня владения цифровыми навыками
(в % от численности опрошенных преподавателей вузов) / Assessment by university teachers of their
own level of digital skills, %**

Названия навыков / Skill names	Не имеют таких навыков / They do not have such skills	Базовый уровень / Basic level	Продвинутый уровень / Advanced level
Навыки работы в формате онлайн-обучения / Work skills in the online learning format	1,5	64,5	34,1
Навыки работы с открытыми информационными ресурсами, базами данных / Skills of working with open information resources, databases	3,6	64,4	32,0
Навыки использования цифровых библиотечных ресурсов / Skills in using digital library resources	4,8	68,5	26,7
Навыки использования онлайн-курсов в качестве основного или дополнительного учебного материала / Skills in using online courses as basic or additional learning material	4,9	69,1	25,9
Навыки работы в электронной информационной системе (LMS, Moodle и др.) / Skills of working in an electronic information system (LMS, Moodle, etc.)	14,8	59,0	26,3
Навыки разработки онлайн-курсов / Online course development skills	20,6	63,6	15,8
Навыки работы с большими данными / Big data skills	39,9	50,8	9,3

Источник / Source: составлено автором на основе [3] / compiled by the author based on [3].

преподавателей в работе во внутривузовской электронной информационной среде, использовании программного обеспечения для удаленной работы, освоении различных методик проведения занятий и промежуточной аттестации в удаленном режиме. Безусловно, вузы стараются создавать условия для повышения цифровой компетентности преподавателей: от 32 до 40% опрошенных преподавателей проходили обучение по указанным направлениям за последние три года. Наиболее высока потребность в работе со специализированными программами, которые могут использоваться и в преподавании, и в научной работе, — об этом сообщили 26% опрошенных, а доля лиц, проходивших обучение по данному направлению, в 1,8 раза ниже (табл. 2).

Основные направления совершенствования цифровых навыков можно отразить в обобщенных

конкурентных стратегиях преподавателей, которые определяются уровнем сформированных/несформированных, а также необходимых в перспективе профессиональных цифровых компетенций.

На наш взгляд, в зависимости от уровня и качества сформированных навыков, а также готовности преподавателей к освоению новых знаний можно выделить три основные конкурентные стратегии:

1) «базовая» стратегия, которая основана на освоении самых простых и наиболее востребованных в вузе профессиональных цифровых компетенций.

Прежде всего это овладение навыками работы в ЭИОС. Неготовность к работе в ЭИОС существенно затрудняет повседневную профессиональную деятельность, лишает преподавателя возможности использовать актуальные форматы взаимодействия со студентами. Фактически недостаточно сформированные навыки работы

Таблица 2 / Table 2

**Основные направления профессионального развития преподавателей в области цифровых технологий
(в % от численности опрошенных преподавателей вузов) / The main directions of professional
development of teachers in the field of digital technologies, %**

Направления профессионального развития / Areas of professional development	Имеют потребность в обучении / Have a need for training	Проходили обучение за последние три года / They have been trained for the last three years
Работа в электронной информационной системе (LMS) и других формах цифровой учебной среды / Working in an electronic information system (LMS) and other forms of digital learning environment	17	33
Использование программного обеспечения для удаленной работы / Using software for remote work	19	40
Изучение методик удаленного преподавания и проведения зачетов и экзаменов в удаленном режиме / Studying the methods of remote teaching and conducting tests and exams remotely	19	32
Работа с профессиональными компьютерными программами, необходимыми для преподавателей или научных сотрудников / Working with professional computer programs necessary for teachers or researchers	26	15
Базовая компьютерная грамотность (MSWord, Excel, PowerPoint и др.) / Basic computer literacy ((MS Word, Excel, PowerPoint, etc.)	5	11

Источник / Source: составлено автором на основе [3] / compiled by the author based on [3].

в ЭИОС являются существенным препятствием для профессионального развития и карьерного продвижения преподавателей. Также базовая стратегия включает навыки проведения занятий в онлайн-формате (с использованием современных цифровых платформ), а также умение работать с различными открытыми информационными ресурсами, т.е. базовая стратегия включает минимальный набор необходимых профессиональных навыков, а также проявление готовности к повышению общего уровня цифровой компетентности, освоению инструментария, необходимого для использования в дистанционном образовательном процессе. Базовую стратегию можно считать достаточной, если речь идет о соответствии основной части преподавателей общим профессионально-квалификационным требованиям, но ее нельзя рассматривать как подходящую, если речь идет о перспективах научной и педагогической деятельности в условиях жесткой внутривузовской конкуренции;

2) «продвинутая» стратегия, которая включает более глубокую проработку цифровых навыков и ориентирована на перспективы освоения новых *digital*-инструментов.

Преподаватели, реализующие данную стратегию, обладают сформированной мотивацией не только к повышению общего уровня своей цифровой компетентности, но и к активному использованию полученных знаний и навыков во всех сферах деятельности — научно-исследовательской, педагогической, административно-управленческой. В основе данной стратегии — наличие навыков использования цифрового инструментария в качестве учебно-методического материала, а также опыт разработки и внедрения онлайн-курсов в учебный процесс. Данная стратегия оптимальна для преподавателей, заинтересованных в формировании универсального портфолио, которое может использоваться при выборе различных направлений профессионального развития. Успешность преподавателей

в освоении новых цифровых технологий сегодня рассматривается как значимый имиджевый фактор, а значит, активная продвинутая стратегия — основа карьерного продвижения и обеспечения высокого уровня конкурентоспособности преподавателей. Важным условием массовой реализации данной стратегии является активная организационно-управленческая работа по формированию системы мотивации и стимулирования преподавателей к освоению новых цифровых технологий;

3) «специализированная» стратегия, которая представляет собой ориентацию преподавателей на развитие специализированных цифровых навыков.

Пример такой стратегии — освоение специальных компьютерных программ, потребность в которых относительно высока, но данная стратегия вряд ли станет массовой. Существенными препятствиями к ее реализации являются недостаточно высокий уровень базовой цифровой компетентности преподавателей, а также неготовность вузов к удовлетворению индивидуальных потребностей преподавателей в освоении специальных цифровых технологий. Отсутствие или наличие данных навыков не является препятствием для карьерного роста и продвижения в рамках административно-управленческой иерархии, но может негативно отражаться на реализации индивидуальной траектории в научной или учебно-методической сфере. Данную стратегию может выбрать преподаватель, ориентированный на углубленную специализацию в конкретной сфере.

ВЫВОДЫ

В повышении конкурентоспособности ППС вузов заинтересованы и преподаватели, и вуз как работодатель. Одним из главных факторов, определяющих готовность вуза к решению задач по модернизации системы высшего образования, яв-

ляется обеспечение высокого уровня цифровой компетентности преподавателей, их активного участия в процессах разработки и реализации цифрового инструментария.

Развитие цифровых навыков соответствует базовым требованиям, предъявляемым к преподавателю в условиях модернизации высшей школы. Но проблема повышения цифровой активности преподавателей до сих пор недостаточно рассмотрена в организационно-управленческих аспектах. Безусловно, правы специалисты, отмечающие «неготовность системы к изменению понимания сути педагогической деятельности современного преподавателя вуза и оценке ее трудоемкости» [12, с. 16]. С одной стороны, администрация вузов постоянно ставит перед ППС задачи по цифровизации образовательного процесса, а с другой стороны, в большинстве вузов отсутствуют адекватные механизмы организации и стимулирования деятельности преподавателей по освоению цифровых технологий. Требования к уровню цифровой компетентности до сих пор не отражены в эффективных контрактах большинства вузов. Актуальной остается проблема психологической готовности преподавателей к участию в процессах цифровизации.

Важным направлением обеспечения цифровой конкурентоспособности преподавателей является повышение их вовлеченности в процесс модернизации высшей школы, что позволит оптимизировать их рабочий график, формировать личную заинтересованность в выстраивании индивидуальной профессиональной траектории, включающей освоение разнообразных цифровых навыков. Реализация таких профессиональных стратегий не только повышает общий уровень эффективности деятельности преподавателей, но и способствует успешному продвижению вузов к достижению базовых целей модернизации высшей школы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Захарова У. С., Терентьев Е. А. Преподаватели российских вузов в условиях пандемийной цифровизации: между автономией и контролем. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;163(3):134–154. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46454220_33853738.pdf.
2. Токтарова В. И., Ребко О. В., Семенова Д. А. Сравнительно-сопоставительный анализ моделей цифровых компетенций педагогов в условиях цифровой трансформации образования. *Science for Education Today*. 2023;13(5):79–104. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54808511_68831460.pdf.

3. Шугаль Н. Б., Бондаренко Н. В., Варламова Т. А. и др. Цифровая среда в образовательных организациях различных уровней. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2023. 164 с. URL: https://memo.hse.ru/de_level_2022.
4. Большедворская М. В., Блинникова А. В. К вопросу о прекаризации в системе высшего образования (на примере организаций высшего образования Иркутской области). *Управление устойчивым развитием*. 2020;30(5):49–56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44630025_81863992.pdf.
5. Воробьева И. В. Социально-трудовое положение преподавателей вуза: элитные специалисты или потенциальные прекарии? *Высшее образование в России*. 2022;31(10):69–86. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49748305_57648751.pdf.
6. Ильина И. Ю. Занятость и статусные характеристики преподавателей российских вузов. Социальная политика и социология. 2017;16:124(5):34–41. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32336561_72965066.pdf.
7. Волкова Г. Л., Пермьякова В. А., Н. Шматко Н. А. Организация цифровой коммуникации между подразделениями, преподавателями и студентами. Информационный бюллетень. 2021;(11):36. URL: <https://memo.hse.ru/news/547020480.html>.
8. Рассадина Т. А. Некоторые дисфункциональные аспекты социальной конкуренции в вузах. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2021;21(2):150–155. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46452724_35163857.pdf.
9. Гармонова А. В., Щеглова Д. В. Оценки преподавателями изменений в высшем образовании России: трансформация или стагнация? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020;13(4):476–494. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44544833_92229592.pdf.
10. Самсонова Е. А. Профессиональное выгорание преподавателей вузов как следствие деструктивного управления образовательной деятельностью. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022;93(1):63–69. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47871507_65373513.pdf.
11. Самсонова Е. А. Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов. *Вестник Института социологии*. 2022;13(3):179–192. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49497398_61638162.pdf.
12. Батракова И. С., Глубокова Е. Н., Писарева С. А., Тряпицына А. П. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования. *Высшее образование в России*. 2021;30(8–9):9–19. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46580396_55874459.pdf

REFERENCES

1. Abramov R. N., Gruzdev I. A., Zakharova U. S., Terentyev E. A. Teachers of Russian universities in the context of pandemic digitalization: between autonomy and control. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny` = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021;163(3):134–154. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46454220_33853738.pdf. (In Russ.).
2. Toktarova V. I., Rebko O. V., Semenova D. A. Comparative analysis of models of digital competencies of teachers in the context of digital transformation of education. *Science for Education Today*. 2023;13(5):79–104. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54808511_68831460.pdf. (In Russ.).
3. Shugal N. B., Bondarenko N. V., Varlamova T. A. [et al.]. The digital environment in educational institutions of various levels. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2023. 164 p. URL: https://memo.hse.ru/de_level_2022. (In Russ.).
4. Bolshedvorskaya M. V., Blinnikova A. V. On the issue of precarization in the higher education system (on the example of higher education organizations in the Irkutsk region). *Upravlenie ustojchivym razvitiem = Sustainable development management*. 2020;30(5):49–56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44630025_81863992.pdf. (In Russ.).
5. Vorobyova I. V. Social and labor status of university teachers: elite specialists or potential precariums? *Vy`shee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2022;31(10):69–86. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49748305_57648751.pdf. (In Russ.).

6. Il'ina I. Yu. Employment and status characteristics of teachers of Russian universities. *Social'naya politika i sociologiya = Social policy and sociology*. 2017;16(5):34–41. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32336561_72965066.pdf. (In Russ.).
7. Volkova G. L., Permyakova V. A., Shmatko N. A. Organization of digital communication between departments, teachers and students. *Newsletter* 2021;(11):36. URL: <https://memo.hse.ru/news/547020480.html>. (In Russ.).
8. Rassadina T. A. Some dysfunctional aspects of social competition in universities. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. = Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2021;21(2):150–155. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46452724_35163857.pdf. (In Russ.).
9. Harmonova A. V., Shcheglova D. V. Teachers' assessment of changes in higher education in Russia: transformation or stagnation? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2020;13(4):476–494. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44544833_92229592.pdf. (In Russ.).
10. Samsonova E. A. Professional burnout of university teachers as a consequence of destructive management of educational activities. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2022;1(93):63–69. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47871507_65373513.pdf. (In Russ.).
11. Samsonova E. A. Sociological factors of the influence of the educational environment on the professional burnout of university teachers. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(3):179–192. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49497398_61638162.pdf. (In Russ.).
12. Batrakova I. S., Glubokova E. N., Pisareva S. A., Tryapitsyna A. P. Changes in the pedagogical activity of a university teacher in the context of digitalization of education. *Vy'sshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2021;30(8–9):9–19. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46580396_55874459.pdf. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ирина Юрьевна Ильина — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

Irina Yu. Ilina — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of State and Municipal Management, Finance University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-3697-7457>

plesheeva6@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2024; принята к публикации 15.07.2024.

The article was received 15.05.2024; accepted for publication 15.07.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-102-110
УДК 334.021.1(045)
JEL A20

Методы предметной аналитики в высшем образовании как факторы формирования компетенций профессорско- преподавательского состава

И.З. Ярыгина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – механизмы применения методов предметной аналитики в системе высшего образования России в условиях цифровизации экономики. Мировой опыт продемонстрировал, что информационные технологии способствуют прогрессу в различных областях хозяйственной деятельности, включая предметный анализ экономических процессов. Использование инструментов цифровых инноваций – важный фактор совершенствования образовательного процесса, формирования компетенций профессорско-преподавательского состава и обеспечения глобальной конкурентоспособности российского высшего образования с учетом Послания В.В. Путина Федеральному собранию от 29 февраля 2024 г. *Цель работы* – выявление основных направлений и методов предметной аналитики как драйвера формирования аналитического подхода к принятию решений, способствующих успешной работе выпускников вузов в сфере реализации промышленной политики; расширению воспроизводственных процессов; развитию сферы слуг, торговли и других направлений профессиональной деятельности в цифровой среде воспроизводственных процессов. Дано определение предметной аналитики. Рассмотрены методы систематизации информации. *Сделан вывод* о том, что ключевые методы предметной аналитики имеют универсальный характер и предусматривают определение цели получения необходимых данных; их сбор; визуализацию и количественный анализ. Расширение практической работы студентов в цифровой среде и приобретение ими компетенций предметной аналитики в рамках образовательных программ высшего образования России – важные направления учебной работы, непосредственно связанные с умением корректного использования информации, аналитических инструментов и методов в целях решения важных задач экономического развития Российской Федерации.

Ключевые слова: предметная аналитика; компетенции профессорско-преподавательского состава; цифровая среда; методы аналитики; высшие учебные заведения

Для цитирования: Ярыгина И.З. Методы предметной аналитики в высшем образовании как факторы формирования компетенций профессорско-преподавательского состава. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):102-110. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-102-110

ORIGINAL PAPER

Methods of Subject Analysis in the Higher Education System as Factors in the Formation of Competencies of the Teaching Staff

I.Z. Yarygina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the mechanisms of applying the methods of subject analysis in the higher education system of Russia in the context of the digitalization of the economy. World experience has shown that information technology contributes to progress in various fields, including the substantive analysis of economic processes. The use of digital innovation tools is an important factor in improving the educational process, forming the competencies of the teaching staff and ensuring the global competitiveness of Russian higher education, taking into account Vladimir Putin's Messages to the Federal Assembly dated February 29, 2024. *The purpose of the work* is to identify the main directions and methods of subject analysis as a driver for the formation of an analytical approach to decision – making that contribute to the successful work of university graduates in the field of industrial policy implementation; expansion of reproductive processes; development of the sphere of servants, trade and

© Ярыгина И.З., 2024

other areas of professional activity in the digital environment of reproductive processes. The definition of subject analytics is given. The methods of systematization of information are considered. *It is concluded* that the key methods of subject analysis have a universal character, which includes determining the purpose of obtaining the necessary data, their list, scope of application; data collection and purification; their visualization and quantitative analysis. The expansion of students' practical work in the digital environment and their acquisition of subject analysis competencies within the framework of educational programs of higher education in Russia is an important area of academic work directly related to the ability to correctly use information, analytical tools and methods in order to solve important problems of economic development of the Russian Federation.

Keywords: subject analysis; economist's competencies; digital environment; analytical methods; higher education institutions

For citation: Yarygina I.Z. Methods of subject analysis in the higher education system as factors in the formation of competencies of the teaching staff. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):102-110. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-102-110

В условиях развития цифровой экономики предметная аналитика, подразумевающая сбор, обработку, изучение и интерпретацию данных, играет важную роль в установлении комплексного и обоснованного подхода к принятию решений [1]. Формирование компетенций в сфере предметной аналитики — важное направление работы экономических вузов России в решении важных задач комплексного исследования и интерпретации политических, финансовых и социальных процессов при реализации их выпускниками своей профессиональной деятельности в разных регионах мира с учетом национальной, межгосударственной и глобальной ситуации. В свою очередь решение задач предметной аналитики связано с оценкой влияния международных событий на национальную экономику и международные экономические отношения.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИГНАЛЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Практика показала, что анализ деятельности профессорско-преподавательского состав (далее — ППС), от которого напрямую зависят качество высшего образования и обеспечение конкурентоспособности вузов, предусматривает извлечение значимой информации из структурируемых (реляционных баз данных) и неструктурированных источников (текстов, документов, изображений) в целях обоснования методик преподавания. В отличие от него предметная аналитика (объект, процесс или явление, о котором собирается информация, необходимая для решения поставленной задачи) имеет более широкую сферу применения, предполагающую использование аналитических инструментов и методов для выявления новых идей, прогнозирования потенциальных результатов деятельности субъектов хозяйствования [2].

Современная российская научная школа рассматривает аналитику в сфере цифровой среды как процесс интерпретации данных с целью извлечения значимой информации, способствующей оценке совершенных и совершаемых действий, и прогнозирования хода будущих событий, связанных с решением поставленных задач, посредством систематизации информации в системе экономических и финансовых отношений на уровне субъектов хозяйствования в сочетании с получением количественных и качественных показателей воспроизводственных процессов для создания условий выполнения стратегии и тактики действий экономических субъектов, а также их коррекции в случае необходимости.

Предметная аналитика непосредственно связана с систематизацией информации, под которой подразумевается классификация данных по различным группам [3]: номинальной, предметной, тематической, хронологической, архивной.

Цифровая номинальная систематизация предполагает распределение документов по их типу (счета, договоры, приказы и т.п.); предметная — по принадлежности к какому-либо конкретному делу; тематическая — по общей тематике; хронологическая — по дате создания документов; архивная — по срокам их хранения [4]. В свою очередь цифровая систематизация информации об экономических процессах предполагает обработку информации с целью ее приведения к определенному виду и дальнейшей интерпретации, позволяющим субъекту хозяйствования избирать стратегию или тактику дальнейших действий с учетом полученных данных и поставленных задач. Дальнейшая цифровая обработка информации предполагает ее расположение в определенном порядке, придающем ей завершённую форму и значение [5]. В целом обработка информации создает условия сведения информационных сигналов в систематизированные категории.

Банковская практика подтверждает, что систематизация информации проводится логическим и субъективным способами. В частности, логический способ предполагает систематическое и последовательное исследование и комплексную оценку данных, в то время как субъективный способ основан на предпочтениях, эмоциях, убеждениях и является сложным, многофакторным процессом, влияющим на выбор подхода к принятию решений [6].

В практической деятельности важно учитывать различные способы цифровой систематизации информации и ее хранения. К наиболее распространенным способам относятся номинальная, предметная, хронологическая систематизации.

Номинальная систематизация представляет собой распределение информации по типу документа — договоры, счета, акты, приказы и т.п.; предметная систематизация — распределение информации по содержанию документов: например в один файл отправляются документы, связанные с реализацией договора № 1, а в другую — с договором № 2; хронологическая систематизация информации — группировка документов в соответствии с определенными временными рамками, например в одном файле хранится вся документация за 2023 г. и т.д.

Обязательной к применению в архивах является экспертная систематизация информации, распределяющая документы по срокам их хранения [7].

После осуществления систематизации информации составляется номенклатура дел по направлениям деятельности в цифровом формате, которая содержит перечень документов и их индексацию по срокам хранения в базе данных.

На текущем этапе развития систематизация информации осуществляется в основном на электронных носителях ввиду того, что работа с бумажными носителями информации является трудоемким процессом. Но это не мешает оформлять отдельные документы с длительным или бессрочным сроком хранения на бумажных носителях. Электронные носители информации располагаются на технологических платформах систематизации информации — коммуникационных площадках для взаимодействия бизнеса, науки, потребителей и государства по вопросам модернизации и научно-технического развития по определенным технологическим направлениям, способствующим автоматической обработке данных по заданным параметрам.

В производственной практике хранение документов осуществляется в определенном порядке, пред-

полагающем наличие уровня защиты и установление порядка хранения, в соответствии с которым информация становится доступной при минимальных затратах на ее поиск.

МЕТОДЫ ПРЕДМЕТНОЙ АНАЛИТИКИ

При осуществлении аналитической деятельности в цифровой среде важно учитывать скорость поступления данных; сложность вычленения ключевых сегментов; степень их достоверности ввиду того, что информация поступает из различных источников [8].

Подготовительный этап работы с источниками информации включает проверку надежности и качества поступающей информации. Использование наиболее подходящих методов анализа данных может помочь получать информацию, которую необходимо извлекать наиболее эффективным способом.

Основой аналитической работы ППС в цифровой среде является использование соответствующих методов в целях эффективного извлечения интересующей информации, что способствует решению возникающих проблем вследствие того, что асимметричная информация и ее интерпретация на базе ошибочных действий усугубляют возникающие проблемы.

Корректный анализ данных помогает ППС находить действенные решения сложных проблем [9]. Комплексное изучение проблемы, ее тенденций проявления на разных уровнях обуславливают получение корректной информации.

Представляется целесообразным подразделять аналитическую цифровую процедуру на следующие этапы:

- извлечение объективной и надежной информации из базы данных;
- уменьшение неопределенности благодаря количественной оценке рисков, что позволяет принимать более обоснованные решения;
- объективная оценка данных, исключение субъективных факторов (предубеждений), которые негативно влияют на принятие решений;
- сохранение гибкости и конкурентоспособности с учетом адаптивных стратегий деятельности;
- оптимизация ресурсов для аналитической деятельности;
- использование инноваций, способствующих решению конкретных задач аналитической деятельности;
- коррекция стратегий деятельности в зависимости от особенности деятельности субъекта хозяйствования.

В целом, применение адекватных методов аналитической работы способствует достижению поставленных целей и расширению экономического сотрудничества. Работа ППС связана также с раскрытием новых тенденций развития и страновых особенностей, которые порождают предложения, направленные на оптимизацию взаимодействия сторон.

Важно отметить, что аналитическая работа в цифровой среде связана с процессом анализа данных, который включает следующие этапы:

1) определение цели получения необходимых данных, установление их перечня и области применения. Рекомендуется на этом этапе формулировать вопросы, на которые необходимо получить ответы, а уже затем осуществлять постановку проблемы;

2) сбор данных. В рамках этого этапа определяются источники данных и способы их использования. Информация может быть получена из официальных источников, а также опросов, анкет, тематических исследований, фокус-групп, интервью и других внутренних или внешних (или сторонних) источников. Методы сбора данных варьируются в зависимости от намерения осуществить качественный или количественный анализ;

3) очистка данных. Необработанные данные обычно представлены в различных форматах и могут содержать дубликаты, пробелы, опечатки и другие ошибки, поэтому важно их очистить. В *таблице* представлены показатели необработанных и чистых данных.

Очистка данных улучшает качество работы и обеспечивает точные результаты аналитической работы;

4) рассмотрение данных на базе использования различных методов: регрессии, статистического анализа, нейронных сетей и т.д. Инструменты, технологические платформы и технологии анализа данных способствуют аналитическому процессу;

5) интерпретация и визуализация данных. Более простой способ интерпретации материала по результатам анализа данных — их визуализация в виде графиков, диаграмм, карт и т.д. [10]. При этом тенденции особенности, выбросы и другая ключевая информация отображаются в виде простых для понимания визуальных элементов. Важно отметить, что визуализация упрощает мониторинг, сравнение данных и извлечение полезной информации и способствует принятию обоснованных решений.

В целом аналитическая работа включает оценку результатов качественного и количественного анализа цифровых данных посредством применения:

- метода качественного анализа данных, который основан на извлечении данных из символов, текстов, слов, фотографий, наблюдений [11], но этот метод не предусматривает использования статистики. Основой качественного анализа данных являются контент-анализ, нарративный анализ данных, которые не представляют возможности их количественного определения;

- количественного/статистического метода анализа данных посредством преобразования наборов данных в числовые показатели. Количественный анализ позволяет устанавливать среднее значение показателей, проверять гипотезу и определять величину выборки.

ЦИФРОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДМЕТНОЙ АНАЛИТИКИ

Работа ППС в современной цифровой среде основана на комплексном подходе к анализу данных и использованию следующих механизмов:

1) регрессионный анализ, основанный на рассмотрении исторических данных в целях выявления влияния независимых переменных на значение зависимой переменной.

Понимание взаимосвязи каждой переменной и прошлых изменений позволяет предвидеть возникновение потенциальных данных для принятия более обоснованных решений. Допустим, что проведен регрессионный анализ международных экономических отношений в 2023 г., и его результаты показали, что такие независимые переменные, как участие субъектов хозяйствования, качество продукции, каналы экспорта и импорта, повлияли на результат (экспорт продукции/зависимая переменная). Через определенный отрезок времени представляется целесообразным провести еще один регрессионный анализ, чтобы проверить, изменились ли переменные или появились новые факторы, влияющие на положение дел. Положительная динамика экспорта товаров и услуг, например, свидетельствует о повышении качества продукции или внедрении новых технологий. Таким образом, представляется возможность выявлять особенности влияния показателей независимых переменных на зависимую переменную (экспорт);

2) кластерный анализ, предполагающий формирование отдельных групп по показателям, которые имеют больше сходства, чем другие элементы данных. Графическое изображение кластерного анализа может иметь вид, представленный на *рис. 1*.

Показатели необработанных и чистых данных / Raw and clean data metrics

Грязные данные / Raw data	Чистые данные / Clean data
Некорректные/не соответствующие действительности / Incorrect/untrue data	Корректные
Неточные / Inaccurate data	Точные
Несогласованные / Inconsistent data	Непротиворечивые
Неполные / Incomplete data	Полные
Повторяющиеся / Duplicate data	Единые
Неправильно отформатированные / Incorrectly formatted data	Единообразные

Источник / Source: составлено автором на основе / compiled by the author according to the Math cluster-analysis. URL: <https://byjus.com/maths/cluster-analysis>.

Кластерный анализ помогает, например, распознать общие болевые точки и предпочтения партнеров внешнеэкономической деятельности, что способствует оптимизации усилий, направленных на создание условий для международного или межгосударственного взаимодействия с учетом стратегических интересов, потребностей группы партнеров, что основано на выявлении тенденций, направлений и перспектив возможного сотрудничества;

3) нейронная сеть, имитирующая работу человеческого мозга для распознавания закономерностей, предсказания значения и генерирования идей. Такой метод основан на использовании взаимосвязанных уровней данных в целях обработки информации. Нейронная сеть представляет собой систему соединенных и взаимодействующих простых процессоров (искусственных нейронов).

Каждый процессор нейронной сети имеет дело только с сигналами, которые он периодически получает, и сигналами, которые он периодически посылает другим процессорам. Управляемое взаимодействие простых процессоров создает условия для выполнения сложных аналитических задач.

Методы нейронных сетей часто используются в прогностической аналитике для поиска взаимосвязи показателей и расчета прогнозов, основанных на текущих и исторических данных. Графическое изображение нейронной сети представлено на рис. 2.

4) когортный анализ, представляющий собой разновидность поведенческой аналитики и основанный на использовании исторических данных для сравнения и анализа определенных сегментов в поведении поль-

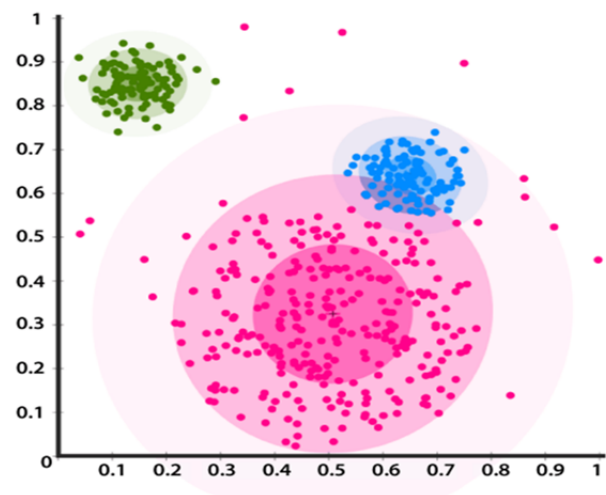

Рис. 1 / Fig. 1. Графическое изображение кластерного анализа / Graphical image of cluster analysis

Источник / Source: составлено автором по данным Springer. <https://link.springer.com/article/10.1007/BF02614317> / compiled by the author according to the Springer. <https://link.springer.com/article/10.1007/BF02614317>.

зователей и в их группировке с другими аналогичными характеристиками.

Посредством методики цифрового анализа данных выявляются показатели целевой аудитории или потребности потребителей продуктов и услуг. Когорты обычно имеют общие характеристики в течение определенного промежутка времени и благодаря когортному анализу способствуют выявлению особенностей деятельности субъектов хозяйствования и адаптации

международной деятельности к конкретным группам в целях формирования механизмов влияния на конкретные группы аудитории.

Программное обеспечение *Google Analytics 4* (GA4), например, предусматривает исследование когорт в целях формирования представления о поведении экономических субъектов на основе общих атрибутов;

5) анализ временных рядов, при котором рассматриваются точки данных за определенный период в целях выявления, например, рыночных тенденций и особенностей международных экономических или финансовых отношений.

На основе конкретных данных с течением времени представляется возможным прогнозировать временные ряды и, следовательно, будущие события. Например, можно выполнить анализ временных рядов, чтобы спрогнозировать данные, касающиеся импорта сезонных товаров, что позволяет получать необходимую информацию для прогнозирования спроса и соответствующей подготовки процесса администрирования.

В мировой практике используются также дополнительные методы предметной аналитики, например факторный анализ, интеллектуальный анализ данных, многомерное масштабирование, контент-анализ и пр. [12];

6) факторный анализ, являющийся важным инструментом выявления ключевых факторов, на основе которых осуществляется оптимизация взаимосвязанных показателей. В мировой практике факторный анализ предполагает фрагментацию экономических процессов на зависимые и независимые переменные, а также выявление их особенностей в целях прогнозирования дальнейших действий. Например, в целях выявления причины снижения финансового результата представляется целесообразным определять факторы, влияющие на уровень доходов и расходов, что непосредственно связано с финансовыми показателями деятельности в рамках анализируемого процесса.

Национальная экономика испытывает влияние различных внутренних и внешних факторов, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Например, уровень цен связан с инфляцией и международной торговлей, увеличение уровня цен приводит к росту инфляции и требует действий, адекватных возможностям рынка. Факторный анализ предназначен для извлечения независимых скрытых переменных, оценка которых способствует коррекции или оптимизации целевых сегментов. Применение соответствующих технологий способствует упрощению предметной аналитики, что

Рис. 2 / Fig. 2. Графическое изображение нейронной сети / Graphical image of a neural network

Источник / Source: составлено автором по данным Google Analytics4. URL: <https://support.google.com/analytics/answer/10089681?hl=ru> / compiled by the author according to the Google Analytics4. URL: <https://support.google.com/analytics/answer/10089681?hl=ru>.

связано с объединением переменных в аналогичные группы (сортировка по цвету, качеству, материалу) в рамках более широкой категории, такой как дизайн;

7) совместный анализ, представляющий собой эффективный метод анализа предпочтений потребителей, при котором обычно проводятся опросы клиентов в целях оценки различных атрибутов, например качества финансовых продуктов или услуг. Внедрение совместного анализа помогает определять, каким продуктам или услугам потребители отдают предпочтение и по какой цене, объему, качеству. Представляется возможным использовать полученную информацию для разработки стратегий ценообразования, расширения маркетинга, совершенствования «упаковки» продукции во взаимосвязанные направления деятельности и пр. Кроме того, метод совместного анализа используется для сегментации клиентов на основе их интересов, что позволяет формировать содержание (контент) информации о продукции, которая находит отклик у каждой группы потребителей с учетом их особенностей;

8) метод интеллектуального анализа данных, позволяющий выявлять связи, тенденции, закономерности и зависимости в больших наборах данных, чтобы обеспечивать направление последующих действий.

Интеллектуальный анализ данных основан на применении статистических и вычислительных методов с использованием системных и структурированных механизмов извлечения значимой информации.

Полученная информация имеет важное значение для решения текущих проблем, прогнозирования, принятия стратегических решений и пр. Интеллек-

туальный анализ данных осуществляется в целях сегментации контрагентов, партнеров, потребителей продуктов и услуг, мониторинга рыночной корзины, выявления мошенничества, прогнозирования оттока клиентов, управления запасами и пр.;

9) создание дерева решений, являющегося полезным методом принятия стратегических решений. В результате применения этого метода отображаются потенциальные затраты, результаты и последствия действий с помощью древовидной модели бизнес-процесса, что упрощает оценку факторов, влияющих на его реализацию, и способствует выбору наилучших действий в целях достижения желаемого результата. Дерево решений «работает» как блок-схема: оно начинается с принятия основного решения или выявления проблем, которые разветвляются вследствие различных потенциальных последствий и результатов решения. Каждый сегмент бизнес-процесса несет свои затраты, имеет свои последствия и выгоды. В конце анализа представляется возможность сравнения полученных результатов и выбора наилучшего способа достижения цели. В сфере мировых финансов, например, представляется возможным использовать метод дерева решений в целях выявления наиболее рентабельных проектов или принятия тех решений, которые обеспечивают долгосрочный доход. Например, для совершенствования технологической платформы в условиях сочетания необходимого приложения с существующей платформой используется метод анализа, основанный на дереве решений, заключающийся в оценке и сравнении затрат каждого варианта действий, времени, которое необходимо для решения задачи.

Схема метода «дерево решений» представлена в *рис. 3*.

10) метод многомерного масштабирования (*Multidimensional scaling, MDS*), позволяющий наблюдать различия и сходства между объектами данных, собранных по нескольким переменным (например, в изучении потребительской способности клиентов: возраст, доход, размер семьи и пр.). Исследуется совокупность взаимодействия составляющих. При этом рассматривается широкий диапазон многомерного масштабирования и проводятся действия, направленные на упрощение данных таким образом, чтобы определить характер взаимодействия переменных. При многомерном масштабировании объекты наносятся на карту *MDS*: похожие объекты располагаются ближе, непохожие — дальше друг от друга, отмечается выявленное взаимодействие рассматриваемых объектов, т.е. посредством использования числовых

данных определяется результат вычисления. На *рис. 4* представлен пример многомерной модели данных.

Практика показала, что представленные методы предметной аналитики целесообразно использовать в различных направлениях деятельности, в том числе при оценке сравнительных показателей экономических процессов, а результат предметной аналитики во многом зависит от качества цифровой среды и уровня профессиональной подготовки ППС.

В этой связи важно отметить, что повышение качества цифровых сред в системе высшего образования России — важная задача, требующая безотлагательного решения.

ВЫВОДЫ

Выбор ППС правильного метода предметного анализа информации зависит от набора данных и стоящей задачи. Практика показала, что цифровые методы предметной аналитики имеют универсальный характер. При работе с количественными и качественными данными целесообразно использовать методы анализа, известные мировой практике. В рамках применения методов количественного анализа данных часто применяются показатели диапазона, стандартного отклонения и интервала. Проверка гипотез количественным анализом — популярный подход, который позволяет определять взаимосвязи, необходимые для прогнозирования. В качественном анализе данных контент-анализ на базе использования цифровых технологий является основным методом оценки, который способствует интерпретации или прогнозированию различных процессов.

При выборе наиболее подходящих методов предметного анализа цифровых данных целесообразна следующая последовательность действий:

- определение цели, информации, которую необходимо извлечь, а также вопросов, требующих ответа;
- анализ характера данных (объема, качества и типа, включая структурированные и неструктурированные данные) в целях определения наилучшего метода их обработки;
- установление зависимых и независимых переменных, которые способствуют выбору методов и механизмов анализа данных;
- оценка масштаба данных (порядковый, номинальный, относительный, интервальный), что позволяет выявлять подходящий метод предметного анализа данных.

Представленные цифровые модели предметной аналитической деятельности предполагают работу

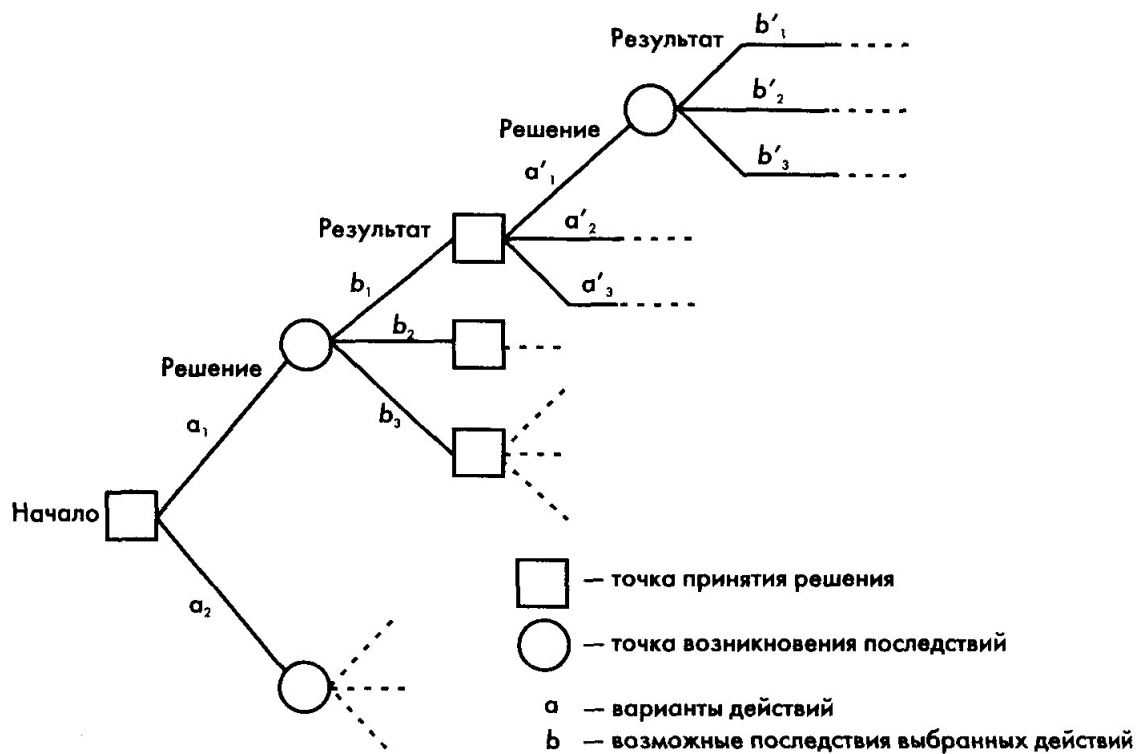

Рис. 3 / Fig. 3. Графическое изображение дерева решений / Graphical image of decision tree

Источник / Source: составлено автором по данным Google Analytics4. URL: <https://habr.com/ru/companies/ods/articles/322534/> / compiled by the author according to the Google Analytics4. URL: <https://habr.com/ru/companies/ods/articles/322534/>.

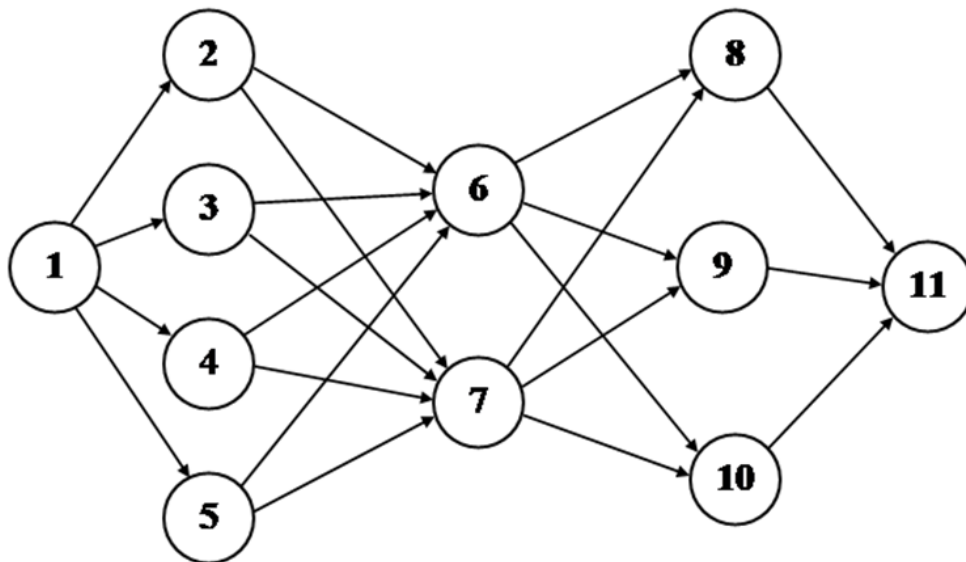

Рис. 4 / Fig. 4. Графическое изображение многомерной модели данных / Graphical image of multidimension data model

Источник / Source: составлено автором по данным Google Analytics4. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/computer-science/multidimensional-data-model/> / compiled by the author according to the Google Analytics4. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/computer-science/multidimensional-data-model/>

ППС, основанную на наблюдениях с учетом особенностей контекста, включая задачи, цель, ситуацию, участников, обстановки и пр. Анализ данных в определенном контексте способствует пониманию взаимосвязей, направлений развития, ключевых вопросов взаимодействия сторон, что помогает заинтересованным сторонам принимать обоснованные решения и избегать риска асимметрии информационных потоков.

Расширение практической работы студентов в цифровой среде и приобретение ими компетенций предметной аналитики в рамках образовательных программ высшего образования России — важное направление учебной работы, непосредственно связанное с умением корректного использования информации, аналитических инструментов и методов в целях решения важных задач экономического развития Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Hart C. Doing a literature review: releasing the research imagination. 2nd ed. London: Sage; 2018. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/doing-a-literature-review/book257278>.
2. Elo S and Kyng as H. The qualitative content analysis process. *J Adv Nurs*. 2008;62(1):107–115. DOI: 10.1111/j.1365–2648.2007.04569.x
3. Whittemore R and Knafl K. The integrative review: updated methodology. *J Adv Nurs*. 2005;52(5):546–553. DOI: 10.1111/j.1365–2648.2005.03621.x
4. Butler-Kisber L. Qualitative inquiry: Thematic, narrative and arts-informed perspectives Sage Publications; 2010.
5. Harry B., Sturges K.M., & Klinger J.K. Mapping the process: An exemplar of process and challenge in grounded theory analysis. *Educational Researcher*. 2005;34(2):3–13.
6. Flick U., Kvale S., & Angrosino M.V. The sage qualitative research kit. London: Sage Publications; 2007. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/the-sage-qualitative-research-kit/book243410>.
7. Caelli K., Ray L., & Miller J. Clear as mud: toward greater clarity in generic qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods*. 2003;2(2):1–13.
8. Janesick V.J. “Stretching” exercises for qualitative researchers. *Thousand Oaks: Sage Publications*. 1998. URL: <https://journals.sagepub.com>. DOI: 10.1177/136078041101600402
9. Kuper A., Linford, L., & Levinson W. Critically appraising qualitative research. *British Journal*. 2008;337:687–692. DOI: 10.1136/bmj.a1035
10. Creswell J.W. Educational research: planning, conducting, and evaluating quantitative and qualitative research (2nd ed ed.). Upper Saddle River: Merrill. URL: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Creswell_2012.pdf.
11. Silverman D. Qualitative research: theory, method and practice. *London: Sage Publications*. 2010. URL: <https://content.ub.hu-berlin.de/monographs/toc/ethnologie/BV025930177.pdf>.
12. Silverman D. Interpreting qualitative data: methods for analyzing talk, text, and interaction. Thousand Oaks: Sage Publications; 2006. URL: https://is.muni.cz/el/1423/podzim2004/SOC_431/um/101899/13SILVERMAN_celek.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ирина Зотовна Ярыгина — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Irina Z. Yarygina — Dr. Econ., Prof., Prof. of the Department of Global Economy and Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8684-1684>

iyarygina@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2024; принята к публикации 15.07.2024.

The article was received 15.05.2024; accepted for publication 15.07.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-111-122

УДК 338.27(045)

JEL E24, F16, J08, J22, J43, M54

Прогнозирование изменений на российском рынке труда в сфере информационных технологий до 2029 года

А.А. Гусев, Е.В. Медведева, А.С. Григорьева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – российский рынок труда в сфере информационных технологий. *Цель работы* – комплексный анализ динамики, особенностей и перспектив развития рынка труда в ИТ-сфере применительно, в частности, к системе высшего и специального образования. В ходе исследования выявлено значительное увеличение спроса на высококвалифицированных ИТ-специалистов, что приводит к росту дефицита рабочей силы. Установлены факторы, влияющие на динамику рынка труда, обуславливая увеличение вакансий на российском рынке труда в сфере ИТ-технологий и серьезный дефицит рабочей силы в ИТ-секторе, который останется в ближайшем будущем одним из самых перспективных и динамичных сегментов экономики. Зафиксировано устойчивое увеличение интереса к онлайн-образованию в ИТ-сфере, что может способствовать увеличению числа специалистов в этой области. Проанализировано географическое распределение кадров и специальностей в различных регионах России, что позволяет определять особенности и требования рынка труда в разных частях страны. *Сделаны выводы* о том, что до 2029 г. спрос на ИТ-специалистов с высоким уровнем компетенции и навыков, сформированных в системе высшего и среднего специального образования, будет увеличиваться.

Ключевые слова: рынок труда; информационные технологии; прогнозирование; ИТ-сфера; образование

Для цитирования: Гусев А.А., Медведева Е.В., Григорьева А.С. Прогнозирование изменений на российском рынке труда в сфере информационных технологий до 2029 года. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):111-122. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-111-122

ORIGINAL PAPER

Forecasting Changes in the Russian Labor Market in the Field of Information Technology until 2029

A.A. Gusev, E.V. Medvedeva, A.S. Grigorieva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the Russian labor market in the field of information technology. *The purpose of the work* is a comprehensive analysis of the dynamics, features and prospects of the labor market in the IT sector. The study revealed a significant increase in demand for qualified IT specialists, which leads to an increase in the labor shortage. The factors influencing the dynamics of the labor market have been identified, causing an increase in vacancies in the Russian labor market in the field of information technology and a serious shortage of labor in the IT sector, which will remain one of the most promising and dynamic segments of the economy in the near future. There has been a steady increase in interest in online education in the IT sector, which may contribute to an increase in the number of specialists in this field. The geographical distribution of personnel and specialties in various regions of Russia is analyzed, which allows us to determine the characteristics and requirements of the labor market in different parts of the country. *It is concluded* that by 2029, the demand for IT specialists with a high level of competence and skills formed in the system of higher and secondary special education will only increase.

Keywords: labor market; information technology; forecasting; IT sphere; education

For citation: Gusev A.A., Medvedeva E.V., Grigorieva A.S. Forecasting changes in the Russian labor market in the field of information technology until 2029. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(4):111-122. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-111-122

© Гусев А.А., Медведева Е.В. Григорьева А.С., 2024

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время ИТ-индустрия, занимающаяся созданием и разработкой компьютерных программ, сайтов, приложений, обработкой, вычислением, сохранением и передачей воспринимаемых человеком фактов, событий, сообщений посредством информационных технологий (далее — ИТ), является одной из наиболее динамичных и перспективных отраслей российской экономики, в которой происходит рост спроса на высококвалифицированных специалистов на фоне их острой нехватки, что затрудняет развитие отрасли и ограничивает ее потенциал.

До настоящего времени опубликовано множество научных работ, посвященных анализу рынка труда в ИТ-сфере, проблемам дефицита кадров и прогнозированию изменений на рынке труда, в которых установлено, что рынок ИТ-специальностей является одним из наиболее динамично развивающихся в связи с тем, что компании все больше ориентируются на использование инновационных технологий и внедрение новых цифровых продуктов и услуг. Поэтому рынок труда в ИТ-секторе требует наличия высококвалифицированных специалистов, обладающих широким спектром знаний и компетенций, формируемых в системе высшего и среднего специального образования по одной или нескольким программам, определяющим приоритетные ценности и цели, особенности содержания, организации учебно-методического обеспечения образовательного процесса.

Прогнозирование спроса на ИТ-специалистов позволяет компаниям профессионально ориентироваться на изменяющиеся требования рынка и повышать свою конкурентоспособность.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В ИТ-СФЕРЕ

ИТ-сфера в России характеризуется в последние несколько лет нехваткой кадров. По словам Д. Н. Чернышенко, вице-премьера Правительства РФ по вопросам развития информационных технологий, в 2023 г. спрос на сотрудников в ИТ-сфере вырос на 63% по сравнению с 2022 г., когда дефицит кадров оценивался в 1 млн человек¹. На начало 2023 г. на отечественном рынке было около 59 тыс. открытых ИТ-вакансий несмотря на то, что в 2019 г. был запущен национальный проект «Цифровая экономика», направленный

на преодоление кадрового дефицита и позволяющий привлекать в ИТ-сферу новых работников и обучать даже тех людей, кто изначально выбрал иное направление профессиональной деятельности [1].

В соответствии с программы профессиональной переподготовки — части федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли», который в свою очередь входит в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в 2022 г. обучались 110 тыс. студентов. Согласно прогнозам аналитиков ожидается, что к 2025 г. кафедры вузов обеспечат поступление в сферу ИТ-технологий свыше 385 тыс. человек, а к 2030 г. — более 900 тыс. человек².

В течение 2015–2020 гг. количество студентов, обучающихся по ИТ-специальностям, выросло на 31%³. При этом замечено, что имеется неравномерное распределение студентов, проходящих обучение по ИТ-программам, по субъектам Российской Федерации. Так, лидирующие позиции занимает Центральный федеральный округ — более 35% студентов, среди которых 22% приходятся на Москву; второе место у Приволжского федерального округа — 19%; на третьем месте находится Северо-Западный федеральный округ — 14%, из которых 12% обучаются в Санкт-Петербурге, и только 3% студентов, обучающихся по ИТ-специальности, выпускаются в Северо-Кавказском федеральном округе⁴.

Таким образом, очевидно, что обучение специалистов в ИТ-сфере осуществляется неравномерно с большим уклоном в сторону Центральной России, что, вероятно, вызывается как стремлением студентов находить работу по окончании учебы в крупных городах, так и качеством образования, которое считается лучшим в крупных вузах страны. Опрос НИУ ВШЭ также показал, что 50% студентов желают оставаться в городе, в котором они обучаются⁵.

На сегодняшний день наибольшим спросом пользуются программы обучения в ИТ-сфере по направлению «Информатика и вычислительная

² URL: <https://www.rbc.ru/society/07/08/2023/64cb96449a794736b42453b7?ysclid=lufetrhg1o548571085>.

³ URL: <https://publications.hse.ru/articles/801846326>.

⁴ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_труда_в_России_%28ИТ_и_телеком%29.

⁵ URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5941884>.

техника» — 58% студентов. За период 2019–2021 гг. статистика вузов показала положительную динамику набора студентов в большей части вузов, готовящих ИТ-специалистов: прирост обучаемых в анализируемой сфере варьируется от 10 до 25%. В 2020 г. количество студентов, обучающихся по ИТ-направлению, было равным 252,3 тыс. человек⁶.

В рамках исследования заслуживает рассмотрения динамика онлайн-образования, так как развитие онлайн-технологий привело к тому, что общие расходы на данную форму обучения превысили затраты на очное образование. Среди общих расходов на онлайн-образование по ИТ-специальностям направляются 21% выделяемых средств, или 46,6 млрд руб. При этом количество обучающихся по исследуемому направлению среди общего числа людей, получающих онлайн-образование, равно 17%, или 2550 тыс. человек [2].

ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА В СФЕРЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Российский рынок труда в ИТ-сфере, будучи одним из наиболее динамичных и быстроразвивающихся секторов экономики, продолжает непрерывно развиваться, охватывая широкий диапазон таких профессиональных областей, как программирование, тестирование программного обеспечения, разработка веб-сайтов, баз данных, мобильных приложений и т.д.

Согласно данным портала *Tadviser* в 2020 г. ИТ-сектор занял третье место по объему рынка труда в России, уступая только сферам оптовой и розничной торговли, а в 2021 г. согласно отчету компании *SuperJob* он стал лидером по количеству вакансий в России. Более того, рост числа вакансий в ИТ-секторе продолжается, что свидетельствует о динамичном развитии этой отрасли⁷.

Одной из особенностей российского рынка труда в ИТ-сфере является высокий спрос на высококвалифицированных специалистов. В связи с этим уровень зарплат в ИТ-секторе выше, чем в других отраслях экономики. Однако зарплаты в ИТ-секторе значительно различаются в размерах в зависи-

мости от конкретной профессиональной области и уровня квалификации работника.

Важной особенностью российского рынка труда в ИТ-сфере является высокий уровень конкуренции как среди работодателей, так и специалистов.

Кроме того, российский рынок труда, несмотря на санкции, наложенные странами Запада на ИТ-сектор, продолжает интегрироваться в мировую экономику. Российские компании в ИТ-секторе работают на международных рынках, предоставляя свои услуги и продукты в различных странах мира. С развитием технологий работники ИТ-сектора могут выполнять свои функциональные обязанности на удалении от офисов.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА В ИТ-СФЕРЕ

По результатам анализа статистических данных за 2023 г. можно сделать вывод об увеличении количества специалистов в ИТ-отрасли, несмотря на уход западных вендоров и сворачивание проектов внедрения иностранного программного обеспечения (далее — ПО), обусловив повышение спроса на отечественные ИТ-услуги (в том числе по поддержке и развитию ранее установленных зарубежных ИТ-систем), российскую облачную инфраструктуру (*Infrastructure as a Service, IaaS*).

Согласно данным замглавы Минцифры России М.В. Паршина количество занятых в ИТ-отрасли сотрудников за 2022 г. увеличилось на 12%, за 2023 г. — на 4%⁸. На ИТ-отрасль в 2023 г. приходилось более половины занятых в информационно-коммуникационных технологиях (далее — ИКТ). В 2022 г. отмечены две волны эмиграции ИТ-специалистов из России: в начале СВО — в феврале-марте и после объявления частичной мобилизации — в сентябре-октябре 2022 г. Соотношение ИТ-специалистов, желающих остаться, уехать и уже покинувших Россию, отражено на *рис. 1*.

Для исследуемой отрасли также характерна большая дифференциация данных в зависимости от выбираемого для анализа направления, так как уровень и темпы роста зарплат значительно меняются по направлениям ИТ-сектора. Размер зарплат в отрасли за год вырос более чем на 19%⁹. Согласно данным рейтинговой службы *HeadHunter* средняя

⁶ URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

⁷ Исследование российского рынка онлайн-образования: построение EdTech-экосистем, усиление роли государства, выход на международный рынок. URL: <https://netology.ru/blog/06-2022-edtech-research?ysclid=lufjos0py3671652814>.

⁸ URL: <https://www.interfax.ru/russia/896282>.

⁹ URL: https://www.ng.ru/economics/2023-04-12/1_8704_it.html.

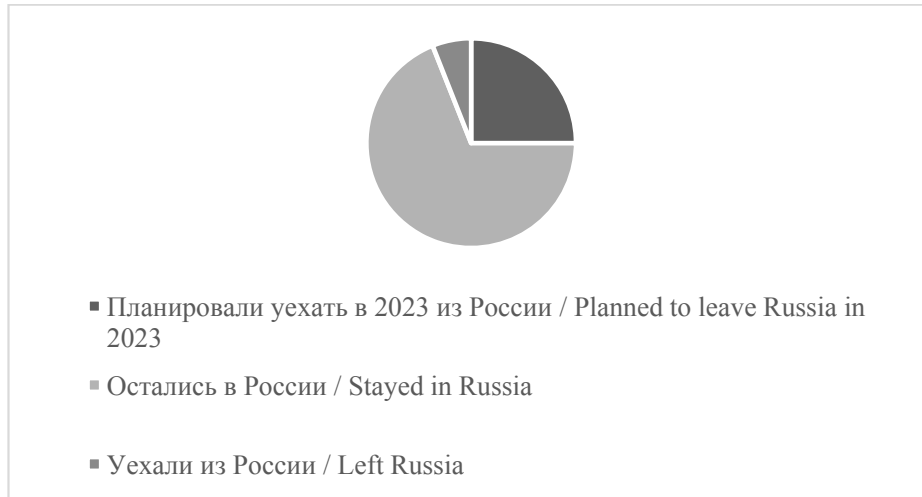

Рис. 1 / Fig. 1. Эмиграция среди ИТ-специалистов / Emigration among IT professionals

Источник / Source: URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmenenie-struktury-it-rynka-po-itogam-2022-goda-lgoty-razvitiye-importozameshchenie-rynok-it-spetsia/?ysclid=lfrcryxbf0570613797>.

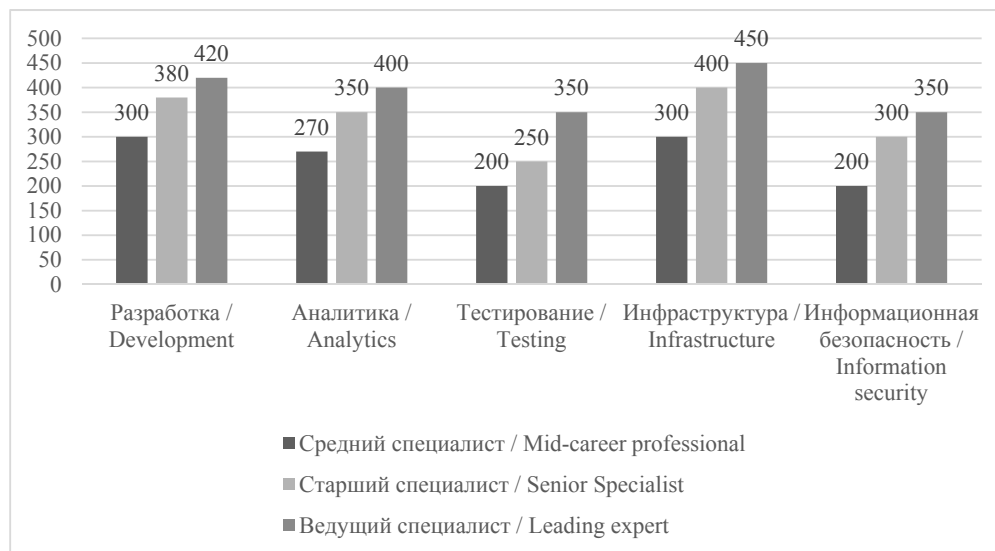

Рис. 2 / Fig. 2. Зарплаты ИТ-специалистов в России, тыс. руб. / Salaries of IT specialists in Russia, thousands rubles

Источник / Source: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%>

зарплата специалиста в ИТ-сфере в России составляла 90 тыс. руб. в 2019 г. За три года ее размер увеличился до 120 тыс. руб., при этом наибольшие зарплаты имеют специалисты по искусственному интеллекту, машинному обучению и анализу данных (рис. 2).

В части спроса и предложения ИТ-специалистов на рынке труда наблюдается дефицит кадров, проявляющийся в числе вакансий, превышающем количество размещенных резюме, как показано на рис. 3, отражая снижение численности разра-

ботчиков ПО в 2022 г. в связи с релокацией части сотрудников. Появление на рынке труда оставшихся в России специалистов из центров разработки зарубежных корпораций привело к парадоксальному уменьшению дефицита кадров в середине года.

Структурный анализ рынка труда в ИТ-сфере позволяет выявлять особенности его структуры и оценивать долю различных профессиональных категорий на рынке труда. Для этого проводятся исследования по направлениям работы, а также по уровню квалификации работников. Уход

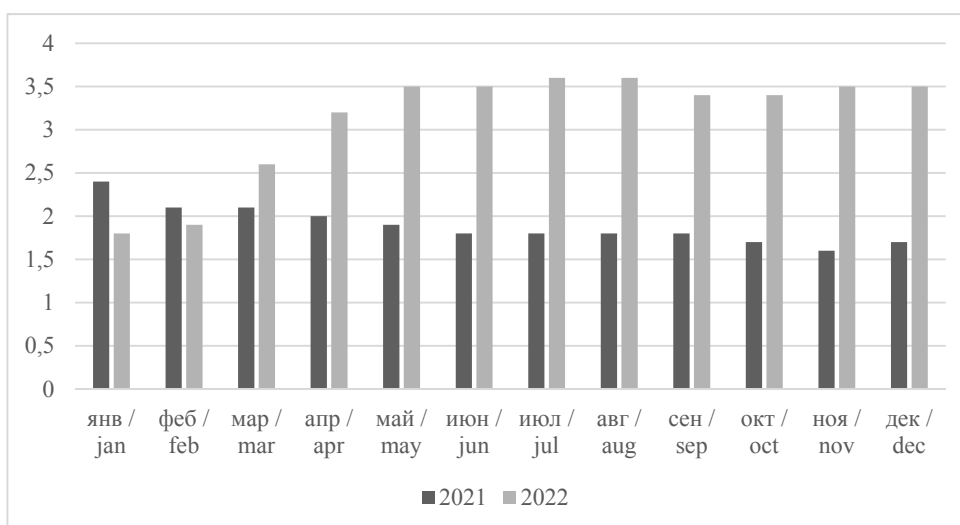

Рис. 3 / Fig. 3. Наличие ИТ-специалистов в России / Availability of IT specialists in Russia

Источник / Source: URL: <https://netology.ru/blog/06-2022-edtech-research?ysclid=lufjos0py3671652814>.

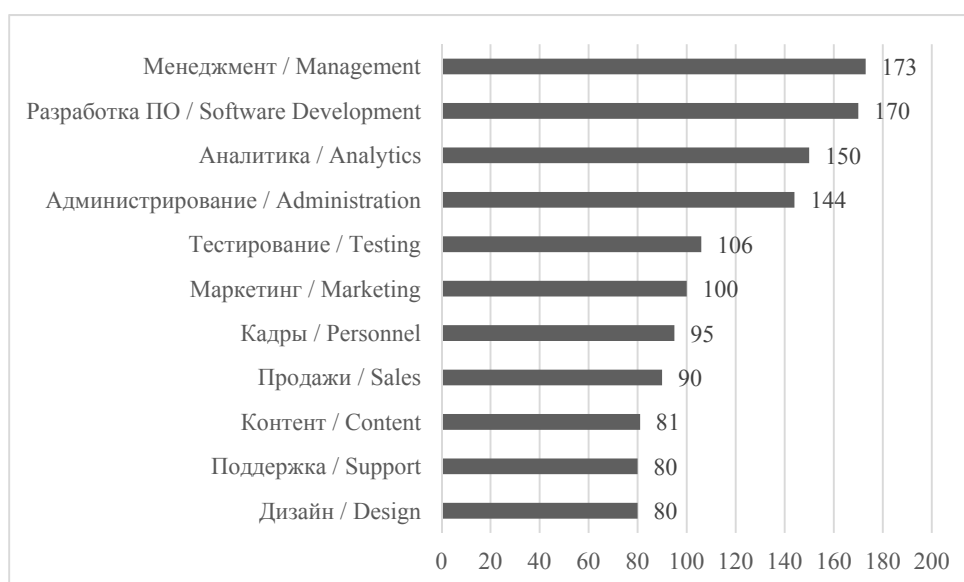

Рис. 4 / Fig. 4. Средние зарплаты работников ИТ-сферы по России в 2023 г., тыс. руб. / Average salaries of IT employees in Russia in 2023, thousand rubles

Источник / Source: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/65c1ec8d9a7947774e8c405f>.

крупнейших зарубежных вендоров с российского рынка стал стимулом к развитию отечественного ИТ-рынка и увеличению объема инвестиций в эту отрасль. По этой причине зарплаты работников отрасли остались относительно высокими, как это следует из рис. 4, на котором прослеживается зависимость уровня заработной платы от количества выделяемых инвестиций.

Диаграмма на рис. 4 отражает большой диапазон между самыми оплачиваемыми и менее оплачива-

емыми секторами ИТ-индустрии, что объясняется использованием зарплаты как инструмента воздействия с целью закрытия потребностей общества в большем/меньшем количестве определенных специалистов.

На этой основе формируется состав рынка труда в ИТ-сфере в части соотношения количества специалистов (рис. 5).

Из структуры рынка труда в ИТ-сфере следует, что наибольшую долю составляют создатели ПО

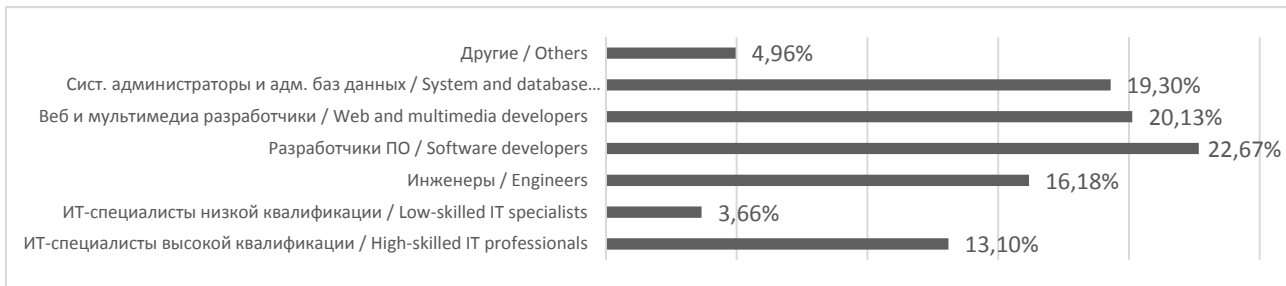

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение вакансий в ИТ-сфере / Distribution of vacancies in the IT sector

Источник / Source: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/65c1ec8d9a7947774e8c405f>.

(22,67%) и веб и медиа разработчики (20,13%). При этом наибольшая доля рынка приходится на специалистов с высшим образованием (примерно 60%). Около 25% работников имеют среднее профессиональное образование, а остальные — незаконченное высшее или не имеют образования в данной сфере, что характеризует большую гибкость отрасли в наеме работников. Важно отметить рост доли женщин в числе работающих в ИТ-сфере, равный 30%, что на 5% больше, чем в 2015 г.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СПРОСА НА НАВЫКИ НА РЫНКЕ ТРУДА В ИТ-СФЕРЕ

Согласно данным за 2022 г. в число наиболее востребованных навыков соискателей на занятие вакантных должностей вошли умения, связанные с программированием, обработкой информации, рейтинг наиболее востребованных знаний и навыков которых приведен на рис. 6.

Прогнозирование спроса на знания и навыки на рынке труда в сфере информационных технологий до 2029 г. является сложной задачей, так как этот сектор экономики является динамичным и быстро меняющимся, и многие новые технологии и направления могут появиться в ближайшие годы. Однако можно выделить несколько тенденций, которые могут оказывать влияние на спрос на знания и навыки в ИТ-сфере в ближайшем будущем. Пандемия коронавируса лишь ускорила продолжающийся развиваться этот процесс. Однако при этом следует учитывать, что изменения на рынке труда вызваны не только технологическими преобразованиями, но и экономическим кризисом, что может приводить к потере рабочих мест. Для сохранения своей конкурентоспособности на рынке труда работник должен постоянно обновлять свои знания и следить за новыми тенденциями в ИТ-сфере.

В ближайшее десятилетие наиболее востребованными на рынке труда будут инженеры по обработке данных и машинному обучению, программисты, инженеры-робототехники, программисты станков с компьютерным управлением, инженеры по обеспечению безопасности, архитекторы структуры безопасности.

Искусственный интеллект (*artificial intelligence, AI*) и машинное обучение (*machine learning, ML*) будут продолжать развиваться и найдут применение в разных отраслях экономики. Спрос на специалистов, обладающих навыками в области *AI* и *ML*, будет расти. Большое внимание будет уделяться инфо- и кибербезопасности. Спрос на специалистов в этой области также будет увеличиваться. Цифровая трансформация будет продолжаться и ускоряться, что потребует большого количества ИТ-специалистов.

ПРОГНОЗ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ РЫНКА ТРУДА В ИТ-СФЕРЕ

В ближайшие годы произойдет существенное изменение структуры рынка труда в ИТ-сфере в России вследствие быстрого развития технологий.

В настоящее время большая часть работников ИТ-сферы состоит из программистов, разработчиков программ, тестировщиков и аналитиков. Однако в ближайшие годы данная ситуация изменится. На рынке труда в ИТ-сфере появятся новые профессии, которые будут связаны с разработкой и внедрением новых технологий. Кроме того, все большее количество компаний начнет применять технологии искусственного интеллекта, что обусловит появление новых профессий в области машинного обучения и нейронных сетей.

Что касается общих показателей по рынку труда в Российской Федерации, то в 2010 г. совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы населения составил 9,4%, что является

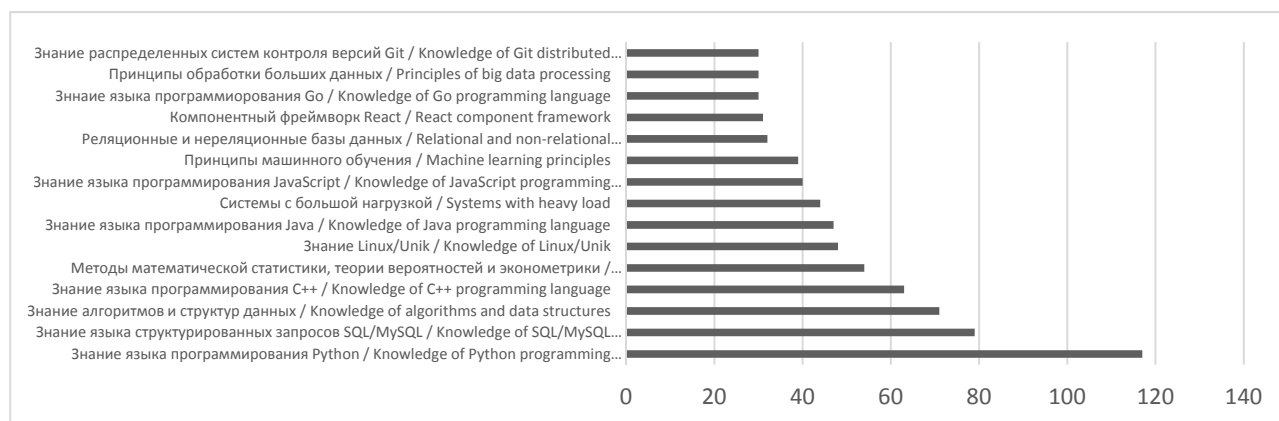

Рис. 6 / Fig. 6. Топ-15 наиболее востребованных навыков в ИТ-сфере в 2022 г. / Top 15 most in-demand IT skills 2022

Источник / Source: URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmenenie-struktury-it-rynka-po-itogam-2022-goda-lgoty-razviti-importozameshchenie-rynok-it-spetsia/?ysclid=lhfcryxbf0570613797>.

ся достаточно высоким уровнем безработицы. В течение следующих лет уровень безработицы начал снижаться и к 2018 г. достиг 6,2%, свидетельствуя о том, что экономика страны находилась в стабильном состоянии и предоставляла достаточное количество рабочих мест для населения. Однако в 2020 г. уровень безработицы вновь вырос и достиг 7,8% из-за пандемии коронавируса, повлияв на многие отрасли экономики и вызвав сокращение рабочих мест. Тем не менее уже в 2021 г. уровень безработицы снизился до 6,4%, что свидетельствует о постепенном восстановлении экономики (рис. 7).

Прогноз на ближайшие годы показывает дальнейшее снижение уровня безработицы. Так, в 2024 г. показатель безработицы составит 5,6%, а в 2029 г. — 4,8%¹⁰. Это свидетельствует о том, что экономика страны будет продолжать восстанавливаться и предоставлять достаточное количество рабочих мест для населения.

В 2015 г. число трудоустроенных выпускников образовательных учреждений составляло 1606,5 тыс. человек. Однако в 2016 г. этот показатель снизился на 15,3% и составил 1367,6 тыс. человек, что свидетельствует о резком падении числа трудоустроенных выпускников системы высшего и среднего специального образования на рынке труда. Далее, в 2017 г., число трудоустроенных выпускников образовательных учреждений еще больше уменьшилось и достигло 940,8 тыс.

¹⁰ URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

человек. Однако в 2018 г. произошло некоторое улучшение, и число трудоустроенных выпускников выросло до 1199,6 тыс. человек. Дальнейший прогноз показывает постепенное снижение числа трудоустроенных выпускников образовательных учреждений до 2028 г. Так, в 2019 г. число трудоустроенных выпускников составило 1001,9 тыс. человек, а в 2020 г. — 940,3 тыс. человек. В период 2024–2028 гг. число трудоустроенных выпускников образовательных учреждений продолжит снижаться, но уже более плавно. Тем не менее, несмотря на спад показателей, следует отметить, что остальное количество самозанятых будет приходиться на онлайн-сектор, который как раз и будет прогрессировать (рис. 8).

Исходя из данных, указывающих на объем ИТ-рынка России, который включает расходы населения и корпоративного сектора, можем заметить, что объем ИТ-рынка России будет продолжать увеличиваться в ближайшие десятилетия (рис. 9). Это вызвано быстрым развитием технологий, появлением новых услуг и продуктов в ИТ-сфере, а также расширением географических рынков.

Одним из основных факторов, увеличивающих объем ИТ-рынка России, является быстрое развитие цифровой экономики. Все больше компаний и организаций переходят на цифровые технологии для оптимизации бизнес-процессов и улучшения управления. В связи с этим спрос на ИТ-услуги и продукты будет расти (рис. 10). Кроме того, прогнозируется, что объем ИТ-рынка России будет увеличиваться благодаря появлению новых тех-

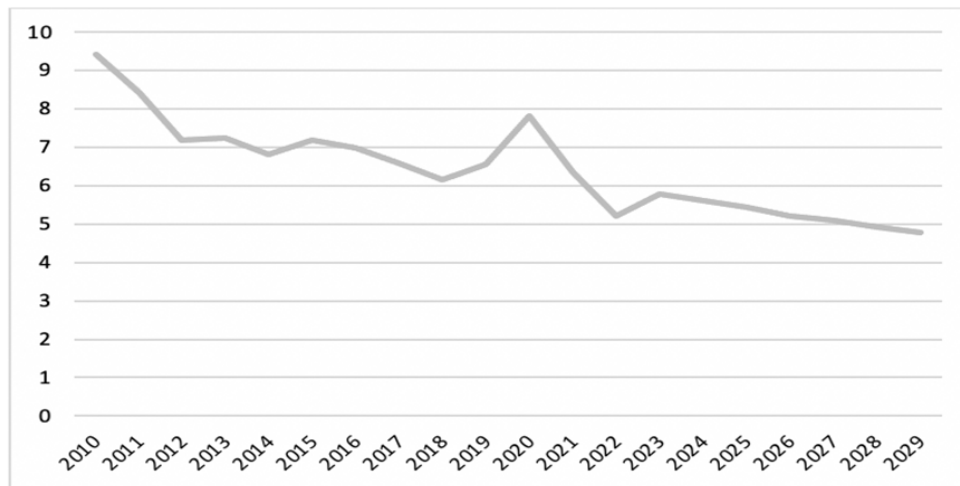

Рис. 7 / Fig. 7. Прогноз совокупного показателя уровня безработицы и потенциальной рабочей силы населения до 2029 г. (в процентах) / Projection of aggregate unemployment rate and potential labour force of the population up to 2029 (in percent)

Источник / Source: URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

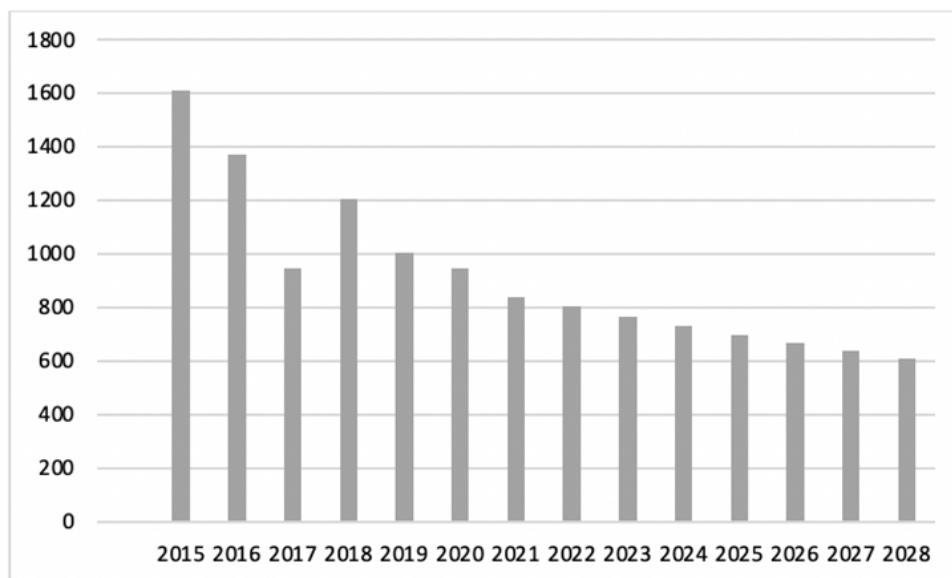

Рис. 8 / Fig. 8. Прогноз численности занятых (трудоустроенных) выпускников до 2028 года (тыс. чел.) / Forecast of the number of employed (employed) graduates until 2028 (thousand people)

Источник / Source: URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

нологий и продуктов, таких как искусственный интеллект, интернет вещей. Эти технологии будут использоваться в различных сферах, включая медицину, промышленность, логистику, транспорт и т.д.

Российский рынок информационных технологий является одним из ключевых сегментов экономики страны. В настоящее время ИТ-компании в России испытывают дефицит высококвалифи-

цированных кадров. В связи с этим специалисты в ИТ-области являются одними из наиболее востребованных на рынке труда. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что спрос на выпускников системы высшего и среднего специального образования ИТ-сферы будет продолжать расти в ближайшие годы. Согласно прогнозам количество выпускников образовательных учреждений

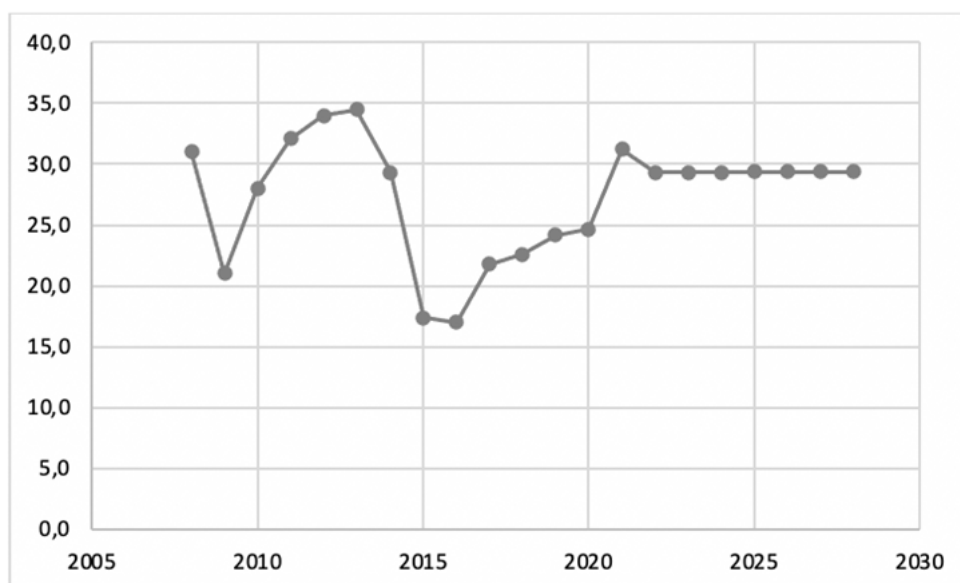

Рис. 9 / Fig. 9. Прогнозирование объема ИТ-рынка (млрд долл. США) / IT market volume forecast (billion, \$)

Источник / Source: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%>.

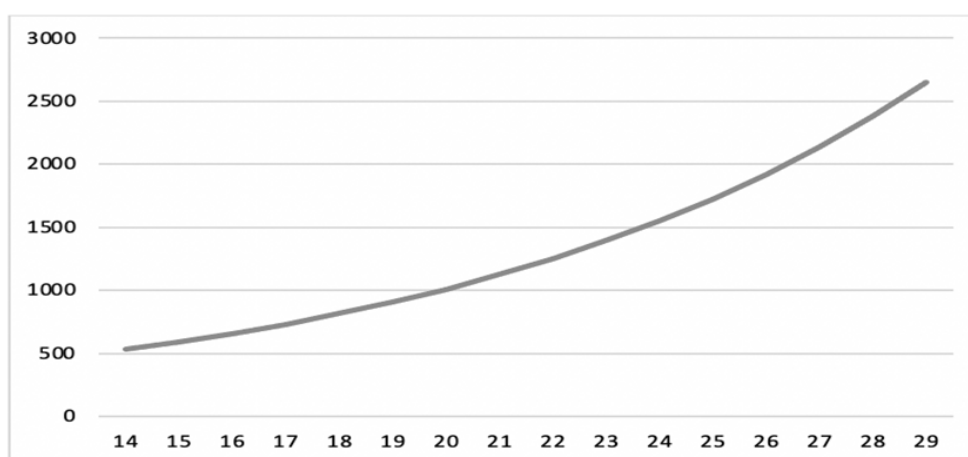

Рис. 10 / Fig. 10. Прогноз реализации товаров и услуг организациями ИТ-отрасли (млрд руб.) / Forecast of sales of goods and services by IT industry organisations (billion rubles)

Источник / Source: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%>.

ИТ-направлений до 2028 г. будет увеличиваться в России вследствие того, что в России реализуется ряд программ и инициатив, направленных на развитие образования в ИТ-области (рис. 11). В частности, российские вузы активно развивают ИТ-направления, привлекая квалифицированных преподавателей и используя современные технологии обучения. Кроме того, Правительство РФ продолжает поддерживать развитие ИТ-образования в стране. В рамках национального проекта

«Цифровая экономика» были запущены программы, направленные на поддержку ИТ-образования, в том числе на создание центров компетенций и поддержку инновационных проектов в этой области. Стоит отметить нововведенный проект АНО «Университет Национальной технологической инициативы 2035» под названием «Искусственный интеллект», который позволяет повышать квалификацию в области искусственного интеллекта, больших данных и нейросетей. Другими словами,

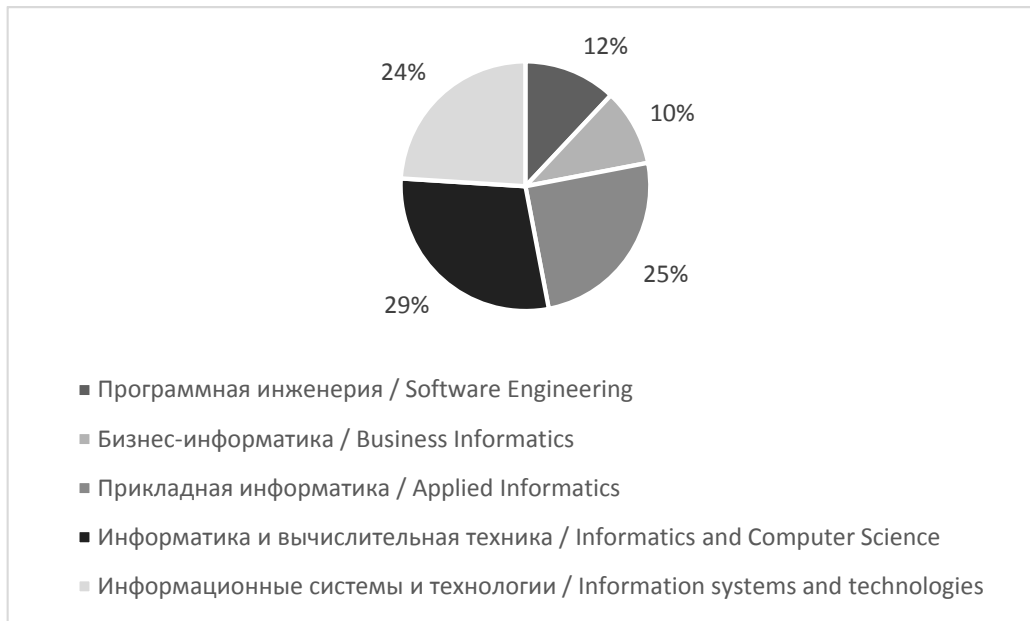

Рис. 11 / Fig. 11. **Топ-5 наиболее востребованных ИТ-специальностей / Top-5 most in-demand IT specialisations**

Источник / Source: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%>.

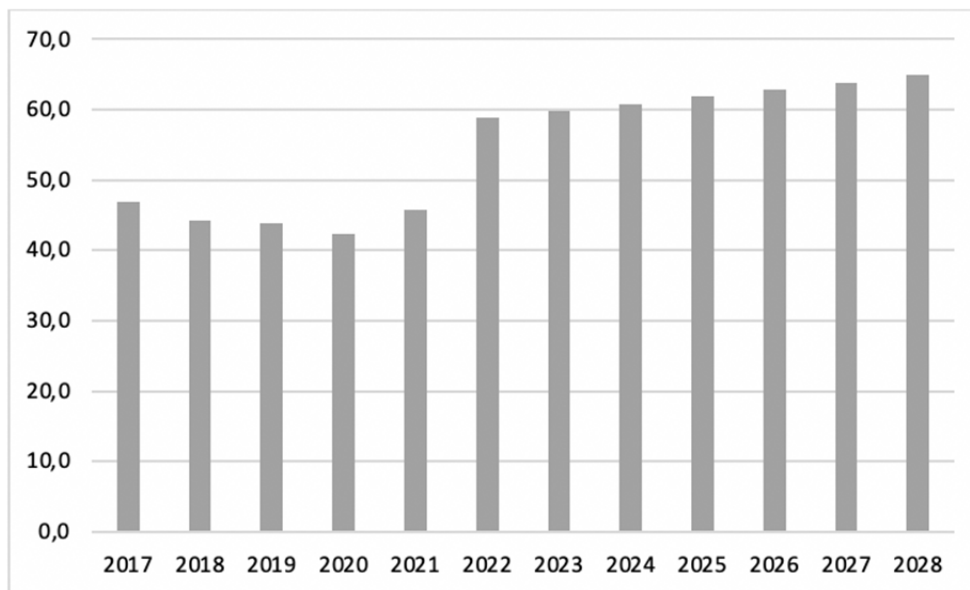

Рис. 12 / Fig. 12. **Количество выпускников вузов ИТ-направлений / Number of IT graduates**

Источник / Source: URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

увеличение количества выпускников ИТ-направлений в России до 2028 г. будет способствовать снижению дефицита квалифицированных кадров в этой области и обеспечит рост развития ИТ-сектора в стране (рис. 12).

Таким образом, прогноз изменения структуры рынка труда в ИТ-сфере в России показывает, что

в ближайшие годы на рынок труда будут входить все больше специалистов в области новых технологий, машинного обучения и нейронных сетей. Вместе с тем на рынке труда будет расти спрос на специалистов с профессиональными знаниями в области бизнеса. Эти изменения требуют от работников ИТ-сферы постоянного обучения и совершенство-

вания своих профессиональных навыков, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда.

ВЫВОДЫ

В рамках анализа и прогнозирования изменений на российском рынке труда в сфере информационных технологий в настоящей статье были рассмотрены характеристики российского рынка труда,

который является одним из наиболее динамичных и быстроразвивающихся секторов экономики.

На сегодняшний день рынок труда в ИТ-сфере претерпел множество изменений и подвергся влиянию различных факторов, в том числе ухудшающих его положение. Согласно проведенному анализу для российского рынка труда характерны признаки будущего кадрового дефицита в ИТ-специалистах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусев А.А. Цифровизация трудовых отношений и ее влияние на производительность труда и стоимость компаний. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(6):39–47.
2. Меликян А.В. Подготовка ИТ-специалистов в российских вузах: статистический анализ. *Вопросы статистики*. 2022;29(6):74–83. DOI: 10.34023/2313–6383–2022–29–6–74–83
3. Левицкая А.Н. Российский рынок труда в условиях дефицита молодых специалистов: проблемы и перспективы развития. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022;(1):159–168.
4. Томакова Р.А., Томаков В.И. Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году. *Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022;(1):150–166.
5. Терников А.А., Александрова Е.А. Спрос на навыки на рынке труда в сфере информационных технологий. *Бизнес-информатика*. 2020;(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spros-na-navyki-na-rynke-truda-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy>.
6. Ляшок В.Ю. Санкции и российский рынок труда: эффект пока неочевиден. *Экономическое развитие России*. 2022;(8):50–55.

REFERENCES

1. Gusev A.A. Digitalisation of labour relations and its impact on labour productivity and the value of companies. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(6):39–47. (In Russ.).
2. Melikyan A.V. Training of IT-specialists in Russian universities: statistical analysis. *Voprosy statistiki = Statistical issues*. 2022;29(6):74–83. (In Russ.). DOI: 10.34023/2313–6383–2022–29–6–74–83
3. Levitskaya A.N. Russian labour market in conditions of young specialists' deficit: problems and prospects of development. *Izvestiya St. Petersburg State Economic University*. 2022;(1):159–168. (In Russ.).
4. Tomakova R.A., Tomakov V.I. Russian labour market in the sphere of information technologies in 2021. *Izvestia South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2022;(1):150–166. (In Russ.).
5. Ternikov A.A.; Aleksandrova E.A. Demand for skills on the labour market in the field of information technologies. *Biznes-informatika = Business Informatics*. 2020;(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spros-na-navyki-na-rynke-truda-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy>. (In Russ.).
6. Lyashok V.Y. Sanctions and the Russian labour market: the effect is not yet obvious. *Ehkonomicheskoe razvitie Rossii = Economic Development of Russia*. 2022;(8):50–55. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Андрей Алексеевич Гусев — кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия

Andrey A. Gusev — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of corporate finance and corporate governance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9307-1390>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

gusevaa@yandex.ru

Елизавета Вадимовна Медведева — стажер-исследователь, группа «Методология совершенствования воспитательных практик в развитии молодежи», Финансовый университет, Москва, Россия

Elizaveta V. Medvedeva — Research Intern, “Methodology for Improving Educational Practices in Youth Development” group, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7054-1326>

medv.liza70@gmail.com

Александра Сергеевна Григорьева — стажер-исследователь, группа «Методология совершенствования воспитательных практик в развитии молодежи», Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandra S. Grigorieva — Research Intern, “Methodology for Improving Educational Practices in Youth Development” group, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-2530-4741>

aleksandra0932@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. А. Гусев — методология проведения исследования, критический анализ литературы, описание полученных результатов, формирование выводов исследования.

Е. В. Медведева — формулировка цели, задач исследования, критический анализ литературы, описание полученных результатов.

А. С. Григорьева — сбор статистических данных, графическое представление результатов, формирование выводов исследования.

Authors' Contribution Statement:

Andrey A. Gusev — methodology of the research, critical analysis of the literature, description of the results obtained, formation of conclusions of the study.

Elizaveta V. Medvedeva — formulation of the purpose, objectives of the study, critical analysis of the literature, description of the results obtained.

Alexandra S. Grigorieva — collection of statistical data, graphical representation of the results, formation of research conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.05.2024; принята к публикации 19.07.2024.

The article was received 11.05.2024; accepted for publication 19.07.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-123-133
УДК 339.5453(045)
JEL H27, G18, F13

Обеспечение технологического суверенитета России: роль таможенных инструментов

А.А. Костин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Развитие российской промышленности, ориентированной на экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью, обуславливает необходимость поиска новых и совершенствования уже имеющихся таможенных инструментов защиты отечественной промышленности.

Предмет исследования — таможенный инструментарий, используемый в качестве защитного механизма отраслей промышленности России и способа стимулирования промышленного производства продукции.

Цели работы — определение содержания понятия таможенного инструментария, поиск возможных направлений защиты отечественной промышленности с использованием таможенных инструментов. Установлено, что принятые меры по импортозамещению иностранной продукции носят преимущественно общий вертикальный характер и не учитывают горизонтальной диверсификации промышленного производства. Сформулированы предложения по уточнению понятия таможенных инструментов защиты технологического суверенитета в формировании благоприятной и конкурентоспособной среды как для российских экспортеров, так и для импортеров. *Сделан вывод* о целесообразности трансформации государственной политики в части применения таможенно-тарифного регулирования с целью поощрения инновационной составляющей деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: таможенная политика; таможенное регулирование; рестрикции; таможенные инструменты; таможенный тариф; таможенная пошлина

Для цитирования: Костин А.А. Обеспечение технологического суверенитета России: роль таможенных инструментов. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):123-133. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-123-133

ORIGINAL PAPER

Ensuring Russia's Technological Sovereignty through Customs Instruments

А.А. Костин

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The development of the Russian industry focused on the export of goods with high added value in modern conditions necessitates the search for new and improvement of existing customs instruments for the protection of domestic industry. *The subject of the study* is customs tools used as a protective mechanism of Russian industries and a way to stimulate industrial production.

The purpose of the work is to determine the content of the concept of customs tools, to search for possible ways to protect domestic industry using customs tools. It has been established that the current import substitution measures are mainly general, vertical in nature and do not take into account the horizontal diversification of industrial production. Proposals have been formulated to clarify the concept of customs protection instruments in order to create a favorable and competitive environment for both Russian exporters and importers. *The conclusion* is made about the expediency of transforming state policy in terms of the application of customs and tariff regulation, in order to encourage the innovative component of the activities of economic entities.

Keywords: customs policy; customs regulation; restrictions; customs instruments; customs tariff; customs duty

For citation: Kostin A.A. Ensuring Russia's technological sovereignty through customs instruments. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(4):123-133. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-123-133

© Костин А.А., 2024

Традиционно структура экономики подразделяется на отрасли материального (сельское хозяйство, рыболовство, добывающая и обрабатывающая промышленности, производство электроэнергии и т. д.) и нематериального (оказание услуг, выполнение определенных работ) производства. Добывающая и обрабатывающая промышленности в структуре материального производства занимают ведущие места, что предполагает необходимость оценки их экономической эффективности посредством макроэкономических показателей (валового внутреннего продукта, производительности труда и т. д.).

Однако развитие отечественной промышленности оказалось под воздействием большого количества негативных факторов, влияние которых нивелируется в том числе посредством применения таможенных инструментов, которые в настоящее время становятся еще и защитными механизмами в рамках осуществления регулирования внешней торговли в условиях формирующейся в государстве системы импортозамещающих производств, предназначенной для обеспечения технологического суверенитета страны.

Особое значение для его обеспечения имеет подготовка высококвалифицированных кадров. Не случайно в своем Послании Федеральному Собранию В. В. Путин указал на основные способы обеспечения эффективности деятельности российских вузов, а именно: на реализацию технологических проектов в регионах, создание реально работающих инновационных компаний и стартапов и пр.¹, что в свою очередь требует подготовки высококвалифицированных специалистов для сферы таможенно-тарифного регулирования с тем, чтобы реализация стратегии обеспечения технологического суверенитета России реализовывалась комплексно с опорой на интересы потребителей иностранной продукции, а также на поддержку российских экспортеров, защиту отечественных производителей товаров для внутреннего рынка, формирование сбалансированного механизма регулирования внешней торговли на основе лучшей зарубежной практики.

Подготовка высококвалифицированных специалистов для сферы таможенно-тарифного регулирования необходима не только для реального сектора экономики, кадры нужны и в таможенных органах,

обеспечивающих соблюдение таможенных правил. Поэтому неслучайно одним из целевых ориентиров Стратегии-2030² ФТС России является повышение эффективности управления кадровым составом таможенных органов посредством как сохранения высококвалифицированного кадрового состава, так и привлечения молодых специалистов на службу в таможенные органы.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕСТРИКЦИЙ

Из анализ макроэкономических показателей следует, что в условиях текущего социально-экономического положения России, осложненного рестрикционным давлением со стороны основных (в прошлом) торгово-экономических партнеров (в период расцвета внешней торговли в 2012–2013 гг., когда на «недружественные» страны в совокупности приходилось около 65% всего внешне-торгового оборота Российской Федерации), наше государство пытается не только стабилизировать ситуацию на рынке, но и наращивать объемы добычи полезных ископаемых, увеличивать выпуск товаров, усилить внешнеэкономическую деятельность.

В частности, рост валового внутреннего продукта (далее — ВВП) в 2015–2023 гг. показывал отрицательную динамику, когда ведущими иностранными торгово-экономическими партнерами вводились рестрикции, что вынудило Российскую Федерацию отвечать принятием зеркальных мер.

Несмотря на существенные ограничения в ведущих отраслях экономики, России удалось благодаря принятию широкомасштабных мер государственной поддержки и стимулирования экономической деятельности преодолеть стагнацию в экономическом развитии, и в 2016–2019, 2021, 2023 гг. российская экономика показывала существенный рост.

При этом происходило снижение деловой активности, объемов производства и уровня инвестиций в добывающей промышленности, которое наблюдалось в постковидный период. Санкции только укрепили тенденцию к спаду в экономической деятельности. Однако следует заметить, что объемы добывающей промышленности находятся в тесной зависимости от экспорта энергосырья, и в данном

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 29.02.2024. Российская газета. 01.03.2024. № 46.

² Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года». Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3572.

контексте любые изменения конъюнктуры внешнего рынка, введение ограничений извне (например, потолок цен на российские энергоносители) или принятие добровольных мер по ограничению добычи сырья (например, в настоящее время Россия ограничивает добычу нефти) оказывают влияние на объемы производства добывающей промышленности.

В то же время достаточно уверенный рост показывает обрабатывающая промышленность. В частности, после спада в 2022 г. на 2% в 2023 г. фиксируется рост на 7,0%. Наибольшего увеличения объемов производства в 2023 г. удалось достигнуть в выпуске компьютеров, электронных и оптических изделий, мебели, автотранспортных средств, прицепов, прочих транспортных средств, электрического оборудования.

Для более объективной оценки создавшегося в экономике положения необходим анализ динамики влияния ценового фактора на объем выпущенной продукции. С учетом индекса-дефлятора согласно предварительным оценкам Госкомстата России рост ВВП в 2023 г. в сравнении с 2022 г. составил 3,6%, а в сравнении с 2021 г. — 2,3%³. Все это указывает на процессы, позитивно влияющие на ускорение темпов роста: в частности, повышения внутреннего спроса на промышленные товары удалось достичь посредством импортозамещения при одновременном повышении оплаты труда работников и доходов предпринимателей.

Промышленность России в настоящее время подвержена влиянию как внутренних, так и внешних факторов. С учетом того, что на добывающую и обрабатывающую промышленности приходится традиционно около 30% ВВП страны, любые изменения в данных отраслях экономики влияют на остальные направления социально-экономического развития страны. Именно добывающая и обрабатывающая промышленности выступают основой технологического и инновационного прогресса, что закрепляет за материальным производством основополагающую роль в экономике государства. Ее внутренними факторами, как правило, выступают организационные, социально-экономические, управленческие, технологические, кадровые, инновационные факторы. К внешним факторам относятся внешняя

и внутренняя политика государства, наличие/отсутствие материальных ресурсов, в том числе сырья, материалов, финансовых средств, действие таможенных инструментов, которые используются в целях защиты тех или иных отраслей промышленности страны. Например, А. В. Техов, выделяя основные группы факторов, влияющие на развитие промышленных предприятий, отмечает, что «внешние факторы среды, как правило, создают угрозы, вводят ограничения, или создают условия для развития, глубоко затрагивая все стороны деятельности предприятия» [1, с. 56]. В данном случае таможенная политика, выступая частью как внешней, так и внутренней политики государств, оказывает существенное влияние на развитие отечественной промышленности.

ЗАВИСИМОСТЬ СОСТОЯНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ОТ ВВП РОССИИ

Внешняя торговля Российской Федерации, складываясь традиционно из внешней торговли товарами и оказания услуг, оценивается по ее вкладу в формирование ВВП. Так, доля экспорта в ВПП в текущих ценах варьировалась с 28,5% в 2019 г., до 25,5% — в 2020 г., 29,8% — в 2021, 28,0% — в 2022 и 23,1% — в 2023 г. (рис. 1). В 2021 и 2022 гг. наблюдался колоссальный разрыв в российском экспорте и импорте, когда сумма чистого экспорта (разницы между экспортом и импортом) достигала 12,5 и 19,9 трлн руб. соответственно. Указанный дисбаланс объясняется рядом факторов, основными из которых выступают пандемия коронавируса и связанные с ней сокращение спроса на товары, уменьшение промышленного производства, сокращение объемов международной торговли и т.д.

Анализ данных, представленных на рис. 1, позволяет прийти к выводу, что внешняя торговля Российской Федерации оказалась достаточно устойчивой к текущим экономическим, геополитическим и конъюнктурным изменениям.

Во время проведения специальной военной операции (далее — СВО) усилилось давление экономических и политических рестрикций со стороны недружественных государств по отношению к России и ее экспортерам. Уже к апрелю 2022 г. возникла нестабильная ситуация, выражавшаяся в скачках цен на энергоресурсы, удорожании логистики, что побудило Россию изменить направление внешнеэкономических связей с Западом на Восток.

³ Национальные счета. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

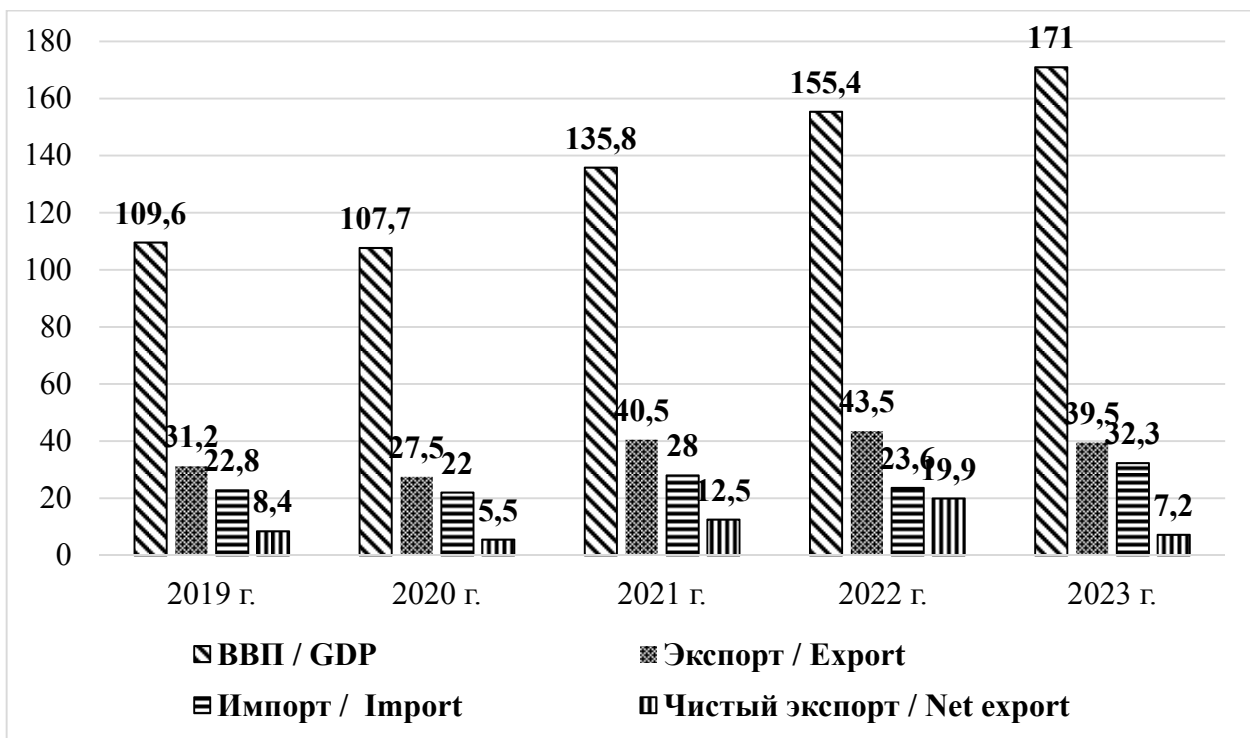

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика показателей внешней торговли в валовом внутреннем продукте по методу использования доходов (в текущих ценах, трлн руб.) / Dynamics of foreign trade indicators in gross domestic product by income utilization method (in current prices, trillion rubles)

Источник / Source: составлено автором по данным Госкомстата России: национальные счета: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> / compiled by the author according to the data of the State Statistics Committee of Russia: National Accounts. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

В результате резкого снижения объемов российской внешней торговли не произошло.

Для многих стало очевидно, что изоляция Российской Федерации — практически невыполнимая задача. Например, в части импорта товаров Турция за несколько месяцев получила статус «российского хаба»: большинство товаров из недружественных стран стало импортироваться в Россию именно через нее.

Если оценивать санкционную политику недружественных государств посредством эффекта «ловушки большой страны», суть которой заключается в том, что если государство выступает ключевым игроком на каком-либо рынке, то ограничение поставок приводит к росту мировых цен и глобальному изменению ценовой конъюнктуры мирового рынка энергоресурсов, что заставило Российскую Федерацию диверсифицировать географию экспортных поставок, хотя для активизации участия таких стран, как Индия, Китай, Иран, России пришлось пойти на временные уступки, в том числе путем предоставления скидок и льгот.

При этом недополучение ожидаемых поступлений денежных средств из-за снижения объема поставок энергоресурсов на внешние рынки удалось компенсировать за счет роста мировых цен.

На сегодняшний день в российской промышленности наблюдается высокий уровень импортозависимости, особенно от поставок оборудования, машин и механизмов из стран Европейского союза, США, Японии и других недружественных стран. Данная продукция еще попадает на российский рынок, но в настоящее время в недружественных странах продвигается идея, предполагающая внесение в международные контракты положения о запрете перепродажи товаров, закупленных в США, ЕС и других странах, в Российскую Федерацию. В случае, если такая перепродажа будет осуществлена, санкции будут применены к посреднику (посредникам).

Конечно, такое условие ставит под сомнение саму сущность принципа свободы договора, предполагающего, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора и понуждение

к заключению договора не допускается, еще раз служит доказательством того, что санкции недружественных стран представляют собой на самом деле рестрикции, под которыми подразумеваются ограничение производства, продажи и экспорта товаров для получения монопольных прибылей; ограничение банками и государством размеров кредита в целях сдерживания инфляции.

Безусловно, снижать негативное влияние санкций необходимо, но не стоит считать это действие самоцелью.

Постепенное развитие российской промышленности вкупе с улучшением контактов со странами, у которых есть желание сотрудничать с Российской Федерацией, в дальнейшем принесет свои плоды. Уже сейчас происходит активная переориентация российских компаний на растущие азиатский и африканский рынки. При всех существующих ограничениях в последние два года на фоне снижения поставок российского газа в Европу с использованием трубопроводов, растет объем поставок СПГ, причем дороже в три–пять раз. Это еще раз свидетельствует о несвоевременности введенных Европой рестрикций и невозможности отказаться от поставок энергоресурсов из России.

Вместе с тем внешняя торговля товарами согласно данным ФТС России в 2023 г. сократилась на 16,6% по сравнению с 2022 г. Анализ представленной статистики позволяет прийти к выводу, что внешняя торговля России, находящаяся под давлением в течение последние десять лет, в 2022 г. приблизилась к своему лучшему результату без учета изменения цен.

К тому же систематическое давление, оказываемое на российский экспорт, негативно отражается на его объемах. В первую очередь речь идет о зависимости российского экспорта от цен на мировых рынках, и их падение неоднократно приводило к существенному снижению получаемых доходов от экспортной деятельности. Между тем профицит внешней торговли России демонстрирует правильность курса на использование имеющихся естественных преимуществ участия в международной торговле. В 2023 г. произошел существенный спад в экспортной деятельности на фоне сокращения поставок российской сырьевой продукции на внешние рынки. Это было ожидаемое сокращение после стремительного наращивания поставок энерго сырья, в том числе на льготных условиях в 2022 г. В 2023 г. прогнозируемо вырос на 10% по сравнению

с 2022 г. импорт товаров, что было обусловлено как укреплением рубля, так и удорожанием логистики, что само по себе приводило к повышению цен на закупаемые товары.

Таким образом, внешняя торговля России не только подвержена влиянию со стороны различных факторов, но и сама способна оказывать воздействие (прямое и косвенное) на экономику страны.

Если рассматривать прямое воздействие внешней торговли на экономическое развитие государства, следует обратить внимание на существенный вклад в ВВП страны чистого экспорта: на протяжении последних 13 лет в среднем доля чистого экспорта в ВВП составляла ежегодно 7,2%, без учета косвенного влияния экспортно-импортных операций на те или иные отрасли экономики (рис. 2). Такое косвенное влияние проявляется в том числе посредством попадания российской промышленности в зависимость от импорта (компонентов, узлов, агрегатов и т.д.) или экспорта своей продукции (как, например, в ситуации с экспортом российского сырья, когда отсутствие/сокращение вывоза производимых товаров ведет к нерентабельности их производства только для внутреннего рынка в сочетании с низким спросом, тем самым не позволяя производителям достигать эффекта масштаба).

Следует согласиться с Л.А. Сахаровой в том, что «учитывая глубину взаимосвязи индустриального сектора со всем хозяйственным комплексом, снижение рентабельности промышленных производств приведет к цепному замедлению производства в других секторах экономики» [2, с. 154].

При оценке зависимости российской промышленности от внешней торговли следует обратиться к ряду проведенных в последние годы исследований. Так, в одном из них проведена оценка зависимости российской промышленности от импорта товаров, в том числе критически важных для отечественной промышленности [3, с. 46–49]. В частности, отмечается, что, как правило, «крупные страны — экспортеры продукции передовых производств являются также крупными импортерами продукции передового производства» — именно в этом, по нашему мнению, проявляется экономическая устойчивость государства. Совсем другое дело, если закупать дорогостоящее технологическое оборудование для его использования в добывающей промышленности и, как следствие, быть подверженным высоким рискам в случае сокращения или прекращения такого импорта. Такая модель долгие годы была присуща Российской Феде-

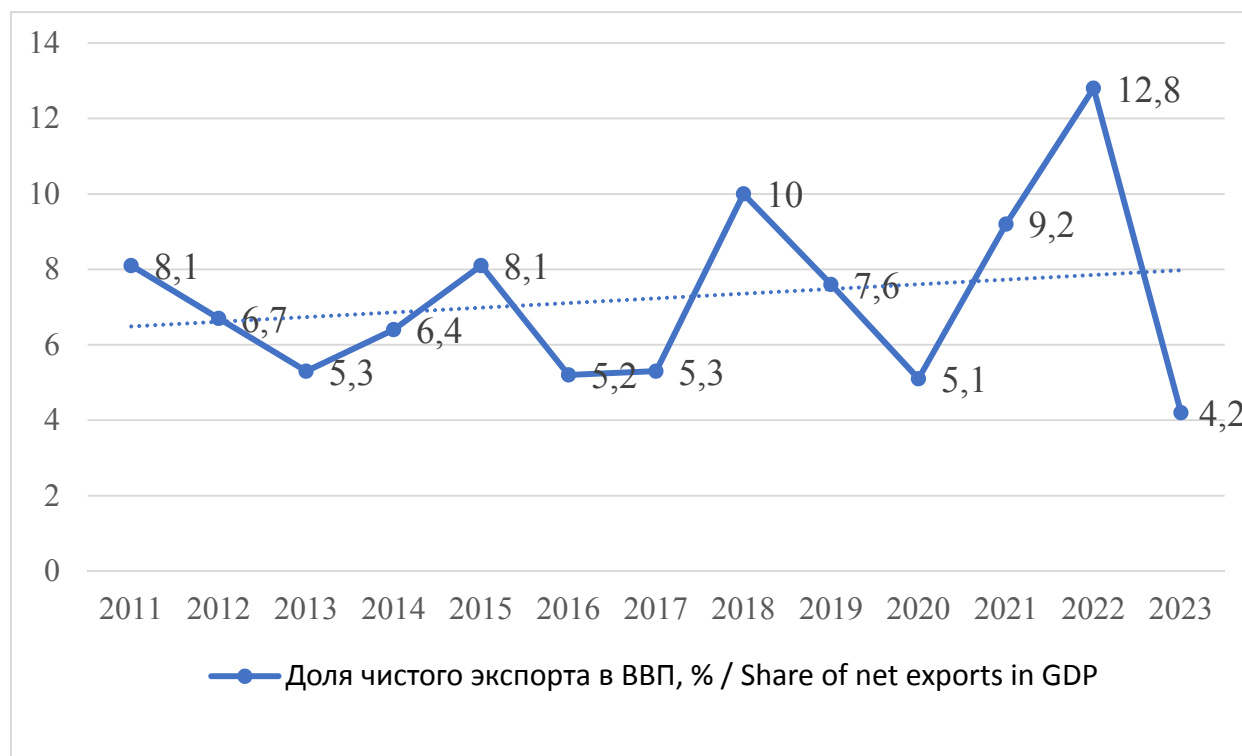

Рис. 2 / Fig. 2. Доля чистого экспорта в ВВП России в 2011–2023 гг. /
Share of net exports in Russia's GDP in 2011–2023

Источник / Source: рассчитано автором по: Национальные счета. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> / compiled by the author according to the data of the State Statistics Committee of Russia: National Accounts: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

рации, однако в настоящее время происходит структурная адаптация экономики Российской Федерации в рамках реализации приоритетных направлений проектов технологического суверенитета⁴.

ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ ОТРАСЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Важно, чтобы в переходе к технологическому суверенитету обеспечивалось решение таких проблем, как отказ от внешнеторговой модели «импорт товаров в обмен на сырье», сокращение импорта необходимых товаров в высокотехнологичных отраслях в условиях отказа иностранных компаний поставлять их в Россию, обеспечение политики импортозамещения⁵ широкой номен-

клатуры продукции и комплектующих изделий и т.д. Однако заметим, что «резервом расширения процесса импортозамещения в российской экономике выступают именно отрасли промежуточного спроса» [4], причем только при условии, что «российская политика импортозамещения будет носить не только преимущественно вертикальный характер, но будет также связана с горизонтальными мерами» [5].

В указанном контексте интерес представляет исследование с целью оценки импортозависимости российской экономики на основе таблиц «затраты-выпуск». По итогам расчетов «все отрасли обрабатывающей промышленности были распределены на четыре группы в зависимости от полученного эффекта», из которых самыми импортозависимыми отраслями оказались легкая промышленность, автомобилестроение, машиностроение, химическая промышленность, так как в случае отсутствия им-

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»). Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

⁵ Российская политика импортозамещения связана с попыткой восстановления, модернизации или создания не-

достающих звеньев национальной производственной системы, т.е. носит преимущественно вертикальный характер.

порта возможна приостановка ими выпуска продукции [6, с. 90].

В настоящее время ситуация такова, что «производство и потребление ряда жизненно необходимых товаров обеспечиваются в значительной степени импортируемой техникой и программным обеспечением, которые в Российской Федерации не производятся. Если же эта техника и производится на территории страны, она делается по зарубежным технологиям с критической долей импортируемых комплектующих и материалов на импортируемом производственном оборудовании.

Между тем проводимая государством политика должна быть направлена на формирование и развитие отраслей промышленности, в первую очередь использующих отечественное сырье и комплектующие для производства готовых изделий, способных конкурировать с иностранными производителями.

ЗНАЧЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ЗАЩИТЫ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Таможенное дело в Российской Федерации представляет собой совокупность средств и методов обеспечения соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования, а также запретов и ограничений (мер нетарифного регулирования) при ввозе товаров в Российскую Федерацию и вывозе товаров из нее. Однако важно понимать, что таможенное дело аккумулирует в себе не только деятельность государственных органов (законодательной и исполнительной ветвей власти), связанную с разработкой и установлением таможенных правил (таможенная политика, таможенное регулирование), но и непосредственную деятельность таможенных органов, обеспечивающих соблюдение таможенных правил, а также всех остальных лиц, занятых в процессе перемещения товаров через таможенную границу. В данном случае таможенные органы реализуют властные полномочия, которыми они наделены установленными таможенными правилами, а остальные лица — свои права владения, пользования и (или) распоряжения товарами, гарантированные Конституцией Российской Федерацией.

Взаимосвязь таможенного дела и таможенной политики проявляется в том, что само по себе таможенное дело как вид государственной деятель-

ности может существовать только при непосредственном целеполагании в таможенной политике, когда определяются основные задачи, конечные результаты, ради достижения которых реализуется эта деятельность.

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 71 Конституции Российской Федерации таможенное регулирование находится в ведении Российской Федерации. Это означает, что таможенные правила, установленные договором о ЕАЭС, другими международными нормативными правовыми актами, имея определенный приоритет над национальным таможенным законодательством, не могут противоречить Конституции Российской Федерации. Следовательно, таможенная политика Российской Федерации всегда будет разрабатываться с учетом международных обязательств России, но с первоочередным и безусловным обеспечением национальных интересов.

Таможенная политика является составной частью внутренней и внешней политики государства. При этом «любое государство в финансово-экономическом аспекте опирается на две главные составляющие: внутренние налоги, сборы и таможенные платежи. С помощью таможенной политики определяется объем формирования казны государства» [7].

В целом таможенная политика — понятие собирательное, аккумулирующее прежде всего цели и интересы государства на международной арене с учетом обеспечения национальной и экономической безопасности. Правила, регламентированные таможенным законодательством, — это средства реализации таможенной политики, которые, образуя определенный механизм, позволяют управлять таможенным делом и совершенствовать его.

Совокупность таможенных инструментов может быть дифференцирована и детализирована по конкретным инструментам [8, с. 454–455] и операциям, включая:

- таможенные операции и таможенные процедуры;
- методы определения таможенной стоимости;
- таможенные платежи;
- таможенные льготы;
- таможенный тариф и товарную номенклатуру ВЭД;
- происхождение товаров и таможенные преференции;
- система запретов и ограничений, защитные меры;

- таможенный контроль.

Именно эти инструменты позволяют не только обеспечивать регулирование внешней торговли, но и решать внутриэкономические задачи, в том числе связанные с технологическим перевооружением промышленности.

В настоящее время зависимость многих отраслей российской промышленности от импорта очевидна, так же как бесспорна невозможность скорого изменения сырьевой специализации страны. Однако имеются возможности обеспечивать перенастройку сложившейся ситуации в пользу развития российских технологий на перспективу. Также стоит рассматривать замещение ранее ввозимой из стран Европы, США, Японии и других стран продукции аналогами из азиатских стран, в первую очередь из Китая, на постоянной основе. Но это лишь вынужденная, временная мера.

Одним из наиболее действенных таможенных инструментов на современном этапе является таможенный тариф, представляющий собой инструмент таможенной политики в области таможенного регулирования экономики страны, использующийся для реализации целей торговой политики и являющийся сводом ставок таможенных пошлин товаров, систематизированных в соответствии с товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности.

В современном мире глобальной конкуренции таможенный тариф играет важную роль в защите и развитии внутреннего производства. В прошлом таможенные тарифы Российской Федерации, а впоследствии — Таможенного союза, играли в основном фискальную роль. Со вступлением России во Всемирную торговую организацию средневзвешенная ставка ввозной таможенной пошлины была снижена за десятилетие более чем на 3 п.п. В этих условиях была затруднена тарифная защита российской промышленности, сформировалась неконкурентная среда, так как преобладание иностранных товаров на российском рынке стимулировало рост цен отечественного производителя чаще всего опережающими темпами. С учетом того, что на территории Российской Федерации формировалась сеть совместных производств, а иностранные инвестиции направлялись в основном в сферу услуг (торговлю и финансовый сектор), по сути, конкуренция на российском рынке велась между иностранными компаниями.

В настоящее время роль таможенного тарифа в защите национального производства и обеспечении его безопасности должна стать более значимой.

Современная Россия обладает ограниченными возможностями одновременного развития всех производственных секторов, что обусловлено экономическим потенциалом всей страны. Однако существует необходимость в защите и развитии формирующихся и обновленных отраслей с помощью инструментов торговой политики. Для этого крайне важно формирование оптимального таможенного тарифа.

Предпринятые Правительством РФ меры по снижению уровня ставок импортных пошлин на ряд товаров с целью стимулировать ввоз товаров для удовлетворения ряда первоочередных промышленных потребностей приводят к увеличению прибыли импортеров, но практически делают невозможным воссоздание отечественного производства товаров с высокой долей добавленной стоимости, что ведет к ухудшению экономической ситуации в России [9, с. 81].

Конечно, Россия связана обязательствами по таможенному обложению импорта товаров подписанными документами при вступлении во Всемирную торговую организацию, а также обязательствами по Евразийскому экономическому союзу. В большинстве случаев не удастся увеличить уровень таможенного обложения ввозимых готовых изделий, но в соответствии с положениями регулирующих документов Всемирной торговой организации можно использовать в совокупности с таможенно-тарифным регулированием защитные меры, особые пошлины и т.д.

Основная проблема на сегодняшний день заключается скорее всего не в разработке методических вопросов определения оптимальных ставок таможенного тарифа и методов их расчета, а в понимании, какие именно товары производятся в нашей стране, в каких объемах, имеется ли необходимость в поставках импортных аналогов или нет. «Определение таможенных пошлин с учетом принципа равновыгодности использования на внутреннем рынке отечественной и аналогичной импортной продукции предполагает, что эти товары будут сопоставляться по ценам и потребительским свойствам на рынках их реализации, т.е. на рынках импортера. В этом случае таможенная стоимость ввозимых товаров должна определяться не на основе цен экспортера и затрат на доставку до таможенной границы, как

это следует из требований Всемирной торговой организации, а исходя из сложившихся рыночных цен на аналогичные отечественные товары на внутреннем рынке» [10]. Поэтому необходим пересмотр действующего порядка и методов таможенно-тарифного регулирования в Евразийском экономическом союзе с учетом того, что должны быть разработаны соответствующие методики количественного расчета ставок таможенного тарифа на основе конкретной ценовой информации о товарном производстве на внутреннем рынке, а также с тем, чтобы российские производители могли замещать отечественными товарами большую часть товаров, попавших под запреты и ограничения.

Помимо всего прочего, применение таможенных инструментов защиты отраслей промышленности предполагает разработку и реализацию дорожной карты, включающей:

1) проведение комплексного анализа состояния отраслей российской промышленности (анализируются данные об объемах производства и импорта, определяются роль и значение каждой отрасли в экономике исходя из вклада в ВВП страны и необходимости дальнейшего развития, устанавливаются конкретные таможенные инструменты воздействия, целесообразность их применения, специфика воздействия);

2) определение регионов (субъектов Российской Федерации), заинтересованных в развитии данных отраслей промышленности, а также субъектов предпринимательской деятельности, задействованных в их развитии;

3) оценку эффективности применяемых таможенных инструментов по всем видам производимой промышленной продукции на современном этапе, определение целесообразности их пересмотра, дополнения или отмены;

4) установление сроков воздействия таможенных инструментов, а также определение ресурсного потенциала, затрачиваемого на развитие отраслей промышленности (в том числе оценка прямых или косвенных бюджетных расходов);

5) прогнозирование изменений в отраслях российской промышленности после введения в действие таможенных инструментов (прогнозируются основные показатели в соответствии с националь-

ными проектами, в том числе спрос на внутреннем рынке, который можно удовлетворить с помощью принятых мер);

6) формирование на завершающем этапе итогового (промежуточного) отчета о реализации таможенных инструментов с указанием результативности их применения, экономического (социального) эффекта от принятия предложенных мер, обоснования сохранения, дополнения или отмены применяемых таможенных инструментов.

Универсальная дорожная карта применения таможенных инструментов имеет укрупненную структуру этапов своей реализации, которые могут дополняться, детализироваться и разбиваться на отдельные подэтапы. В свою очередь Правительство РФ утвердило Концепция технологического развития до 2030 г. в мае 2023 г., когда практически завершился «поворот» России на Восток, а «недружественные страны» стали ужесточать условия торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации с ними. Технологический суверенитет — это системная национальная программа, направленная на создание собственных технологий и производств, которые критично необходимы в различных направлениях промышленности и экономике (ИТ-решения в чистом виде, а также технологии, необходимые для линий производства, сельского хозяйства, тяжелого машиностроения, легкой промышленности, энергетики). Кульминацией обеспечения технологического суверенитета должны стать реализация высокоэффективных проектов и обеспечение возможности производить в стране высокотехнологичную продукцию.

ВЫВОДЫ

Одной из основных мер, принимаемых для преодоления последствий применения к России рестрикций со стороны «недружественных» государств, является формирование системы таможенно-тарифного регулирования, ориентированной на увеличение добавленной стоимости, что обеспечит развитие в том числе экспортоориентированных производств, производящих конкурентоспособные товары для замены их аналогов, импортируемых из «недружеских» стран.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the research results carried out at the expense of budget funds within the framework of the government research task for Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Техов А. В. Факторы развития промышленных предприятий. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2013;27(1):155–160.
2. Сахарова Л. А. Российская промышленность: организационно-экономические инструменты повышения конкурентоспособности в условиях реструктуризации. Монография. М.: Русайнс; 2015. 265 с.
3. Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Кузык М. Г. Новые контуры промышленной политики. XXIII Ясинская (Апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; 2022. 73 с.
4. Березинская О. Технологическая импортозависимость российской промышленности в 2014–2016 гг.: плюсы и минусы «окна возможностей». *Экономическое развитие России*. 2018;24(12):15–23.
5. Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса. *Форсайт*. 2016;(4):25–45. DOI: 10.17323/1995–459X.2016.4.25.45
6. Калинин А. М., Коротеев С. С., Крупин А. А., Нефедов А. В. Технологическая импортозависимость российской экономики: оценка с использованием таблиц «затраты-выпуск». *Проблемы прогнозирования*. 2021;(1):83–93. DOI: 10.47711/0868–6351–184–83–93
7. Бакаева О. Ю. Таможенные фискальные доходы: правовое регулирование. М.: Статут; 2005. 185 с.
8. Адвокатова А. С., Балацкий Е. В., Вишневский В. П. Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России. М.: КноРус; 2023. 490 с.
9. Новиков В. Е. Проблемы таможенного регулирования в условиях антироссийских санкций во внешней торговле. Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием, Москва, 14–16 февраля 2023 года. Выпуск 18 Часть 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023; 77–81.
10. Новиков В. Е. Проблемы совершенствования методологии и методики определения таможенной стоимости импортных товаров. *Вестник Российской таможенной академии*. 2022;(3):90–99.

REFERENCES

1. Tekhov A. V. Factors of development of industrial enterprises. *Vestnik Volzhskogo Universiteta n. a. V. N. Tatishchev*. 2013;27(1):155–160. (In Russ.).
2. Sakharova L. A. Russian industry: organizational and economic tools to improve competitiveness in the conditions of restructuring. Monograph. Moscow: Rusains; 2015. 265 p. (In Russ.).
3. Simachev Y. V., Fedyunina A. A., Kuzyk M. G. New contours of industrial policy: XXIII Yasinskaya (April) international scientific conf. on the problems of development of economy and society. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”; 2022. 73 p. (In Russ.).
4. Berezinskaya O. Technological import dependence of Russian industry in 2014–2016: pros and cons of the “window of opportunity”. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic Development of Russia*. 2018;24(12):15–23. (In Russ.).
5. Simachev Y., Kuzyk M., Zudin N. Import dependence and import substitution in the Russian manufacturing industry: a business perspective. *Foresight*. 2016;(4):25–45. (In Russ.). DOI: 10.17323/1995–459X.2016.4.25.45
6. Kalinin A. M., Koroteev S. S., Krupin A. A., Nefedov A. V. Technological import dependence of the Russian economy: assessment using the tables “input-output”. *Problemy` prognozirovaniya = Problems of Forecasting*. 2021;(1):83–93. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868–6351–184–83–93
7. Bakaeva O. Yu. Customs fiscal revenues: legal regulation. Moscow: Statut; 2005. 185 p. (In Russ.).

8. Advokatova A.S., Balatsky E.V., Vishnevsky V.P. Study of alternative concepts of tax regulation as a factor in ensuring a new industrial revolution in Russia. Moscow: Knorus; 2023. 490 p. (In Russ.).
9. Novikov V.E. Problems of customs regulation in the conditions of anti-Russian sanctions in foreign trade. Russia: trends and prospects of development: Yearbook. XXII National Scientific Conference with International Participation, Moscow, February 14–16, 2023. Volume Issue 18 Part 2. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS; 2023: 77–81. (In Russ.).
10. Novikov V.E. Problems of improving the methodology and techniques for determining the customs value of imported goods. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Bulletin of the Russian Customs Academy*. 2022;(3):90–99. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Александрович Костин — доцент кафедры налогов и налогового администрирования, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksey A. Kostin — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Leading Researcher at the Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Tax, Audit and Business Analysis, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8671-5581>

aakostin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.03.2024; принята к публикации 20.07.2024.

The article was received 10.03.2024; accepted for publication 20.07.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-134-144
УДК 336.22(045)
JEL H21, H24

Налоговый вычет на обучение как фактор стимулирования спроса на платные образовательные услуги

А.С. Адвокатова^а, А.А. Пугачев^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Ярославский государственный университет, Ярославль, Россия

АННОТАЦИЯ

Социальный налоговый вычет по НДФЛ на обучение является одним из государственных инструментов стимулирования спроса на платные образовательные услуги. Увеличение объема его предоставления соответствует стоящим на повестке дня задачам повышения справедливости подоходного налогообложения и сглаживания социального неравенства граждан. *Актуальность исследования* возможностей совершенствования вычета на обучение обусловлена тем, что уровень образования граждан, различные возможности доступа россиян к образованию, низкая межпоколенческая мобильность являются одними из факторов высокой социальной дифференциации. *Предмет исследования* – налоговый вычет на обучение по НДФЛ. *Цель работы* – обоснование потенциала налогового вычета по НДФЛ на обучение в обеспечении сглаживания социального неравенства граждан благодаря повышению его востребованности налогоплательщиками и предоставлению в проактивном режиме. По результатам социологического опроса выявлено снижение востребованности вычета на обучение с ростом доходов налогоплательщиков, в отличие от других налоговых вычетов по НДФЛ. По результатам корреляционно-регрессионного анализа установлена высокая обратная связь уровня социального неравенства граждан и объема социального налогового вычета на обучение, что свидетельствует о наличии существенного потенциала вычета на обучение в сглаживании социального неравенства граждан. *Сделаны выводы* о высокой востребованности социального налогового вычета на обучение на фоне замедления роста объемов его предоставления по сравнению с другими налоговыми вычетами. Перспективными направлениями совершенствования предоставления социального налогового вычета на обучение являются дифференциация категорий его получателей, индексация лимитов и упрощение порядка их получения.

Ключевые слова: налоговый вычет на обучение; НДФЛ; социальное неравенство; налоговое администрирование; образование; благосостояние

Для цитирования: Адвокатова А.С., Пугачев А.А. Налоговый вычет на обучение как фактор стимулирования спроса на платные образовательные услуги. *Экономика. Право.* 2024;17(4):134-144. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-134-144

The Tax Deduction for Tuition as a Factor in Stimulating Demand for Paid Educational Services

A.S. Advokatova^а, A.A. Pugachev^б

^а Financial University, Moscow, Russia;

^б Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

ABSTRACT

The social tax deduction for personal income tax on education is one of the state tools to stimulate demand for paid educational services. The increase in its volume corresponds to the tasks on the agenda of increasing the fairness of income taxation and smoothing the social inequality of citizens. The relevance of the study of the possibilities of improving the deduction for education will increase due to the fact that the level of education of citizens, various opportunities for Russians to access education, low intergenerational mobility are among the factors of high social differentiation. *The subject of the study* is the personal income tax deduction. *The purpose of the work* is to substantiate the possibilities of a personal income tax deduction for training in the process of ensuring the smoothing of social inequality of citizens by increasing its demand by taxpayers and providing it in a proactive mode. According to the results of the

© Адвокатова А.С., Пугачев А.А., 2024

sociological survey, a decrease in the demand for the deduction for tuition with an increase in taxpayer income, unlike other personal income tax deductions. According to the results of correlation and regression analysis, a high feedback relationship between the level of social inequality of citizens and the amount of social tax deduction for education was established, which indicates the presence of a significant potential for deduction for education in smoothing social inequality of citizens. *Conclusions are drawn* about the high demand for the social tax deduction for education against the background of a slowdown in the volume of its provision in comparison with other tax deductions. Promising areas for improving the provision of social tax deduction for training are differentiation of categories of recipients, indexing of limits and simplification of the procedure for obtaining them.

Keywords: tax deduction for education; personal income tax; social inequality; tax administration; education; welfare

For citation: Advokatova A.S., Pugachev A.A. The tax deduction for tuition as a factor in stimulating demand for paid educational services. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):134-144. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-134-144

ВВЕДЕНИЕ

Задачи обеспечения справедливости и упрощения процедуры предоставления социального налогового вычета по налогу на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) на обучение решаются в настоящее время на высшем государственном уровне. В Послании Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. В. В. Путин анонсировал увеличение лимита социальных налоговых вычетов, подчеркнув необходимость его повышения, чтобы вычеты «предоставлялись в проактивном режиме, быстро и дистанционно, необременительно для граждан, чтобы они имели возможность решать «самые важные, насущные проблемы»¹. Согласно Федеральному закону от 28.04.2023 № 159-ФЗ, внесшему изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее — НК РФ), с 1 января 2024 г. повышен лимит вычета на обучение каждого ребенка с 50 до 110 тыс. руб. в год, а на собственное обучение — со 120 до 150 тыс. руб., а также установлен беззаявительный порядок его предоставления. В Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. В. В. Путин предложил, «продумать подходы к модернизации нашей фискальной системы, к более справедливому распределению налогового бремени в сторону тех, у кого более высокие личные и корпоративные доходы»².

Ввиду того что от уровня образования зависит в России квалификация работников, спрос на него остается высоким и постоянно увеличивается

ется доля российских граждан, имеющих высшее образование. Так, по данным Росстата согласно Всероссийским переписям населения в период 2002–2020 гг. доля граждан старше 20 лет с высшим образованием возросла в 1,6 раза с 18,06% до 28,53%, или в абсолютном значении с 19,38 до 27,5 млн чел.³ Тем не менее потенциал повышения уровня образования граждан в России остается высоким, поскольку, например, в странах ОЭСР этот показатель в среднем достигает 40%⁴.

Важно, чтобы развитие системы российского образования происходило с учетом демографических и социальных особенностей населения [1, с. 64]. В настоящее время в России наблюдается тенденция к сжатию образовательного пространства России вслед за уменьшением экономического пространства в крупных городах страны. Это может способствовать усилению регионального образовательного, технологического и социально-экономического неравенства регионов [2, с. 52].

Образование оказывает положительное влияние на социально-экономические показатели государства [3, с. 330]. Важнейшее значение имеет образовательное неравенство граждан при оценке социальной мобильности и достижении целей устойчивого развития [4, с. 251]. Причем межстрановое неравенство по уровню доходов во многом обусловлено неравенством в получении навыков и доступности образования [4].

Одним из ограничений распространения высшего образования в России является число

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.01.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>.

³ Переписи населения. Образование / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 02.06.2024).

⁴ Education at a Glance 2023 / OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/educational-attainment-of-25-64-year-olds-2022_c5373fc9-en (дата обращения: 02.06.2024).

бюджетных мест в вузах страны. Для повышения доступности платного образования предусмотрены финансовые инструменты — налоговые вычеты и льготные образовательные кредиты. Последние пока не получили в России широкого распространения, но налоговые вычеты являются востребованными у плательщиков НДФЛ.

Согласно данным мониторинга экономики образования, осуществленного учеными Высшей школы экономики (далее — ВШЭ), объем платных образовательных услуг, предоставляемых населению в России, составил в 2022 г. 884 млрд руб., увеличившись в реальном выражении с 2000 г. на 84%. Доля платных услуг в общем объеме образовательных услуг составила 13,2%. С 2019 г. спрос на платные образовательные услуги остается стабильным. Так, число студентов, обучающихся на коммерческой основе, составляет 2,1–2,2 млн чел.⁵

Важно, что высшее образование является фактором, позволяющим повышать уровень межпоколенческой мобильности, который предопределяет остроту восприятия доходного неравенства — различия в уровне доходов между различными группами населения. При оценке своего социального положения россияне акцентируют внимание на низкой социальной мобильности как в рамках одного поколения, так и между поколениями⁶. Снижение уровня неравенства поставлено Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ряд стратегических приоритетов. В связи с этим обеспечение доступности образования может рассматриваться как инструмент повышения межпоколенческой мобильности, необходимой для сглаживания социального неравенства.

ВЫЧЕТ НА ОБУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПО НДФЛ

Вычет на обучение является наиболее востребованным среди социальных вычетов, ежегодно с 2015 г. им пользуются 800 тыс. налогоплательщиков, а в 2022 г. — 1,05 млн чел. В 2022 г. сумма предоставленного вычета превысила 48 млрд

руб. Однако удельный вес вычета на обучение в общей сумме социальных налоговых вычетов по НДФЛ постепенно снижается с 39% в 2015 г. до 18,6% в 2022 г., а доля социальных налоговых вычетов в общем объеме вычетов составляет менее 3%. Информация о динамике предоставления и доле налогового вычета на обучение в структуре налоговых вычетов по НДФЛ приведена в *табл. 1*.

Востребованность социальных налоговых вычетов на обучение растет медленнее по сравнению с другими социальными и налоговыми вычетами по НДФЛ в целом. Рост вычета на обучение в 2022 г. по отношению к 2015 г. составил 1,58 раза, в то время как социальных вычетов — 3,31, а налоговых вычетов в целом — 6,32 раза. Доля вычетов на обучение в общем объеме социальных вычетов снизилась в два раза.

В разрезе вычета на обучение ребенка и собственное обучение по количеству налогоплательщиков быстрее растет востребованность вычета на обучение ребенка опережающими темпами по сравнению с вычетом на собственное обучение — 1,49 и 1,07 раза соответственно. В разрезе сумм предоставленных вычетов разница динамики вычетов на собственное обучение и обучение ребенка практически отсутствует. Это свидетельствует об опережающей динамике роста расходов на собственное обучение относительно расходов на обучение детей при стабильном количестве налогоплательщиков, заявивших данный вычет.

Несмотря на индексацию размера вычета с 2024 г. до 110 тыс. руб. на ребенка и 150 тыс. руб. на собственное обучение, ее уровень не позволил нивелировать инфляцию по образовательным услугам. До этой даты лимит не пересматривался с 2009 г. За это время индекс потребительских цен (далее — ИПЦ) в России составил согласно данным Росстата 2,4 раза⁷, а средние цены на услуги в области высшего образования за 2010–2019 гг. выросли в 2,9 раза⁸. Соответственно потребовалась последующая индексация вычета.

⁵ Бондаренко Н. В., Варламова Т. А., Гохберг Л. М. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; 2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/896969169.html>.

⁶ Представления россиян о доходном неравенстве: влияет ли на них социальная мобильность? ВШЭ, Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. *Научный дайджест*. 2022;9(4).

⁷ Индекс потребительских цен / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price#> (дата обращения: 02.06.2024).

⁸ Высшее образование в России: статистический обзор. НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2021/07/07/1433571854/Высшее%20образование%20в%20России%20_статистический%20обзор.pdf.

Таблица 1 / Table 1

Динамике предоставления и доля налоговых вычетов на обучение в структуре налоговых вычетов по НДФЛ в 2015–2022 гг. / The dynamics of the provision and the share of tax deductions for training in the structure of personal income tax deductions in 2015–2022

Показатели / Indicators	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Темп роста 2022 к 2015 / Growth rate 2022 to 2015
Общая сумма налоговых вычетов, млн руб. / The total amount of tax deductions, million rubles	5 723 446,6	5 636 366,5	5 966 831,7	5 843 514,8	13 607 841,2	30 457 164,5	42 841 413,8	36 159 728,8	6,32
Кол-во налогоплательщиков, которым предоставлены социальные вычеты, тыс. / The number of taxpayers who are provided with social deductions, thousand	1 893,7	2 606,9	2 770,4	2 328,2	2 784,6	3 210,5	4 119,0	4 641,2	2,45
Сумма предоставленных социальных вычетов, млн руб. / The amount of social deductions provided, million rubles	78 041,4	96 684,1	109 978,9	115 953,9	113 423,4	151 668,4	218 684,1	258 590,2	3,31
Кол-во налогоплательщиков, которым предоставлен вычет на обучение, тыс. / The number of taxpayers who have been granted a deduction for education, thousand	817,4	781,9	754,9	790,8	745,4	797,8	956,2	1 050,4	1,29
в том числе на обучение детей / including for the education of children	418,0	422,2	433,6	466,6	444,6	478,3	568,2	622,5	1,49
на свое обучение / for your own education	399,4	359,7	321,3	324,2	301,0	324,4	388,0	427,9	1,07
Сумма предоставленного вычета на обучение, млн руб. / The amount of the provided deduction for education, million rubles	30 536,0	30 479,2	29 837,5	32 040,8	30 920,9	34 354,3	42 493,5	48 192,6	1,58
в том числе на обучение детей / including for the education of children	15 968,2	16 453,9	16 566,1	18 065,3	17 322,4	18 911,0	22 973,0	25 515,8	1,60
на свое обучение / for your own education	14 567,7	14 025,3	13 271,4	13 975,5	13 598,5	15 443,3	19 520,5	22 676,8	1,56
Доля вычета на обучение в объеме социальных вычетов, % / The share of the deduction for education in the amount of social deductions, %	39,1	31,5	27,1	27,6	27,3	22,5	19,4	18,6	0,48

Источник / Source: составлено авторами по данным ФНС России (отчеты 1-ДДК и 5-НДФЛ) / compiled by the authors according to the Federal Tax Service of the Russia (reports 1-DDK and 5-NDFL). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms.

ОЦЕНКА ВОСТРЕБОВАННОСТИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКАМИ ВЫЧЕТА НА ОБУЧЕНИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в России более 1 млн налогоплательщиков НДФЛ используют право на налоговый вычет на обучение. Несмотря на положительную динамику, этот показатель имеет потенциал роста, поскольку по данным ВШЭ в России платными образовательными услугами только вузов и средних специальных учебных заведений (без учета дополнительного профессионального образования и курсов повышения квалификации) пользуются 3,4 млн чел.⁹

Социальные налоговые вычеты по НДФЛ и вычет на обучение, в частности, являются востребованными у налогоплательщиков и достаточно равномерно распределяются по доходным группам граждан. Это подтвердили результаты проведенного социологического исследования, проведенного в 2022 г. на выборке более 1 тыс. респондентов. Данные о востребованности налоговых вычетов по доходным группам респондентов приведены на *рис. 1*.

С ростом доходов респондентов увеличивается востребованность имущественных и инвестиционных вычетов, а социальные вычеты более равномерно распределяются по доходным группам.

Интерес вызывает также использование платных и бесплатных образовательных услуг в зависимости от уровня дохода граждан. Соотношение потребления образовательных услуг респондентами различных доходных групп по источнику финансирования приведено на *рис. 2*.

С ростом доходов респондентов устойчиво увеличивается потребление платных образовательных услуг и снижается потребление бесплатных (государственных) услуг. Важно при этом учитывать использование права на налоговые вычеты по НДФЛ среди налогоплательщиков, имеющих соответствующие расходы, поскольку именно в данном случае демонстрируется реальная востребованность вычета. На *рис. 3* отражается уровень востребованности имущественного налогового вычета, вычетов на лечение и обучение

среди респондентов, несущих соответствующие расходы, в разрезе доходных групп.

Налоговый вычет по НДФЛ на обучение является единственным вычетом, чья востребованность снижается с ростом дохода респондентов. Так, все (100%) низкообеспеченные граждане (с доходами до 15 тыс. руб. в мес.), несущие расходы на платные образовательные услуги, воспользовались правом на вычет на обучение, 67% — с доходами 15–40 тыс. руб. в мес., 61% — с доходами 40–100 тыс. руб., 47% — с доходами 100–400 тыс. руб. и 25% — с доходами свыше 400 тыс. руб. в мес. Вычет на обучение является наиболее востребованным относительно других рассмотренных вычетов: в среднем по выборке 64% респондентов, несущих расходы на платные образовательные услуги, воспользовались правом на получение вычета (*для сравнения*: по имущественному вычету — 34%, а по социальному вычету на лечение — 2,5%).

Установленная высокая востребованность налогового вычета по НДФЛ на обучение и ее рост по мере снижения дохода налогоплательщика являются значимыми факторами, если их рассматривать в разрезе выполнения задачи по сглаживанию неравенства граждан. Эти факты подтверждают наличие существенного потенциала вычета на обучение в сглаживании неравенства граждан. Поскольку неравенство граждан в доступе к образованию является одним из факторов низкой межпоколенческой мобильности и стратификации российского общества, ориентация вычета на обучение на низкодоходные слои населения является существенным преимуществом этого вычета перед другими налоговыми вычетами по НДФЛ в потенциале повышения роли подоходного налогообложения в уменьшении неравенства граждан.

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОГО ВЫЧЕТА НА ОБУЧЕНИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И БЛАГОСОСТОЯНИЕ ГРАЖДАН

Уровень образования граждан, различные возможности доступа к образованию являются одними из факторов социальной дифференциации. В России уровень экономического неравенства граждан находится на стабильно высоком уровне. Так, коэффициент Джини по доходам достигает 0,4, а по богатству — до 0,9 [7, с. 144].

Согласно данным социологического опроса экспертного сообщества экономистов «Государство, гра-

⁹ Бондаренко Н. В., Варламова Т. А., Гохберг Л. М. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ; URL: <https://issek.hse.ru/news/896969169.html>.

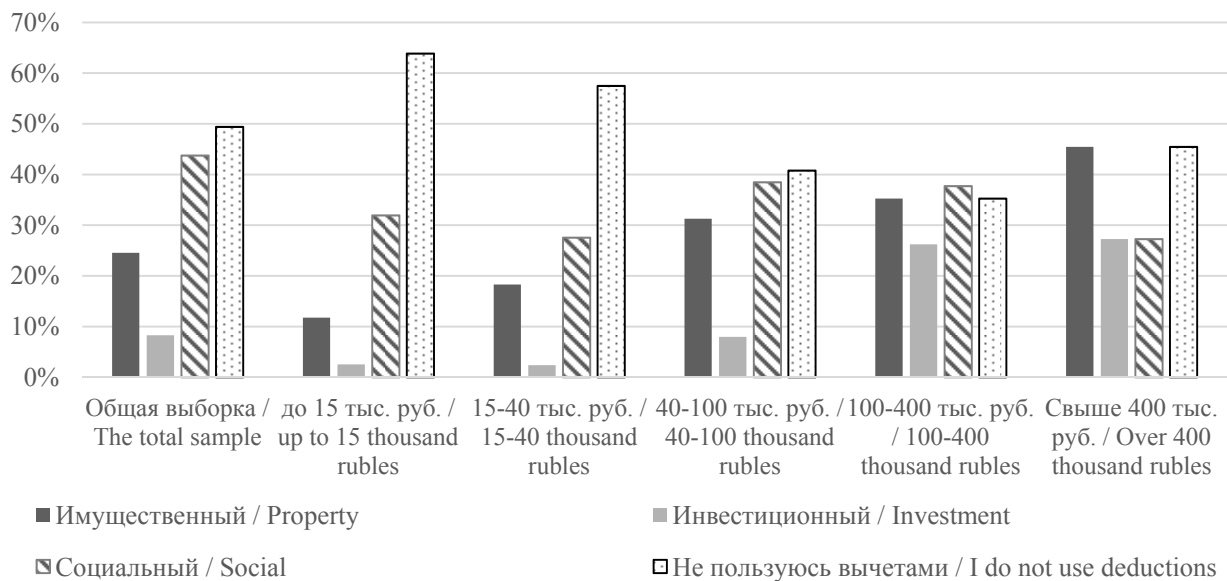

Рис. 1 / Fig. 1. Востребованность налоговых вычетов по НДФЛ в зависимости от дохода респондента / The relevance of personal income tax deductions depending on the respondent's income

Источник / Source: составлено авторами по результатам социологического исследования [6, с. 57].

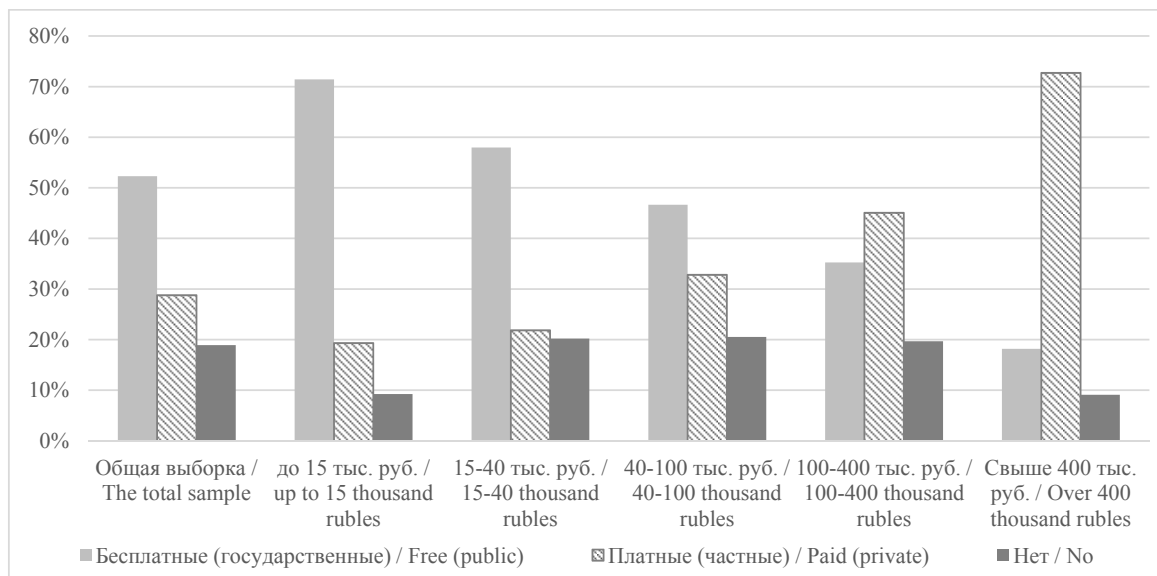

Рис. 2 / Fig. 2. Использование образовательных услуг респондентами различных доходных групп / The use of educational services by respondents of various income groups

Источник / Source: составлено авторами по результатам социологического исследования [6, с. 56].

жданское общество, гуманитарный сектор экономики», проведенного в 2023 г. Новой экономической ассоциацией, 53% экспертов (или 365 из 687 чел.) отметили, что образование как фактор дифференциации общества усиливает социальное неравенство, и только 22% экспертов (или 150 из 687 чел.) признали, что

доступность образования создает для всех равные возможности¹⁰. Эти данные свидетельствуют о том, что доступность образования и его уровень являются

¹⁰ Социологический мониторинг. Новая экономическая ассоциация. URL: <https://www.econorus.org/socmon.phtml>.

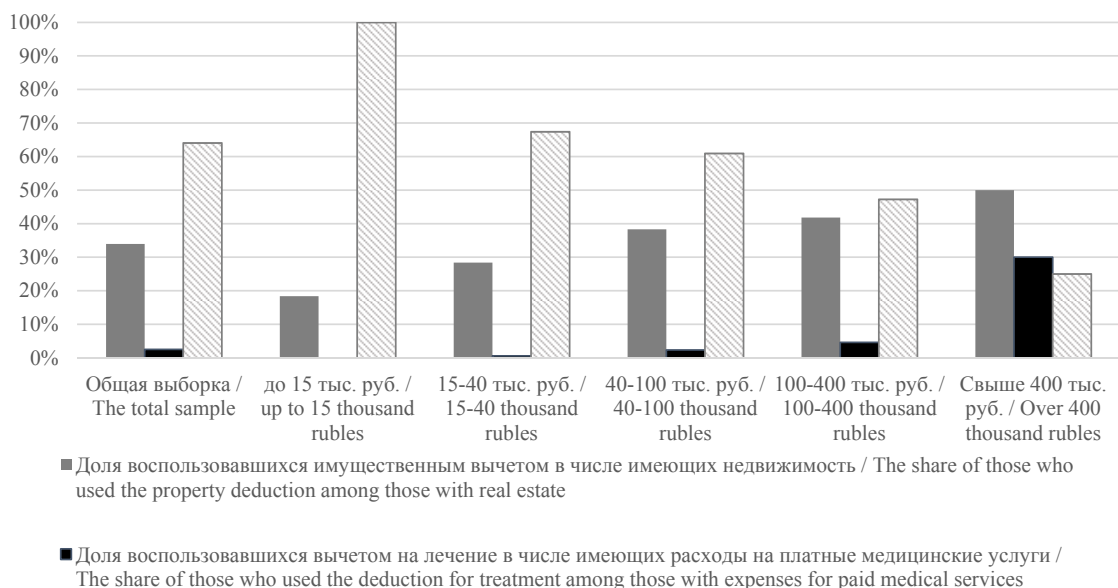

Рис. 3 / Fig. 3. Востребованность налоговых вычетов по НДФЛ респондентами, несущими соответствующие расходы, в разрезе доходных групп респондентов / The demand for personal income tax deductions by respondents with relevant expenses in the context of income groups of respondents

Источник / Source: составлено авторами по результатам социологического исследования [6, с. 59]

одними из факторов социального неравенства в России. Соответственно у государства есть перспективы в снижении неравенства за счет повышения доступности образования и его качества и конкурентоспособности.

В рамках исследования проведен корреляционно-регрессионный анализ взаимосвязи показателей благосостояния и социального неравенства граждан с объемами налогового вычета на обучение. В качестве показателя-фактора выбрано отношение налогового вычета на обучение к объему поступлений НДФЛ, и он определен в реальном выражении, т.е. умноженный на налоговую ставку 13%. В качестве результирующих показателей неравенства использованы коэффициент Джини¹¹ и квинтильный коэффициент фондов¹², а по показателям благосостояния — уровень бедности, реальные располагаемые денежные доходы и отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума. Для анализа использованы статистически данные ФНС России и Росстата за 2009–2022 гг.

¹¹ Коэффициент Джини — это статистический показатель неравномерности распределения доходов в обществе, используемый в странах с развитой рыночной экономикой.

¹² Децильный (квинтильный) коэффициент, который отражает разницу в доходах 10/20% самых богатых относительно 10/20% самых бедных.

В результате анализа статистически значимой связи объема налогового вычета с показателями благосостояния не установлено, а с показателями неравенства выявлена обратная связь, т.е. чем больше объем налогового вычета по НДФЛ на обучение, тем ниже уровень неравенства граждан. Результаты корреляционно-регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Установленная взаимосвязь показывает, что изменение объемов налогового вычета на обучение на 70,5% объясняет дисперсию коэффициента Джини и на 63,9% — дисперсию квинтильного коэффициента фондов. Это свидетельствует о том, что налоговый вычет на обучение способствует сглаживанию социального неравенства граждан.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОВЫШЕНИЮ СКОРОСТИ И ДОСТУПНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ НА ОБУЧЕНИЕ

Как отметил руководитель ФНС России Д. В. Егоров «Современная налоговая служба — это партнер налогоплательщика. Наша цель помочь

Таблица 2 / Table 2

Результаты корреляционно-регрессионного анализа взаимосвязи показателей неравенства граждан с объемом социального налогового вычета по НДФЛ на обучение в 2009–2022 гг. / The results of the correlation and regression analysis of the relationship of indicators of inequality of citizens with the amount of social tax deduction for personal income tax on education in 2009–2022

Индикатор неравенства граждан / Indicator of inequality of citizens	Коэффициент корреляции (r) / Correlation coefficient (r)	Коэффициент детерминации (R ²) / Coefficient of determination (R ²)	Теснота связи по шкале Чеддока / Tightness of communication on the Cheddock scale	F-статистика (критерий Фишера) / F-statistics (Fisher's criterion)
Коэффициент Джини / Gini coefficient	-0,839	0,705	Высокая	26,25
Квинтильный коэффициент фондов / Quintile coefficient of funds	-0,800	0,639		19,49
Уровень значимости α по критерию Фишера 0,01 / The significance level α according to the Fisher criterion is 0.01				

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

человеку или компании полностью и вовремя уплатить налоги, в том числе с помощью удобных и доступных налоговых сервисов»¹⁵.

Сегодняшний тренд развития деятельности ФНС России направлен на развитие сервисно-ориентированной модели контроля, целью которой выступает повышение степени доверия налогоплательщиков к налоговым органам посредством реализации модели человекоцентричного подхода к отношениям между налоговыми органами и налогоплательщиками.

В сервисно-ориентированной модели налогового администрирования наиболее оптимально достигаются скорость и доступность получения физическими лицами налоговых преференций при одновременном снижении уровня административной нагрузки и расходов [8, с. 219–220]. Это является одним из центральных векторов развития человекоцентричной модели в экосистеме налогового администрирования.

¹⁵ Даниил Егоров представил кубинской делегации российские технологии налогового администрирования. URL: <https://www.nalog.gov.ru>.

Заложенные в этот процесс принципы базируются на:

- простоте и понятности взаимодействия (иногда сложность налогового законодательства не дает всем категориям налогоплательщиков разобраться со всей палитрой льгот и преференций, на которые они имеют право);
- обеспечении качественного уровня поступающей в налоговый орган информации в рамках межведомственного взаимодействия;
- анализе потребностей и пользовательского опыта;
- ответственности.

Развитие цифровых контуров налогового администрирования уже сегодня позволяет получать часть налоговых вычетов в упрощенном порядке. Так, с 21 мая 2021 г. в упрощенном порядке можно получать следующие налоговые вычеты по НДФЛ:

- инвестиционные налоговые вычеты (пп. 2 и 3 п. 1 ст. 219.1 НК РФ);
- имущественные налоговые вычеты в сумме фактически произведенных расходов на приобретение объектов недвижимого имущества

и по уплате процентов по ипотеке (пп. 3 и 4 п. 1 ст. 220 НК РФ).

Предоставление вычетов в таком упрощенном виде стало возможным благодаря включению в экосистему налогового администрирования банков как участников отношений со своей экосистемой. Развитие этого направления администрирования будет способствовать достижению баланса интересов государства и налогоплательщиков посредством внедрения модели омниканальности, которая подразумевает всестороннюю, глубокую и тесную интеграцию каналов путем их объединения в единую общую систему.

С 1 января 2024 г. в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2023 № 389-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго п. 1 ст. 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» вступили в силу изменения, предусматривающие возможность получения в упрощенном порядке наиболее востребованных социальных вычетов, в частности вычета на оплату обучения.

Для получения налогового вычета на обучение в налоговый орган необходимо представить унифицированный документ, подтверждающий расходы граждан, а именно «Справку об оплате услуг». Стоит отметить, что представление в налоговый орган Справки в бумажном виде не требуется, если сведения о расходах направлены в налоговый орган в электронном виде организациями и индивидуальными предпринимателями, оказавшими соответствующие услуги (при наличии у них технической возможности на такой обмен с ФНС России).

Далее по сведениям, поступившим в электронном виде в 2024 г. и успешно прошедшим контроль, налоговый орган сформирует по итогам года предзаполненное заявление на получение налоговых вычетов по НДФЛ в упрощенном порядке и размещает его в Личном кабинете налогоплательщика. До появления предзаполненного заявления в Личном кабинете налогоплательщику не требуется осуществлять каких-либо действия.

Таким образом, на современном этапе развития экосистемы налогового администрирования

технологии предоставления налоговых преференций находятся на качественно новом этапе развития. Одновременно необходимо расширение внедрения налоговой культуры в обществе и внутри службы через площадки финансовой грамотности [8, с. 218–220].

ВЫВОДЫ

Вычет на обучение является наиболее востребованным среди социальных вычетов: ежегодно с 2015 г. им пользуются 800 тыс. налогоплательщиков, а в 2022 г. — 1,05 млн чел. Этот показатель имеет потенциал роста, поскольку в России платными образовательными услугами только вузов и средних специальных учебных заведений (без учета дополнительного профессионального образования и курсов повышения квалификации) пользуются 3,4 млн чел.

В 2022 г. сумма предоставленного вычета превысила 48 млрд руб. Однако востребованность налоговых вычетов на обучение растет медленнее других социальных вычетов. Темп роста предоставленного вычета на обучение в 2022 г. по отношению к 2015 г. составил 1,58 раза, в то время как социальных вычетов — 3,31, а налоговых вычетов в целом — 6,32 раза. Доля вычетов на обучение в общем объеме социальных вычетов снизилась в два раза.

По результатам социологического опроса установлено, что востребованность налогового вычета по НДФЛ на обучение падает при росте дохода налогоплательщика. Этот факт также подтверждает наличие существенного потенциала вычета на обучение в сглаживании социального неравенства граждан. Поскольку неравенство граждан в доступе к образованию является одним из факторов низкой межпоколенческой мобильности и стратификации российского общества, ориентация вычета на обучение на низкодоходные слои населения является существенным преимуществом этого вычета относительно других налоговых вычетов по НДФЛ.

По результатам корреляционно-регрессионного анализа установлена высокая обратная связь уровня социального неравенства граждан и объема налогового вычета на обучение. Следовательно, налоговый вычет на обучение способствует сглаживанию социального неравенства граждан. Взаимосвязи объемов вычета на обучение с показателями благосостояния не установлено.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00365. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00365>.

ACKNOWLEDGEMENTS

The Research was prepared supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23–28–00365. URL: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00365>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Медведева Е. И., Крошилин С. В. Спрос населения на образовательные услуги: демографические и социальные аспекты. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012;168(8):50–64.
2. Столь А. В. Особенности спроса на образовательные услуги высшего образования и оценка его доступности. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2023;9(4):52–68. DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-4-52-68
3. Volchik V., Oganessian A., Olejarz T. Higher education as a factor of socio-economic performance and development. *Journal of International Studies*. 2018;11(4): 326–340. DOI: 10.14254/2071-8330.2018/11-4/23
4. Tvaronavičienė M., Tarkhanova E., Durglishvili N. Sustainable economic growth and innovative development of educational systems. *Journal of International Studies*. 2018;11(1):248–256. DOI: 10.14254/2071-8330.2018/11-1/19
5. Eble A., Frost C., Camara A., Bouy B., Elbourne D. How much can we remedy very low learning levels in rural parts of low-income countries? Impact and generalizability of a multi-pronged para-teacher intervention from a cluster-randomized trial in the Gambi. *Journal of Development Economics*. 2021;148.
6. Пугачев А. А. Возможности регулирования налогообложения граждан для сглаживания неравенства. Ярославль: Филигран; 2023. 256 с.
7. Пугачев, А. А. Потенциал налогового воздействия на экономическое неравенство граждан в России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(1):142–158. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.8
8. Майбуров И. А., ред. Теория и прагматика преференциального налогообложения физических лиц. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2024. 233 с.
9. Гончаренко Л. И., ред. Влияние подоходного налогообложения на социальное неравенство в России. Монография. М: КноРус; 2024. 224 с.

REFERENCES

1. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. The population's demand for educational services: demographic and social aspects. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2012;168(8):50–64. (In Russ.).
2. Stol A. V. Features of demand for educational services of higher education and assessment of its availability. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2023;9(4):52–68. (In Russ.). DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-4-52-68
3. Volchik V., Oganessian A., Olejarz T. Higher education as a factor of socio-economic performance and development. *Journal of International Studies*. 2018;11(4): 326–340. DOI: 10.14254/2071-8330.2018/11-4/23
4. Tvaronavičienė M., Tarkhanova E., Durglishvili N. Sustainable economic growth and innovative development of educational systems. *Journal of International Studies*. 2018;11(1):248–256. DOI: 10.14254/2071-8330.2018/11-1/19
5. Eble A., Frost C., Camara A., Bouy B., Elbourne D. (2021). How much can we remedy very low learning levels in rural parts of low-income countries? Impact and generalizability of a multi-pronged para-teacher intervention from a cluster-randomized trial in the Gambi. *Journal of Development Economics*. 2021;148.

6. Pugachev A. A. The possibilities of regulating the taxation of citizens to smooth out inequality. Yaroslavl: Filigran; 2023. 256 p. (In Russ.).
7. Pugachev A. A. The potential of tax impact on the economic inequality of citizens in Russia. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(1):142–158. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.8
8. Maiburov I. A., ed. Theory and pragmatics of preferential taxation of individuals. Monograph. Moscow: UNITY-DANA; 2024. 233 p. (In Russ.).
9. Goncharenko L. I. ed. The influence of income taxation on social inequality in Russia. Monograph. Moscow: KnoRus; 2024. 224 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алена Станиславовна Адвокатова — кандидат экономических наук, магистр юриспруденции, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, факультет налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет, Москва, Россия

Alena S. Advokatova — Cand. Sci. (Econ.), master of Laws, Assoc. Prof. of Department of Taxes and Tax Administration, Faculty of Tax, Audit and Business Analysis, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4358-4005>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
ASAdvokatova@fa.ru

Андрей Александрович Пугачев — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, научный сотрудник Управления научных исследований и инноваций, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Andrey A. Pugachev — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Finance and Credit, Researcher of Department of Scientific Research and Innovation, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl', Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7989-6353>
andraxim@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.04.2024; принята к публикации 10.06.2024.
The article was received 10.04.2024; accepted for publication 10.06.2024.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-145-154
УДК 339.54(045)
JEL F23, H25, H26

Зарубежный опыт фискальных механизмов преференциальной экономики

Л.В. Полежарова, Д.М. Волков
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – фискальные инструменты преференциальной экономики, предусматривающей установление особого льготного режима налогообложения бизнеса при проведении научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и инновационной деятельности в странах ОЭСР, ЕС и экономиках-партнерах. *Цели работы* – определение инструментов стимулирования коммерциализации НИОКР и выделение общих тенденций развития данных инструментов и налоговой политики развитых стран в секторе НИОКР. Продемонстрировано наличие практически во всех исследованных странах инструментов налоговой поддержки коммерциализации НИОКР и их применение наряду с предоставлением налоговых льгот по расходам на НИОКР для стимулирования инноваций на разных этапах жизненного цикла объектов интеллектуальной собственности. Установлено, что объемы такой поддержки неуклонно растут. Режимы налогообложения доходов от НИОКР за рубежом соответствуют минимальному стандарту *BEPS Action 5*, направленному на более эффективное противодействие вредным налоговым практикам, которые могут наносить ущерб другим юрисдикциям. Выделены характеристики налоговых льгот в отношении НИОКР на основе дохода. *Сделан вывод* о необходимости внедрения в России минимального стандарта *BEPS Action 5* при стимулировании ИТ-отрасли и существенного расширения налоговых стимулов по доходам для коммерциализации прорывных технологий и инноваций.

Ключевые слова: фискальные инструменты; коммерциализация НИОКР; налоговые льготы; квалифицированная прибыль; инновационная политика

Для цитирования: Полежарова Л.В., Волков Д.М. Зарубежный опыт фискальных механизмов преференциальной экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):145-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-145-154

ORIGINAL PAPER

Foreign Experience of Fiscal Mechanisms of Preferential Economy

L.V. Polezharova, D.M. Volkov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the fiscal instruments of the preferential economy, which provides for the establishment of a special preferential business taxation regime for research and development (hereinafter referred to as R&D) and innovation activities in the OECD countries, the EU and partner economies. The objectives of the work are to identify tools to stimulate the commercialization of R&D and highlight general trends in the development of these tools and tax policies of developed countries in the R&D sector. The availability of tax support tools for the commercialization of R&D in almost all the studied countries and their application, along with the provision of tax incentives for R&D expenses to stimulate innovation at different stages of the life cycle of intellectual property objects, is demonstrated. It has been established that the volume of such support is steadily growing. Tax regimes for income from R&D abroad comply with the minimum standard *BEPS Action 5*, aimed at more effectively countering harmful tax practices that may harm other jurisdictions. The characteristics of income-based tax benefits for R&D are highlighted. *It is concluded* that it is necessary to introduce the *BEPS Action 5* minimum standard in Russia in order to stimulate the IT industry and significantly expand income tax incentives for the commercialization of breakthrough technologies and innovations in other industries.

Keywords: fiscal instruments; commercialization of R&D; tax incentives; qualified profit; innovation policy

For citation: Polezharova L.V., Volkov D.M. Foreign experience of fiscal mechanisms of preferential economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(4):145-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-145-154

© Полежарова Л.В., Волков Д.М., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования фискальных механизмов преференциальной экономики в условиях новой модели технологического суверенитета промышленности, предполагающей широкую кооперацию с новыми партнерами в технологической сфере; экспорт российской высокотехнологичной продукции и научных разработок; поддержку малых инновационных предприятий; создание поощряющей институциональной среды, исходят из того, что «стимулирование промышленного производства и обеспечение его технологического суверенитета не могут ориентироваться на простое расширенное воспроизводство и экстенсивное развитие отраслей, так как стимулироваться и поддерживаться на государственном уровне может только развитие промышленности по инновационному типу, т.е. на основе современных технологий, а также их источников — высокотехнологичных отраслей и научного сектора» [1].

В течение нескольких десятилетий в зарубежных странах все большее значение приобретают фискальные инструменты финансовой поддержки НИОКР и инновационной деятельности, а точнее — налоговые льготы [2], что еще раз подтверждает первостепенную важность данного инструмента в экономической политике стран в целом.

Содержание, композиция и механизмы налоговых льгот, используемых для стимулирования НИОКР в разрезе России и зарубежных стран, являются предметом особого интереса экспертов научной школы налогов и налоговой практики Финансового университета под руководством профессора Л.И. Гончаренко и детально рассматриваются в монографии под редакцией М.Р. Пинской и А.В. Тихоновой [1] и ряде статей известных авторов, среди которых С.В. Богачев [3], Л.И. Гончаренко, Н.Г. Вишневецкая [4], А.В. Гурнак, Н.А. Назарова [5], Д.И. Ряховский, М.С. Балакин [6]. Среди зарубежных ученых существенный вклад в исследование фискальных инструментов стимулирования НИОКР внесли Appelt S., González Cabral A., Galindo-Rueda F., Criscuolo C. [7; 8].

В настоящей статье приводится агрегированный анализ состава и стоимости фискальных инструментов стимулирования НИОКР и инноваций в развитых странах по классу поощрения коммерциализации НИОКР (по доходам), что позволяет выделить общие тенденции развития данных инструментов

и налоговой политики развитых государствах в секторе НИОКР.

Настоящее исследование опирается на новейшие сведения, полученные из базы данных ОЭСР *INNOTAX*¹ по 2022 г. включительно² [для 48 стран, охватывая все страны ОЭСР, страны ЕС и пять экономик-партнеров (Аргентина, Бразилия, Китай, Южная Африка и Таиланд)].

СТИМУЛИРОВАНИЕ НИОКР ПО ДОХОДАМ

Налоговые режимы, в рамках которых предоставляются льготы с целью стимулирования коммерциализации НИОКР посредством использования режимов льготирования организаций по доходам (далее — режимы *IBTI*, от англ. *Income-Based Tax Incentives*) в отношении НИОКР, применяются в сочетании с предоставлением налоговых льгот в отношении расходов, в то время как последние предлагают установление льготного налогового режима в части расходов на НИОКР (уменьшение налоговой базы по налогу на прибыль на допустимые законом расходы на НИОКР (в том числе с повышающим коэффициентом), в первую очередь связанных с трудовыми ресурсами и другими текущими затратами, обеспечивающими облегчение коммерциализации НИОКР благодаря снижению или обнулению налоговой ставки по налогу на прибыль.

Режимы *IBTI* включают две широкие категории:

1) режимы интеллектуальной собственности (далее — режимы ИС), представляющие собой системы правовых норм, регулирующие имущественные и личные неимущественные отношения, которые возникают при осуществлении и защите интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и предусматривают освобождение от налогообложения доходов, полученных от определенных приемлемых активов ИС (например, патентов), которые могут возникать в ходе инновационной деятельности предприятия;

2) режимы двойной категории, которые предусматривают освобождение всего дохода от пред-

¹ OECD INNOTAX — совместное предприятие Дирекции по науке, технологиям и инновациям и Центра налоговой политики и администрирования ОЭСР при поддержке программы ЕС H2020 с целью восполнения пробелов в фактических данных о поддержке НИОКР.

² OECD. R&D tax incentives database. 2023. URL: <http://oe.cd/rntax>.

принимательской деятельности (т.е. не обязательно основанного на ИС), но ограничиваются правомочными предприятиями, которые считаются участвующими в НИОКР или другой инновационной деятельности. Например, в Израиле льготы по налогу на прибыль могут получать так называемые «предпочтительные» промышленные предприятия — обладатели прав на ИС, 25% капиталооборота которых приходится на экспорт на потребительском рынке емкостью более 15 млн человек, прошедшие сертификацию участника НИОКР или другой инновационной деятельности в Национальном управлении по инновациям.

Режимы ИС являются наиболее распространенной формой налогообложения в странах ОЭСР и ЕС. Так, вышеуказанные режимы двойной категории составляют 18% режимов *IBTI* в ОЭСР, 11% — в ЕС. Они шире по охвату, но связь с инновационными результатами у них более размыта, чем в режимах ИС.

Страны могут применять несколько стимулов инновационной деятельности, если поддержка предоставляется на субнациональном уровне или режимы *IBTI* ориентированы на различные виды деятельности, сектора, места инвестирования или типы налогоплательщиков. Например, в Израиле режимы *IBTI* нацелены на различные виды деятельности или налогоплательщиков³, в Корее налоговый режим зависит от типа соответствующего дохода, а в Таиланде — от вида деятельности,

³ «Предпочтительный режим технологического предприятия» для стимулирования израильской промышленности и создания новых рабочих мест распространяется на промышленные предприятия, владеющие правами ИС, 25% капиталооборота которых приходится на экспорт; применяется льготная ставка налога на прибыль в отношении роялти и других доходов: 7,5% — для компаний, расположенных в приоритетной зоне А (National Priority Areas, NPAs) (города Димона, Беер Шева, Маале Адумим (неподалеку от Иерусалима) или Кармиэль в Галилее). 12% — для компаний в остальной части страны. Ставка налога на прирост капитала (для компании, владеющей технологическим предприятием) при продаже нематериального актива (который был приобретен после 1 января 2017 г.) иностранной связанной компании будет составлять 12%, если актив был приобретен у иностранной компании за 200 млн шекелей или больше. «Специальный режим предпочтительного технологического предприятия» распространяется на крупные многонациональные технологические предприятия, чей годовой капиталооборот превышает 10 млрд шекелей (3,05 млрд долл. США) и 25% прибыли которых приходится на экспортные операции; применяется льготная ставка налога на прибыль в отношении роялти 6%. Полная ставка налога на прибыль в Израиле составляет 23%.

размера или местоположения инвестиций⁴. В Испании и Швейцарии режимы *IBTI* применяются на субнациональном уровне. Из 48 исследуемых стран в 2022 г. в 32 государствах установлены режимы *IBTI* на национальном уровне (84%).

Режимы *IBTI* предусматривают также установление льгот по доходам от коммерциализации формально защищенных нематериальных активов (далее — НМА) в виде доходов от лицензирования, продажи и доход от ИС. Но примерно в 75% исследованных режимах *IBTI* налоговые льготы также распространяются на доходы от защиты соответствующих НМА (доход от страхования, возмещения убытков или компенсации в отношении квалифицируемого права ИС) [9; 10].

Все режимы *IBTI* в зарубежных странах предусматривают предоставление льгот в отношении патентов, а большинство юрисдикций распространяют право льгот на активы ИС, аналогичные патентам.

Патенты, защищенное авторским правом программное обеспечение и полезные модели (краткосрочные патенты) — это три актива ИС, в отношении которых у налогоплательщиков чаще всего имеется право на освобождение от налогообложения. Активы ИС, на которые распространяется право на продление периода эффективной охраны, также часто могут облагаться налогами в соответствии с режимами *IBTI*.

Хотя очень немногие режимы доступны исключительно малым и средним предпринимателям (далее — МСП), более мелким налогоплательщикам могут предоставляться льготы по более широкому набору НМА, чем более крупным налогоплатель-

⁴ Сертификат Комитета по инвестициям Королевства Таиланд (Board of Investments, BOI) по льготному режиму «Налоговый стимул по видам деятельности» поддерживает такие типы бизнеса, как сельскохозяйственная и медицинская промышленность, передовые производственные отрасли, исследования, разработки, развитие технологий и инноваций; применяется ставка налога 0%, полная ставка налога на прибыль в Таиланде составляет 20%. Режим «Налоговый стимул на основе заслуг» предусматривает полное освобождение от налогообложения прибыли (роялти и других доходов) (ставка налога 0%) на три года с продлением до 9–13 лет в зависимости от соотношения инвестиций (расходов) на НИОКР и доходов за первые три года вместе взятых: если коэффициент равен 1% или понесенные расходы превышают 200 миллионов бат, налоговые каникулы увеличиваются на один год; если коэффициент равен 2% или расходы превышают 400 миллионов бат, налоговые каникулы увеличиваются на два года; если коэффициент равен 3% или расходы превышают 600 миллионов бат, налоговые каникулы продлеваются на три года.

щикам в некоторых странах. Налоговые режимы Кипра, Франции, Израиля, Ирландии, Кореи, Мальты, Нидерландов и Турции предусматривают налоговые льготы для мелких налогоплательщиков на изобретения, которые имеют схожие характеристики с патентами или программным обеспечением, защищенными авторским правом и сертифицированы компетентным государственным органом. В различных юрисдикциях объем квалифицируемых активов варьируется от узко определенных режимов до режимов, предоставляющих льготы широкому спектру ИС.

На конструкцию режимов *IBTI* сильно влияет минимальный стандарт *BEPS Action 5*⁵, который ограничил типы активов и доходов, а также условия, при которых налогоплательщики могли бы получить выгоду от применения режима *IBTI*. Кроме того, вышеуказанным стандартом введен подход под названием «коэффициент связи», который выступает в качестве показателя существенной исследовательской деятельности налогоплательщика и устанавливает пропорциональную связь между расходами, понесенными налогоплательщиком на развитие НМА, и долей дохода, которая могла бы претендовать на налоговые льготы⁶.

Размер налоговых льгот зависит от структуры *IBTI*. В табл. 1 представлены два ключевых фактора, которые влияют на уровень налоговых льгот, предоставляемых *IBTI*: факторы конструкции, влияющие на объем режима (типы активов и доходов, которые дают основание для льготного налогового режима); факторы, влияющие на расчет налоговых льгот (предлагаемые пониженные налоговые ставки и расчет налоговой базы).

Режимы *IBTI* вводятся в действие посредством сниженной налоговой ставки или освобождения от стандартных ставок корпоративного налога. Среди рассмотренных режимов среднее предлагаемое снижение составляет 65% от полной номинальной ставки и варьируется от частичного освобождения в размере 20% от номинальной ставки в Японии до

полного освобождения в ряде юрисдикций [Чехия, Греция, Турция (режим «Зона технологического развития»⁷), Румыния и Таиланд (режимы «налоговый стимул по видам деятельности» и «налоговый стимул на основе заслуг»⁸)].

В 2022 г. режимами *IBTI* сокращены налоговые обязательства компаний в отношении отвечающих критериям НМА НИОКР, созданных внутри компании, в среднем на 66% со значительными различиями между странами. И в этом заключается их основной стимулирующий фактор. Если учитывать *IBTI*, эффективная налоговая ставка (*ETR — Effective Tax Rate*) «падает» в среднем с 19,6 до 6,7% [11].

Помимо льготных налоговых ставок, на размер налоговых льгот, предлагаемых режимами *IBTI*, влияет расчет налоговой базы (квалифицированной прибыли). Среди изученных режимов налоговые льготы применяются к доходам за вычетом текущих расходов (и убытков), связанных с ИС («чистый подход», который является частью минимальных стандартных требований *BEPS Action 5*). Режимы *IBTI* различаются тем, как при расчете налоговой базы учитываются расходы, понесенные в прошлом, т.е. до того момента, когда актив начал приносить доход. Некоторые *IBTI* не требуют корректировки налоговой базы с учетом прошлых расходов (вычитаются только текущие расходы), другие требуют возмещения прошлых расходов, а в некоторых случаях существует требование капитализировать расходы на НИОКР для получения выгоды от режима *IBTI*.

СТОИМОСТЬ ФИСКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ НИОКР ПО ДОХОДАМ

Налоговые льготы режимов *IBTI*, как правило, достаются небольшой группе компаний. В половине всех исследованных стран в 2020 г. (и позднее) этой поддержкой воспользовались менее 100 компаний. В то время как МСП, как правило, составляли большинство получателей налоговых льгот *IBTI*, на долю крупных компаний приходилась основная доля льгот режимов *IBTI*, что может отражать концентрацию ИС среди небольшого числа крупных корпораций.

⁷ Предусматривает ставку налога на прибыль по роялти и другим доходам в размере 0% при полной ставке налога на прибыль в Турции 23%.

⁸ Предусматривает ставку налога на прибыль по роялти и другим доходам в размере 0% при полной ставке налога на прибыль в Таиланде 20%.

⁵ OECD. Countering Harmful Tax Practices More Effectively, Taking into Account Transparency and Substance, Action 5–2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. OECD Publishing. Paris, 2015. 82 p. DOI: 10.1787/9789264241190-en.

⁶ OECD. Countering Harmful Tax Practices More Effectively, Taking into Account Transparency and Substance, Action 5–2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. OECD Publishing. Paris, 2015. 82 p. DOI: 10.1787/9789264241190-en.

Таблица 1 / Table 1

Ключевые факторы – характеристики налоговых льгот на основе дохода / Key Factors – Characteristics of Income-Based Tax Credits

Фактор / Factor	Характеристика фактора / Characteristics of the factor	Содержание фактора / Factor content
Фактор, влияющий на сферу применения режима / Factor influencing the scope of application of the regime	Правомерный налогоплательщик и условия приемлемости	Размер фирмы (МСП/крупные фирмы), тип НИОКР или инновационной деятельности, минимальный уровень инвестиций в НИОКР, другие инвестиционные требования, не связанные с НИОКР
	Квалифицируемые активы и условия развития ИС	Тип ИС, соответствующий критериям, включая ее официальную и неформальную охрану; требования к разработке или разработчику ИС; место проведения НИОКР, регистрация ИС и статус ее охраны
	Квалификационный доход	Типы потоков доходов, которые соответствуют критериям, например коммерциализация или защита ИС и других доходов, не связанных с ИС (двойной режим)
Фактор, влияющий на расчет налоговых льгот / Factor influencing the calculation of tax benefits	Льготные налоговые ставки	Режим ставок налога; количество лет, в течение которых предоставляется льготный налоговый режим
	Определение налоговой базы	Учет текущих расходов; учет прошлых расходов; учет потерь ИС; состояние развития (коэффициент связи)
	Ограничение налоговых льгот и учет неиспользованных льгот	Потолки или ограничения доходов или налоговых льгот, временные ограничения; положения о переносе или возврате неиспользованных налоговых льгот

Источник / Source: составлено авторами по [9] / compiled by the authors according to [9].

Использование режимов *IBTI* в регионе ОЭСР и за его пределами ускорилось за последние два десятилетия. Число стран ОЭСР, использующих режимы *IBTI*, увеличилось в четыре раза в период 2000–2022 гг., а среди стран ЕС ситуация еще более острая. Глобализация НИОКР, рост НМА и их растущий вклад в производительность и экономический рост способствовали увеличению использования режимов *IBTI* для привлечения и сохранения НИОКР и инновационной деятельности в стране, одновременно предотвращая передачу налогооблагаемой базы в другие страны [13].

Налоговые льготы, предоставляемые режимами *IBTI*, доступны, как минимум, в половине государств ОЭСР и ЕС. По состоянию на июль 2022 г. 21 из 38 стран ОЭСР и 16 из 27 государств ЕС предоставляли налоговые льготы на основе доходов (57% стран ОЭСР, 63% государств ЕС). В общей сложности

в 2022 г. режимы *IBTI* были введены в 27 из 48 исследованных государств.

Стоимость поддержки режимов *IBTI* варьируется в зависимости от юрисдикции, предоставляющей этот тип льгот. Средняя страна, по которой доступны данные на 2020 г. (и позднее), предоставляет налоговые льготы в размере 0,01% ВВП: от менее 0,001% ВВП в Аргентине, Корее и Японии до более 0,15% ВВП в Нидерландах (0,24% ВВП), Бельгии (0,18% ВВП) и Израиле (0,15% ВВП). Оценки стоимости установления режима *IBTI* показывают, что масштаб этой поддержки в целом очень мал и составляет менее 0,01% ВВП в 10 из 22 стран, по которым доступны данные. Стоимость установления режима *IBTI* была самой высокой в Нидерландах, Бельгии и Израиле.

В абсолютном выражении крупнейшими государствами поддержки режимов *IBTI* были США (~11 020 млн долл. США), Италия (~2615 млн долл.

США) и Нидерланды (~2615 млн долл. США). Причем абсолютные суммы налоговых субсидий выше для более крупных стран, таких как США⁹.

Если сложить воедино тенденции по всем странам, то результаты анализа показывают общий вектор к росту стоимости и использованию налоговых льгот на основе доходов в большинстве стран ОЭСР (Ирландия является одним исключением), но также свидетельствуют о некоторых существенных различиях в общей величине и динамике налоговых льгот на основе доходов между странами.

СОЧЕТАНИЕ СТИМУЛОВ НИОКР ПО РАСХОДАМ И ДОХОДАМ

Налоговые льготы, основанные на доходах, предоставляются наряду с налоговыми льготами, основанными на расходах (табл. 2). За исключением Аргентины, Кипра и Люксембурга, которые предлагают налоговую поддержку на основе доходов изолированно, большинство стран сочетают использование налоговых льгот обоих классов. В 2022 г. 20 из 38 стран ОЭСР и 14 из 27 государств ЕС предоставляли налоговые льготы как для вложений в НИОКР, так и для обеспечения инновационного процесса.

В большинстве стран, применяющих режимы *IBTI*, налоговые льготы на основе расходов на НИОКР и инновации также доступны предприятиям и организациям как часть пакета содействия инновациям.

Предприятия могут комбинировать использование налоговых льгот, основанных на расходах и доходах, на разных этапах жизненного цикла инноваций. Налоговые льготы на расходы на НИОКР могут использоваться на ранних этапах инвестирования для поддержки инвестиций в НИОКР, и они нацелены на вклад в инновационный процесс (способствуют снижению первоначальной стоимости инвестиций). Налоговые льготы, основанные на доходах, могут быть доступны после того, как инновация появилась и начала приносить прибыль. Поэтому они нацелены на повышение отдачи от инновационного процесса (увеличивают прибыль после уплаты налогов). Обе меры по-разному влияют на стоимость капитала и *ETR*, а это означает, что каждая из них по-разному влияет на принятие решения, касающегося интенсивной или экстенсивной маржи [15].

⁹ OECD. Income-based tax relief for R&D and innovation — an integrated view. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 161. 71 p.

Возможность использования обеих форм поддержки требует лучшего понимания общего объема неявных налоговых субсидий, предоставляемых через налоговую систему, подчеркивая необходимость в новом классе индикаторов экономической политики, которые обеспечивают комплексное представление об усилиях правительства по поддержке НИОКР и инноваций через налоговую систему как посредством признания расходов на НИОКР, так и налоговых льгот на доходы.

При интеграции двух разных классов стимулов, помимо конкретной разработки государством налоговых льгот, основанных на доходах и расходах, должно учитываться взаимодействие обоих этих инструментов. В некоторых странах (например, в Чехии, на Мальте) использование налоговых льгот на НИОКР, основанных на расходах, исключает возможность применения режима *IBTI*. В других государствах компании могут использовать оба инструмента, но базу для режима *IBTI* необходимо уменьшать, чтобы учитывать налоговые льготы, основанные на расходах.

По сравнению с налоговой поддержкой, осуществляемой на основе расходов, использование и величина режима *IBTI*, как правило, меньше.

Популяция пользователей режима *IBTI* может отличаться от совокупности пользователей налоговых льгот, основанных на расходах, что обусловлено особенностями этого инструмента: в режиме *IBTI* поддерживаются только доходы от определенных НМА НИОКР, которые обычно формально защищены. Это означает, что льготы применимы только к предприятиям, которые:

- 1) добились успеха в своих инвестициях в НИОКР, создают и используют прибыльные инновации;
- 2) сами внесли свой вклад в разработку актива НИОКР (или передали НИОКР на аутсорсинг не связанным сторонам), соблюдая требования *BEPS Action 5*;
- 3) защитили свои инновации с помощью квалифицируемого актива (обычно формально защищенного);
- 4) коммерциализируют ИС с получением соответствующего дохода. Предприятия, которые не отвечают этим условиям, не смогут получить доступ к режиму *IBTI*, но могут пользоваться налоговыми льготами, основанными на расходах.

На рис. 1 и 2 приведены показатели стоимости налоговых льгот на НИОКР и инновации, основанные на расходах и доходах соответственно.

Таблица 2 / Table 2

Налоговые льготы для НИОКР и инноваций, 2022 г. / Tax incentives for R&D and innovation, 2022

Вид налоговой поддержки / Type of tax support	Страна – член ОЭСР / OECD member country	Страна – член ЕС, не входящая в ОЭСР / Country – EU member, not part of the OECD	Другие экономики / Other economies
На основе доходов и расходов / Based on income and expenses	Бельгия, Великобритания, Венгрия, Греция, Израиль, Ирландия, Испания, Канада, Корея, Литва, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия, США, Турция, Франция, Чехия, Швейцария, Япония	Мальта, Румыния	Китай, Таиланд
Только на основе дохода / Based on income only	Аргентина, Люксембург	Кипр	
Только на основе расходов / Based on expenses only	Австралия, Австрия, Германия, Дания, Исландия, Италия, Колумбия, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Словения, Финляндия, Чили, Швеция	Хорватия	Бразилия, ЮАР
Нет / No	Коста-Рика, Латвия, Эстония	Болгария	

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors according to OECD. Income-based tax relief for R&D and innovation – an integrated view. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 161. 71 p.

В России стоимость стимулирования НИОКР по расходам составляет примерно 0,12% ВВП, как и в США, и кратно превышает налоговые расходы на стимулирование НИОКР во многих странах ОЭСР и ЕС. Что касается стоимости перехода на режим *IBTI*, российский показатель существенно ниже среднестранового, который составляет ~0,01% ВВП. На данном этапе в России по доходам стимулируется только ИС, созданная в ИТ-отрасли, что свидетельствует о недостаточно активном использовании этого фискального инструмента.

Изменения на международной налоговой арене, в частности связанные с глобальным минимальным налогом *GloBE*¹⁰, являются важным фактором, который будет способствовать формированию будущей налоговой поддержки НИОКР и инноваций. Правила *GloBE* изменят глобальную среду для поддержки бизнеса в целом и налоговых льгот, в частности если определенные налоговые льготы снижают эффективную налоговую ставку (*ETR* — *Effective Tax Rate*) многонациональной компании (далее — МНК) ниже

15%, может потребоваться уплата дополнительного налога, в том числе в другой юрисдикции. Это может повлиять на эффективность налоговых льгот для НИОКР и определяет необходимость стран оценивать свою структуру поддержки инноваций в условиях введения *GloBE* (кроме предприятий, которые не подпадают под действие правил *GloBE*, — отечественных организаций или дочерних компаний МНК с годовой прибылью группы ниже 750 млн евро).

ВЫВОДЫ

Более широкое в последние десятилетия использование налоговых льгот на НИОКР привело к сдвигу в структуре государственной поддержки НИОКР в сторону налоговых инструментов. За период 2000–2020 гг. общий объем государственной поддержки бизнес-НИОКР (в % от ВВП) увеличился примерно на 50% в регионе ОЭСР и на 80% в ЕС. Налоговые льготы на НИОКР превзошли прямое финансирование в стоимостном выражении уже в 2015–2016 гг. в государствах ОЭСР и ЕС.

Практически все страны предлагают налоговую поддержку НИОКР, основанную на доходах, наряду с налоговыми льготами, основанными на расходах на НИОКР, что позволяет стимулировать разработки на разных этапах жизненного цикла инноваций. Возможность использования обеих форм поддержки требует

¹⁰ OECD. Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy — Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Inclusive Framework on BEPS. OECD. Paris. 2021. 70 p. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-globalanti-base-erosion-model-rules-pillar-two.pdf>.

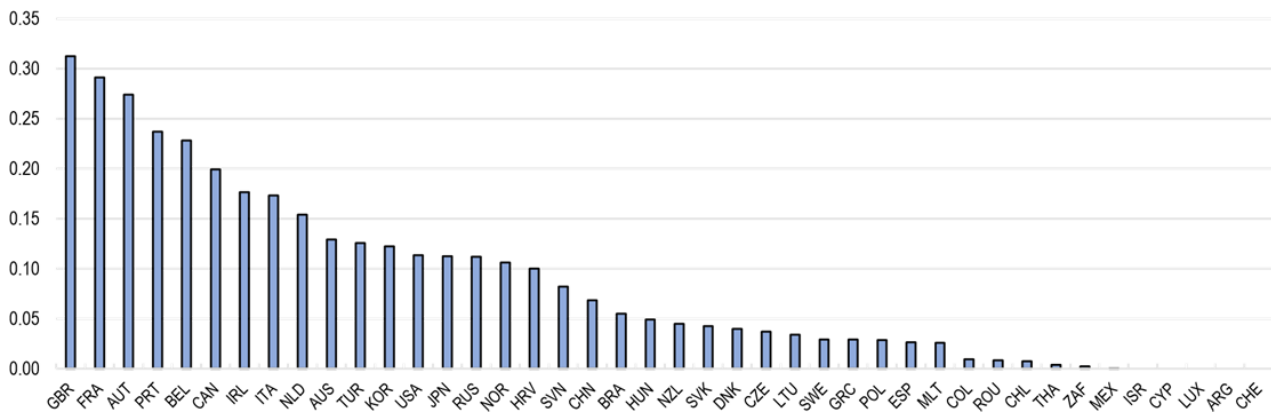

Рис. 1 / Fig 1. Налоговые льготы на основе расходов на НИОКР, % ВВП, 2020 г. /
Tax incentives based on R&D expenditures, % of GDP, 2020

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors according to OECD. Income-based tax relief for R&D and innovation – an integrated view. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 161. 71 p.

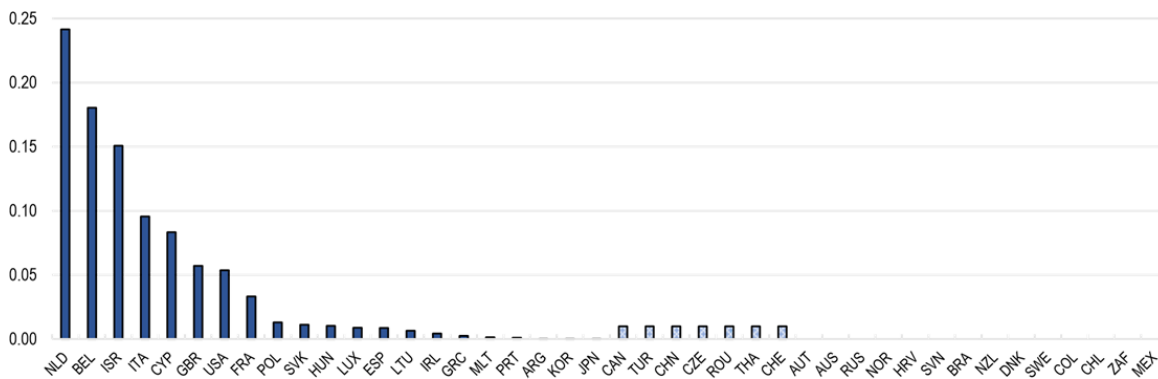

Рис. 2 / Fig 2. Налоговые льготы на основе доходов НИОКР, % ВВП, 2020 г. /
Tax incentives based on R&D income, % of GDP, 2020

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors according to OECD. Income-based tax relief for R&D and innovation – an integrated view. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 161. 71 p.

понимания и разработки показателей оценки общего объема неявных налоговых субсидий, которые правительства предоставляют инновационным организациям через налоговую систему. Интеграция двух разных классов стимулов, помимо конкретной разработки государством налоговых льгот, требует учета взаимодействия при использовании обоих инструментов.

Роль стимулов, основанных на доходе, сильно различается по странам: их доля в общем объеме налоговых льгот для НИОКР и инноваций варьируется от почти 0% (в Японии, Португалии, Корее) до примерно 40% в Бельгии, 60% в Нидерландах и 100% на Кипре.

По сравнению с налоговыми льготами на расходы на НИОКР применение и масштаб налоговых льгот на основе доходов, как правило, в целом меньше, поскольку они нацелены на успешные инвестиции в НИОКР, для которых требуется охрана ИС.

Во время реализации *BEPS Action 5* страны внесли в свои льготные налоговые режимы поправки или ввели новые режимы и определяют квалифицированную прибыль на базе коэффициента существенной связи доходов и расходов на НИОКР. Необходимо оценить отечественный режим фискального стимулирования ИТ-отрасли (налогового маневра в ИТ-отрасли) как не соответствующий *BEPS Action 5* и обеспечить внедрение в налоговое законодательство подхода существенной взаимосвязи [11; 15]. Такой подход обеспечит стимулы к созданию добавленной стоимости от ИС в России и создаст барьеры к размыванию национальной налоговой базы. В России используется широкий спектр различных классов, методов и форм фискальной поддержки инноваций [1; 4]. Вместе с тем нужно развивать режим *IBTI* для НМА не только в ИТ-отрасли, но

и для коммерциализации прорывных технологий в других отраслях.

Меняющаяся глобальная ситуация с корпоративным налогообложением и международная налоговая реформа требуют отдельного исследования на

предмет будущего использования налоговых льгот для содействия бизнес-НИОКР в России и оценки налоговых рисков государства при введении зарубежными странами глобального минимального налога *GloBE*.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2024 г.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University in 2024.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Пинская М.Р., Тихонова А.В., ред. Налоговое стимулирование развития промышленности России в условиях санкционных ограничений. Монография. М.: Прометей; 2021. 226 с.
Pinskaya M.R., A.V. Tikhonova A.V., eds. Tax incentives for the development of Russian industry under sanctions restrictions. Monograph. Moscow.: Prometheus; 2021. 226 p. (In Russ.).
2. Цзыхао Лю. Налоговое стимулирование в системе государственной финансовой поддержки промышленного производства. *Российский экономический вестник*. 2020;3(5):32–37.
Tszhyhao Lyu. Tax Incentives in the System of State Financial Support for Industrial Production. *Rossiyskiy ekonomicheskij vestnik*. = *Russian Economic Bulletin*. 2020;3(5):32–37. (In Russ.).
3. Богачев С.В. Особенности территориального налогового стимулирования ускорения экономического развития. *Финансы и кредит*. 2022;28(12):2681–2702. DOI: 10.24891/fc.28.12.2681
Bogachev S.V. Features of territorial tax incentives for accelerating economic development. *Finansy i kredit*. = *Finance and credit*. 2022;28(12):2681–2702. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.28.12.2681
4. Гончаренко Л.И., Вишневецкая Н.Г. Налоговое стимулирование инновационного развития промышленного производства на основе анализа передового зарубежного опыта. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(4):121–31. DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–4–121–131
Goncharenko L.I., Vishnevskaya N.G. Tax incentives for innovative development of industrial production on the basis of foreign best practices analyses. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2019;12(4):121–131. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–4–121–131
5. Гурнак А.В., Назарова Н.А. Налоговое стимулирование экономического роста в России: проблемы и перспективы. *Налоги и налогообложение*. 2023;(1):1–16. DOI: 10.7256/2454–065X.2023.1.39483
Gurnak A.V., Nazarova N.A. Tax incentives for economic growth in Russia: problems and prospects. *Nalogi i nalogooblozheniye*. = *Taxes and taxation*. 2023;(1):1–16. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454–065X.2023.1.39483
6. Ряховский Д.И., Балакин М.С. Анализ влияния уровня налоговой нагрузки на экономический рост: теоретический и эмпирический аспекты. *Экономика устойчивого развития*. 2022;(3):119–122. DOI: 10.37124/20799136_2022_3_51_119
Ryakhovsky D.I., Balakin M.S. Analysis of the influence of the level of tax burden on economic growth: theoretical and empirical aspects. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*. = *Economics of sustainable development*. 2022;(3):119–122. (In Russ.). DOI: 10.37124/20799136_2022_3_51_119
7. Appelt S. et al. Cost and uptake of income-based tax incentives for R&D and innovation. OECD Science, Technology and Industry Working Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. № 03. 49 p. DOI: 10.1787/4f531faf-en
8. Appelt S., Bajgar M., Criscuolo C., Galindo-Rueda F. R&D Tax Incentives: Evidence on design, incidence and impacts. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. OECD Publishing. Paris. 2016. No. 32. 43 p. DOI: 10.1787/5jlr8fldqk7j-en
9. González Cabral, A. et al. Design features of income-based tax incentives for R&D and innovation. OECD Taxation Working Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 60. 58 p. DOI: 10.1787/a5346119-en

10. Criscuolo C. et al. Quantifying industrial strategies across nine OECD countries. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 150. 52 p. DOI: 10.1787/5f2dcc8e-en
11. Kolotovkin I.V. Qualified profit taxation as an alternative to the it tax maneuver in the Russian Federation. *Components scientific and technological progress*. 2024;91(1):59–66. URL: [https://moofrnk.com/assets/files/journals/components-of-scientific-and-technological-progress/91/Components-of-Scientific-1\(91\)2024-main.pdf](https://moofrnk.com/assets/files/journals/components-of-scientific-and-technological-progress/91/Components-of-Scientific-1(91)2024-main.pdf).
12. González Cabral A. et al. Effective tax rates for R&D intangibles. OECD Taxation Working Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 63. 64 p. DOI: 10.1787/191dad43-en
13. González Cabral A. et al. A time series perspective on income-based tax support for R&D and innovation. OECD Taxation Working Papers. OECD Publishing. Paris. 2023. No. 62. 65 p. DOI: 10.1787/dae3cd5c-en
14. González Cabral A., Appelt S., Hanappi T. Corporate effective tax rates for R&D: The case of expenditure-based R&D tax incentives. OECD Taxation Working Papers. OECD Publishing. Paris. 2021. No. 54. 66 p. DOI: 10.1787/ff9a104f-en
15. Kolotovkin I.V., Polezharova L.V. Effectiveness of Tax Benefits for Information Technology Organizations in Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(2):71–81. DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–2–71–81

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Людмила Владимировна Полежарова — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга, факультет налогов, аудита и бизнес-анализа, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия; Советник государственной гражданской службы Российской Федерации 1-го класса, Почетный работник Министерства Российской Федерации по налогам и сборам, член Международной налоговой ассоциации IFA, Москва, Россия
Lyudmila V. Polezharova — Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher of the Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia; Adviser to the State Civil Service of the Russian Federation, 1st Class, Honorary Employee of the Ministry of Taxes and Duties of the Russian Federation, member of the International Tax Association IFA, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2636-6567>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
LVPolezharova@fa.ru

Денис Максимович Волков — стажер-исследователь Центра научных исследований и стратегического консалтинга, факультет налогов, аудита и бизнес-анализа, аспирант факультета налогов, аудита и бизнес-анализа; Финансовый университет, Москва, Россия; руководитель отдела налогового планирования Lamoda, член Союза «ПНК», член комитета по налогообложению АЕБ, член Экспертного совета ТПП РФ по совершенствованию налогового законодательства и правоприменительной практики, Москва, Россия
Denis M. Volkov — Intern Researcher at the Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, postgraduate student at the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis; Financial University, Moscow, Russia; Head of the Lamoda Tax Planning Department, member of the PNK Union, member of the AEB Taxation Committee, member of the Expert Council of the Chamber of Commerce of the Russian Federation on improvement of tax legislation and law enforcement practice, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0001-9586-1107>
230363@edu.fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.05.2024; принята к публикации 24.07.2024.
The article was received 17.05.2024; accepted for publication 24.07.2024.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-155-162

УДК 342.9(045)

JEL H26

Российские университеты как источники инноваций: теоретико-правовые аспекты

С.А. Агамагомедова

Институт государства и права РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – правовое регулирование инноваций в деятельности университетов. *Цель работы* – установление теоретико-правовых основ осуществляемых в университетах инноваций. В статье выделены признаки инноваций как правовой категории. Определены этапы, формы и уровни правового регулирования инноваций в России. На основе анализа научной литературы и законодательства установлено место университетов в инновационных процессах. Выделены посредством использования методов системного анализа, синтеза, классификации, сравнительно-правового и формально-юридического методов несколько подходов к обоснованию роли университетов в инновационном развитии, среди которых концепция предпринимательских экосистем и модель «тройной спирали». На основе анализа правового регулирования инноваций и инновационной деятельности университетов установлена комплексность правового института инноваций, включающего частноправовые и публично-правовые механизмы. Обращено внимание на специфику правового регулирования инновационной деятельности в России, а также на особенности инновационной деятельности российских вузов. Сформулированы предложения по решению проблем в развитии инновационного потенциала российских университетов с учетом существующих в настоящее время показателей программы «Приоритет-2030». *Сделан вывод* о необходимости развития инновационной активности российских университетов и повышения их роли в формировании инновационного потенциала территорий, в том числе посредством оптимизации комплексного правового регулирования инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновации; университеты; предпринимательские экосистемы; инновационная деятельность; инновационные предприятия

Для цитирования: Агамагомедова С.А. Российские университеты как источники инноваций: теоретико-правовые аспекты. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):155-162. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-155-162

ORIGINAL PAPER

Russian Universities as Sources of Innovation: Theoretical and Legal Aspects

S.A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the research is the legal regulation of innovations in the activities of universities. *The purpose of the work* is to establish the theoretical and legal foundations of innovations implemented at universities. The article highlights the signs of innovation as a legal category. The stages, forms and levels of legal regulation of innovations in Russia are determined. Based on the analysis of scientific literature and legislation, the place of universities in innovation processes is presented. Several approaches to substantiating the role of universities in innovative development, including the concept of entrepreneurial ecosystems and the “triple helix” model, have been identified through the use of methods of system analysis, synthesis, classification, comparative legal and formal legal methods. Based on the analysis of the legal regulation of innovations and innovative activities of universities, conclusions are drawn about the complexity of the legal institute of innovation, including private and public legal mechanisms; the variability of the positioning of universities within the framework of entrepreneurial, educational and scientific ecosystems and the innovation system; the leading role of universities in the formation and development of the innovative potential of the territory; the importance of universities as sources of innovation. Attention is drawn to the specifics of the legal regulation of innovation activity in Russia, as well as to the features of innovation activity of Russian universities. The problems in the development of the innovative potential of Russian universities are highlighted, and proposals for their solution are

© Агамагомедова С.А., 2024

formulated, taking into account the currently existing indicators of the Priority 2030 program. *The conclusion is made* about the need to develop the innovative activity of Russian universities and increase their role in the formation of the innovative potential of territories, including through the optimization of comprehensive legal regulation of innovation activities.

Keywords: innovations; universities; entrepreneurial ecosystems; innovative activities; innovative enterprises

For citation: Agamagomedova S.A. Russian universities as sources of innovation: theoretical and legal aspects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):155-162. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-155-162

ВВЕДЕНИЕ

Стимулирование инновационной деятельности и развитие инновационной активности являются в настоящее время ключевыми трендами социально-экономического развития, в котором инновации способствуют укреплению отечественной экономики и формированию основ обеспечения технологического суверенитета и экономической независимости государства. Поэтому возникает необходимость в исследовании теоретических и прикладных аспектов инновационной деятельности, разработке понятийного аппарата инноваций, их классификации и выделении источников, факторов генерации для повышения их эффективности в условиях недостаточности ресурсов и новых угроз.

В современных условиях все более востребованными становятся междисциплинарные, комплексные аспекты научных исследований в области инновационного развития. Наряду с признанием инноваций важнейшим феноменом социально-экономического развития [1, с. 5], они представляют интерес для изучения рядом наук, приобретая, таким образом, сквозное значение для выражения воли законодателя. Повышение инновационной привлекательности отечественных предприятий, увеличение их инновационного потенциала, развитие инновационной активности становятся возможными исключительно в случае исследования подобных и смежных категорий с позиций экономики, социологии, психологии, права. Последнее призвано не только регулировать инновационную деятельность в современных условиях, но и обеспечивать правозащитную и стимулирующую функции государства, выражающиеся в:

- защите прав и законных интересов как работодателей инноваций, так и государства в целом в качестве регулятора и потребителя инновационных продуктов и услуг;
- создании и развитии таких правовых механизмов регуляции инновационных процессов, которые способствуют их активизации, созданию

благоприятной для инноваций среды посредством их поддержания финансовыми, организационными и иными способами.

ИННОВАЦИЯ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Инновация с позиций правовой науки является достаточно слабо изученным явлением. В отечественной правовой науке инновации и инновационная деятельность стали предметом дискуссий лишь в период, когда государственная власть обратила внимание на необходимость их правового регулирования ввиду разрозненности и хронологической непоследовательности действующего законодательства, регулирующего инновационную деятельность [2].

Что касается легального понятийного аппарата инновационных процессов, то значимым с точки зрения нормативного правового закрепления ключевых понятий рассматриваемой сферы стало появление в 2011 г. терминов «инновации» и «инновационная деятельность» в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон № 127-ФЗ) в противовес принятию отдельного закона об инновационной деятельности. Сегодня в отечественном законодательстве под инновацией согласно Закону № 127-ФЗ понимается введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, а инновационная деятельность подразумевает осуществление научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, направленных на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

Несмотря на критику легальных определений данного феномена и упреки в заимствовании их содержания из экономической теории [2], их закре-

пление в отечественном законодательстве имеет важное значение для государственного управления инновационной деятельностью и включает такие составляющие, как регулирование научно-технической, образовательной, предпринимательской, банковской, финансовой деятельности; права интеллектуальной собственности как подотрасли гражданского права.

Полагаем, что это далеко не полный перечень аспектов частноправового и публично-правового регулирования, прямо или косвенно относящихся к сфере создания и использования инновационных продуктов. При этом ученые справедливо выделяют уровни существующего правового регулирования общественных отношений в сфере инноваций: наднациональный (СНГ), федеральный и региональный (субъекты Российской Федерации) уровни [2].

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что среди внешних условий, способствующих развитию инновационной среды в регионах, выделяется наличие научного потенциала, причем обращается внимание на необходимость развития одновременно и академической, и отраслевой, и вузовской науки [3, с. 59].

Поскольку в настоящее время существующие процессные, линейные, институциональные и функциональные подходы к исследованию инновационных процессов трансформируются в системно-институциональный подход [4, с. 19], устанавливающий нормы, обычаи поведения в обществе, которые закрепляются в нормативных актах с учетом внеэкономических факторов, считаем возможным выделить университеты в качестве институтов инновационной среды. Важным этапом в их развитии с точки зрения инновационной деятельности стало внесение изменений в действующее законодательство на предмет наделения их правами по созданию обществ (в своем большинстве малых инновационных предприятий) в целях внедрения результатов интеллектуальной деятельности в реальное производство¹.

Таким образом, инновации как правовая категория имеют сравнительно небольшую историю раз-

вития в российском законодательстве, связанную с дополнениями ряда нормативно-правовых актов положениями, направленными на регулирование инновационной деятельности и стимулирование инновационных процессов в том числе в деятельности вузов.

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ИННОВАЦИЙ

Ученые и практики традиционно признают, что университеты выступают важнейшим источником инноваций [5, с. 39; 6, с. 48–59].

Очень часто связь между университетами и инновационной деятельностью доказывается через рассмотрение понятия предпринимательства. Так, отдельные авторы среди факторов, влияющих на предпринимательство, называют отраслевую структуру, региональный потенциал знаний, локальную предпринимательскую культуру. По их мнению, в таких крупных странах, как Россия, многообразие подобных аспектов предпринимательской деятельности может быть особенно значимым [6, с. 51] ввиду того, что традиции и принципы предпринимательства закладываются в большой степени в университетах как кузницах кадров, знаний и технологий.

Инновации постепенно становятся неотъемлемым направлением деятельности университетов наряду с протекающими в них образовательными, научными, экономическими и социальными процессами [5, с. 39]. Ученые признают, что современные университеты становятся не только образовательными, но и исследовательскими, и предпринимательскими организациями, создающими инновационные продукты [7, с. 150].

Следует выделить несколько научных подходов, обосновывающих роль и место университетов в развитии инновационных процессов в стране, регионе, в пределах определенной территории.

Во-первых, это концепция предпринимательских экосистем (далее — ПЭ), под которыми понимаются системы взаимосвязей и взаимодействий различных субъектов в рамках определенной территории (страны, региона, иного административно-территориального образования) [8] в качестве аналогов социально-экономических экосистем, ориентированных на создание, аккумуляцию и распространение научных и научно-прикладных знаний посредством преподавательского, административно-управленческого персонала, укоренившихся

¹ Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

регламентов и процедур, материальных и нематериальных активов, организационных структур, в том числе функциональных сетей и организационно-экономических механизмов, баз знаний, «цепочки добавленных знаний и навыков» в виде последовательности выполнения интеллектуальных задач, с помощью которых работники умственного труда создают уникальное конкурентное преимущество своего работодателя.

Ученые, исследующие историко-институциональные аспекты роли университетов в развитии предпринимательства, подчеркивают их ключевую роль в формировании ПЭ. Подобные исследования служат оценке потенциала университетов для развития предпринимательства в странах не только с позиции развитой, но и транзитной экономики, а также определяют влияние исторических моделей на текущие структурные условия и специфику ПЭ [6].

Интеллектуальный потенциал регионов во многом зависит от базовых (опорных) университетов, которые становятся ключевыми игроками в рамках региональных ПЭ.

Современные университеты призваны играть критическую роль в аккумуляции, хранении и распространении знаний. Они во многом обеспечивают необходимые для инновационной деятельности ресурсы и помогают формировать региональный человеческий капитал для реализации новых возможностей и выполняют базовые институциональные функции посредников и «привратников» в локальных инновационных системах, выполняющих роль «отсеивателей» информации для распространения в средствах массовой информации [6, с. 51].

В рамках экосистемного подхода можно выделить еще один вариант позиционирования университетов как основы (ядра) инновационных экосистем высшего образования вследствие того, что в университетских инновационных экосистемах объединяются исследовательская деятельность и проектная, образовательная и предпринимательская практика [9].

Во-вторых, это модель «тройной спирали», которая представляет собой наращивание горизонтального контакта между государством, наукой и бизнесом, которые выступают основными игроками системы развития инноваций и оказывают влияние друг на друга, формируют равноправное партнерство и являются ведущей движущей силой [7, с. 150].

Кроме обозначенных выше подходов, в отдельных исследованиях университеты рассматриваются в качестве источников образовательных инноваций в высшем педагогическом образовании [10]. Однако, по нашему мнению, это ограниченный подход к установлению роли университетов ввиду того, что они — полноценные источники инноваций как таковых, а не только инноваций в образовании.

Таким образом, применительно к инновациям и инновационной деятельности университеты могут рассматриваться в качестве:

- 1) элементов инновационной среды;
- 2) составляющих системы источников инноваций;
- 3) частью предпринимательской экосистемы;
- 4) компонентов локальной инновационной системы;
- 5) источников образовательных и иных инноваций;
- 6) поставщиков (генераторов) интеллектуальных ресурсов для инноваций.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ

Несмотря на многозначность позиционирования университетов во взаимосвязи с инновациями и инновационной деятельностью, сложно отрицать связь между их развитием и инновационным развитием. Данный вывод обуславливает необходимость правового стимулирования инновационной и иной (смежной с инновационной) активности университетов в целях повышения инновационного потенциала территории.

Ученые, поддерживающие концепцию «тройной спирали», справедливо полагают, что государство становится равноправным партнером с наукой и бизнесом, выполняя организующую и стимулирующую роль в развитии этих партнерских отношений [7, с. 150].

Инновационная активность университетов может иметь различные формы реализации, одной из которых выступает создание в рамках университетской среды научных парков, инновационных инкубаторов, центров трансфера технологий и иных образований [5, с. 39]. Другой формой реализации инновационной активности может быть интеллектуальная или патентная деятельность

университета, его сотрудников и студентов, которая выражается в создании объектов интеллектуальной деятельности, их регистрации и последующей коммерциализации.

Представляет интерес еще один аспект стимулирования инновационного развития в контексте деятельности университетов, когда специалистами подтверждается наличие положительной взаимосвязи академической мобильности, подразумевающей право студентов и сотрудников вузов на краткосрочной (до трех месяцев) и долгосрочной основе учиться, преподавать и вести научную деятельность в другом учебном заведении. При этом мобильность рассматривается как средство трансфера знаний, ценный источник инноваций и необходимый элемент подготовки и развития кадрового потенциала в сфере науки [11, с. 98].

Основой всех элементов (или субъектов) инновационной деятельности выступает оборот человеческих ресурсов из университетов в бизнес, из власти в университеты, в результате чего формируется благоприятная атмосфера для развития инновационного потенциала [7, с. 153].

В качестве значимой проблемы инновационной деятельности университетов специалисты называют невостребованность разработок малых высокотехнологических компаний в вузах и барьеры на пути их выхода на рынок.

Внедрение новых разработок должно стать экономически выгодным. При этом ученые обращают внимание на опасность механизмов налоговых и иных преференций для инновационных предприятий, связанную с риском создания «научных офшоров» и нивелирования самой концепции поддержки малых инновационных предприятий [5, с. 40].

Следует отметить, что инновационная деятельность университетов может в определенном смысле рассматриваться в рамках взаимодействия с бизнесом и властью, т.е. быть формами сорегулирования в области экономики [12]. Кроме того, необходимо учитывать, что инновационная деятельность зависит от инвестиционной привлекательности страны, региона, иного территориального образования. В связи с этим нормативно-правовое регулирование должно соотноситься с инновационной и инвестиционной деятельностью [13].

Для формирования благоприятной инновационной среды на уровне региона ученые предлагают обеспечивать:

- 1) оптимальное сочетание принципов рыночной экономики и государственного регулирования;
- 2) проведение нормативно закрепленной и последовательной государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства;
- 3) систематизацию российского законодательства, регулирующего инновационную сферу;
- 4) улучшение квалификации персонала и развитие профессиональных сообществ, стимулирующих рост уровня квалификации специалистов;
- 5) повышение доступности финансирования инновационных проектов;
- 6) активизацию роли общественных организаций, пропагандирующих инновационную активность;
- 7) просвещение населения в области инновационных программ в регионе и др. [3, с. 64].

С точки зрения совершенствования правового регулирования инновационной деятельности считаем возможным дополнить данный перечень разработкой и принятием специального закона, регламентирующего инновационные процессы.

СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

В рамках доминирующего сегодня институционального подхода университеты, как правило, относятся к формальным институтам ПЭ. При этом принято считать, что их национальная (региональная) специфика (как, впрочем, специфика иных формальных и неформальных институтов в рамках ПЭ) во многом обусловлена историческим (или предшествующим) развитием [6, с. 52].

С позиций так называемой новой экономической теории проблемами развития инновационной деятельности в России называются наследие социалистического прошлого, слабое развитие институтов как таковых, лоббизм определенных социальных групп, доминирование государственного присутствия в экономических отношениях, низкий уровень публичного управления, недостаточная защита права собственности, «непродуктивное предпринимательство» и другие факторы [6, с. 52].

Применительно к участию российских университетов в инновационном развитии страны ученые обращают внимание на исторически присущую процессам создания и развития университетов

централизацию (так, в настоящее время около трети всех российских университетов сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге), сохранявшееся многие десятилетия институциональное разграничение образовательной и научной деятельности, низкий уровень академической мобильности, низкую долю молодежи в научном и образовательном кадровом составе сотрудников российских университетов и др. [6, с. 52–54].

Ситуация с инновационной активностью российских университетов существенным образом меняется в середине 2000-х гг., когда упор на коммерциализацию технологий закрепляется в базовых стратегических документах, а в вузах начинается компания по развитию предпринимательских компетенций. В организационном и статусном смыслах данные процессы отразились в создании федеральных и национальных исследовательских университетов, разработке инновационных образовательных программ, утверждении программы «5–100», подразумевающей попадание не менее пяти университетов в сотню лучших по версии трех авторитетных международных рейтингов *Quacquarelli Symonds*, *Times Higher Education* и *Academic Ranking of World Universities*, адаптацию университетов к мировым стандартам.

Позднее все эти инициативы стали фундаментом для разработки и реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»².

Безусловно, инновационная деятельность российских университетов должна стать объектом научных исследований в целях повышения ее эффективности в условиях современных вызовов и угроз.

К сожалению, таких исследований сегодня мало. Среди наиболее удачных и фундаментальных трудов следует выделять исследование индексов инновационной активности университетов Российской Федерации, позволяющих определять их способность производить поток коммерчески значимых нововведений в контексте показателей программы «Приоритет-2030» — программы стратегического академического лидерства, утвержденной постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3697-р.

² Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3697-р «О реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Ученые делают выводы о том, что увеличились доходы от результатов интеллектуальной деятельности на одного научно-практического работника. В то же время они признают недостаточный уровень коммерциализации объектов интеллектуальной деятельности в отечественных вузах и обращают внимание на старение профессорско-преподавательского состава университетов [14, с. 1693–1694].

Высокий уровень инновационной активности университетов выступает следствием высокой исследовательской активности преподавателей и студентов. Представляет интерес выявленная существенная связь между множеством показателей: средними баллами ЕГЭ, числом иностранных профессоров на одного научно-практического работника, количеством опубликованных статей в рейтинговых журналах, уровнем заработной платы и т.д. Следует согласиться с выводом исследователей, заключающимся в том, что ведущие университеты страны определяют будущее страны.

Университеты становятся ведущими в системе высшего образования через повышение уровня своей инновационной активности [14, с. 1693–1694].

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ свидетельствует о том, что университеты могут и должны рассматриваться в рамках инновационной сферы. Независимо от существующих подходов к позиционированию университетов во взаимосвязи с инновациями и инновационными процессами (концепция предпринимательских экосистем, модель «тройной спирали» и др.), роль университетов в инновационном развитии и формировании инновационного потенциала соответствующей территории трудно переоценить. Университеты могут рассматриваться в качестве составляющих предпринимательской, инновационной, образовательной и научной экосистем как источники инноваций, поставщики ресурсов для инновационной деятельности.

Безусловно, университеты справедливо определяются в качестве локомотивов развития на локальном уровне [6, с. 51].

Несмотря на проблемы в развитии инноваций в отечественной практике, следует считать приоритетными направлениями развития правового регулирования инновационных процессов именно те сегменты, которые основаны на объединении

усилий государства, бизнеса и университетов, в которых роль последних сводится не только к созданию инноваций, но и к формированию общей инновационной культуры, стимулированию инновационной активности населения в современных условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черенков В.И. Развитие теории инноваций: некоторые проблемы. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2019;(1);3–29.
2. Ворожевич А.С. Инновация как правовая категория. Современные научные исследования и инновации. 2011;(5). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/09/2215>.
3. Любимова Е.А. Условия развития инновационной среды региона: опыт фокус-группового исследования. *Вестник Тюменского государственного университета*. 2013;(8);57–65.
4. Маркеев А.И., Свиридов В.А., Тюкавкин Н.М., Юсупов Р.З. Инновационное право. Самара: издательство Самарского университета; 2020. 308 с.
5. Дьяченко О.Г. Развитие инновационной инфраструктуры МГУ им. М.В. Ломоносова. Проблема коммерциализации вузовских технологий. *Бурение и нефть*. 2007;(7–8);39–40.
6. Chepurenko A., Kristalova M., Wyrvich M. Historical and institutional determinants of universities' role in fostering entrepreneurship. *Foresight and STI Governance*. 2019;13;4;48–59. DOI: 10.17323/2500–2597.2019.4.48.59
7. Алексеева А.С. Развитие инновационных систем и концепция «тройной спирали». Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний: Материалы XII Международная научно-практическая конференция, Краснодар, 27–28 мая 2022 года. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2022;150–154.
8. Gamidullaeva L.A., Agamagomedova S.A. Entrepreneurial ecosystems: Impact on the quality of life in a region. *Global Business and Economics Review* [this link is disabled](#). 2021;25(1);68–88.
9. Gasanenko E.A. Universities as the core of innovation ecosystems in higher education. 2024:270–275. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_64892549_61614816.pdf.
10. Козырев В.А. Педагогический университет как источник образовательных инноваций в высшем педагогическом образовании. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена; 2005. 307 с.
11. Нефедова А.И., Волкова Г.Л., Дьяченко Е.Л. Международная мобильность и публикационная активность молодых ученых: что говорят статистика, библиометрия и сами сотрудники. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021;52(4);98–121. DOI: 10.31737/2221–2264–2021–52–4–4
12. Агамагомедова С.А. Саморегулирование в экономике: административно-правовое обоснование. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2023;54(3);140–146. DOI: 10.17308/law/1995–5502/2023/3/140–146
13. Кобзарь-Фролова М.Н. О гармонизации инвестиционного законодательства Российской Федерации. *Финансовое право*. 2023;(9);23–28. DOI: 10.18572/1813–1220–2023–9–23–28
14. Лавриненко Я.Б. Инновационная активность университетов Российской Федерации и показатели программы «Приоритет 2030». *Вопросы инновационной экономики*. 2023;13(3);1675–1698. DOI: 10.18334/vinec.13.3.119150

REFERENCES

1. Cherenkov V.I. Development of the theory of innovation: some problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*. 2019;(1);3–29. (In Russ.).
2. Vorozhevich A.S. Innovation as a legal category. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii = Modern scientific research and innovation*. 2011;(5). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/09/2215>. (In Russ.).
3. Lyubimova E.A. Conditions for the development of the innovative environment of the region: experience of focus group research. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tyumen State University*. 2013;(8);57–65. (In Russ.).
4. Markeev A. I., Sviridov V. A., Tyukavkin N. M., Yusupov R. Z. Innovation law. Samara: Samara University Publishing House; 2020. 308 p. (In Russ.).

5. Dyachenko O.G. Development of innovative infrastructure of Moscow State University. M.V. Lomonosov. The problem of commercialization of university technologies. *Burenie i neft = Drilling and oil*. 2007;(7–8);39–40. (In Russ.).
6. Chepurenko A., Kristalova M., Wyrvich M. Historical and Institutional determinants of universities' role in fostering entrepreneurship. *foresight and sti governance*. 2019;13;4;48–59. DOI: 10.17323/2500–2597.2019.4.48.59
7. Alekseeva A.S. Development of innovative systems and the concept of the “triple helix”. Society and the economy of knowledge, capital management: the digital economy of knowledge: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 27–28, 2022. Krasnodar: Kuban State University; 2022;150–154. (In Russ.).
8. Gamidullaeva L.A., Agamagomedova S.A. Entrepreneurial ecosystems: Impact on the quality of life in a region. *Global Business and Economics Review* [this link is disabled](#). 2021;25(1);68–88.
9. Gasanenko E.A. Universities as the core of innovation ecosystems in higher education. 2024;270–275. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_64892549_61614816.pdf.
10. Kozyrev V.A. Pedagogical university as a source of educational innovations in higher pedagogical education. St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen; 2005. 307 p. (In Russ.).
11. Nefedova A.I., Volkova G.L., Dyachenko E.L. International mobility and publication activity of young scientists: what statistics, bibliometrics and the staff themselves say. *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2021;52(4);98–121. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221–2264–2021–52–4–4
12. Agamagomedova S.A. Self-regulation in economics: administrative and legal justification. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2023;54(3);140–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995–5502/2023/3/140–146>
13. Kobzar-Frolova M.N. On the harmonization of investment legislation of the Russian Federation. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2023;(9);23–28. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813–1220–2023–9–23–28
14. Lavrinenko Ya.B. Innovative activity of universities in the Russian Federation and indicators of the Priority 2030 program. *Voprosi innovatsionnoi ekonomiki = Issues of innovative economics*. 2023;13(3);1675–1698. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.13.3.119150

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Саният Абдулганиевна Агамагомедова — кандидат юридических наук, доцент, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Saniyat A. Agamagomedova — Cand. Sci. (Law.), Assoc. Prof., Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Procedure, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>

saniyat_aga@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.05.2024; принята к публикации 20.07.2024.

The article was received 14.05.2024; accepted for publication 20.07.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-163-170
УДК 346.7(045)
JEL K30, I28

Технопарки как средство достижения национальных целей экономического развития России

А.В. Попова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – общественные отношения, связанные с обеспечением государственной политики в сфере укрепления технологического суверенитета Российской Федерации для достижения национальных целей экономического развития России. *Цели работы* – развитие теоретических представлений о статусе, функциях и роли технопарков, создаваемых при вузах и получивших их практическое воплощение в законодательстве Российской Федерации. Благодаря анализу теоретических подходов к определению понятия «технопарк» с правовой точки зрения установлено, что в настоящее время имеется насущная необходимость в уточнении содержательного содержания понятия «технопарк» с учетом национальных интересов России в условиях глобального противостояния с западными странами. Анализ российского и зарубежного опыта создания при вузах подобного рода технических и технологических организаций позволил выявить их пробелы и коллизии, на основании которых был сделан вывод о необходимости внесения изменений в регулирование статуса технопарков в Российской Федерации для быстрее достижения технологического прорыва, основанного на интеграции науки, системы образования и современных технологий. **Ключевые слова:** технологическая долина; инновационные центры; технопарк; научный парк; инновационный парк; технологический суверенитет

Для цитирования: Попова А.В. Технопарки как средство достижения национальных целей экономического развития России. *Экономика. Налоги. Право.* 2024;17(4):163-170. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-163-170

ORIGINAL PAPER

Technoparks as a Means of Achieving the National Goals of Russia's Economic Development

A.V. Popova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is public relations related to ensuring state policy in the field of strengthening the technological sovereignty of the Russian Federation in order to achieve national goals of economic development of Russia. *The purpose of the work* is to develop theoretical ideas about the status, functions and role of technoparks created at universities and their practical implementation in the legislation of the Russian Federation. Due to the analysis of theoretical approaches to the definition of the concepts of “technopark” from a legal point of view, it is established that at present there is an urgent need to clarify the substantive content of the concept of “technopark” taking into account the national interests of Russia in the context of global confrontation with Western countries. An analysis of the Russian and foreign experience in creating such technical and technological organizations at universities revealed gaps and collisions, on the basis of which it was concluded that changes should be made to the regulation of the status of technoparks in the Russian Federation in order to achieve a technological breakthrough based on the integration of science, education and modern technologies as quickly as possible.

Keywords: technological valley; innovation centers; technopark; science park; innovation park; technological sovereignty

For citation: Popova A.V. Technoparks as a means of achieving the national goals of Russia's economic development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2024;17(4):163-170. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-4-163-170

© Попова А.В., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Технологический процесс, развитие виртуальной реальности, цифровых технологий, являющиеся приметами современного IV (индустриального) этапа научно-технической революции, обуславливают необходимость изменения системы образования. Осенью 2021 г. Международная комиссия ЮНЕСКО по перспективам образования опубликовала доклад «Совместное переосмысление наших перспектив: новый социальный договор в интересах образования»¹ (далее — Доклад), созданный при участии российских экспертов. В его тексте подчеркивается определяющая роль знаний и обучения, но одновременно резюмируется, что образование не смогло «помочь нам сформировать мирное, справедливое и устойчивое будущее» в силу ряда причин, в том числе новых технологий, оказывающих серьезное влияние практически на все сферы жизни современного человека².

Разделяя основной концепт Доклада, необходимо для реализации поставленных перед нашей страной задач как можно скорее создать принципиально новое научное, теоретико-методологическое обоснование профессиональной подготовки кадров для экономики государства так называемого «инновационного типа, готового эффективно выполнять свои функциональные обязанности в новых технологических условиях» [1, с. 372].

Такая трансформация высшего образования должна соотноситься с принципами:

- цифровизации всего процесса обучения, позволяющей формировать навыки принятия решений в виртуальной среде, используя цифровые платформы, иные цифровые технологии, технологии искусственного интеллекта, моделирование, стратегическое и тактическое прогнозирование на основе полученной достоверной информации о государственном, экономическом и правовом развитии России;

- персонализации, а не просто индивидуализации вузовского образовательного процесса, в рамках которого обучающийся из «клиента» системы образования, обладающего правами на получение образовательной услуги, переходит к исполнению роли «талантливого профессионала», способного не только самостоятельно создавать прорывные технологии и обладающего

всем необходимым перечнем квалификационных навыков, но и выбирать собственную индивидуальную траекторию получения необходимых знаний и умений и отвечать за получаемый результат [2, с. 294–315];

- практико-ориентированности образования, особенностью которого является развитие предпринимательской компетенции, т.е. проектности, когда студенты в течение всего процесса обучения в вузе овладевают практическими навыками в рамках индивидуальных и/или коллективных научно-исследовательских проектов в специально созданных для этого образовательных кластерах, технопарках, бизнес-инкубаторах, конструкторских бюро и др.;

- создания научно-исследовательских площадок при различного рода консорциумах в виде технопарков, бизнес-инкубаторов и других форм организации, где становится возможной постоянная работа как студентов, так и «специалистов и опытных работников промышленных предприятий по поиску и апробации оптимальных решений производственных задач» [1, с. 374].

Современные выпускники вузов должны обладать не только «коммуникативными» и «профессиональными» компетенциями (*soft & hard skills* соответственно), но и так называемыми инновационными навыками, к числу которых российскими исследователями отнесены:

- 1) *digital skills* (навыки работы в виртуальной среде — умение применения информационно-коммуникативных технологий и их адаптации к специфике индивидуально-профессиональной деятельности);

- 2) *vital skills* (жизненно важные или необходимые знания, обусловленные психофизиологической природой каждого человека);

- 3) *mental skills* (умственные способности — критическое мышление и интеллектуально-творческий подход к принятию нестандартных производственных решений, выражающихся в достижении синергетического результата деятельности);

- 4) *meta skills* (метанавыки — логическое, критическое, креативное, тактическое и стратегическое мышление у индивида [3, с. 72; 4].

Такие инновационные компетенции могут быть сформированы, например, в технодолинах (технопарках) при вузах, созданных для непосредственной организации совместной деятельности студентов и преподавателей по созданию практико-ориентированных научно-исследовательских проектов, и промышленных предприятиях, на базе которых должны осуществляться не только проектирование подобного рода научно-ис-

¹ Reimagining our futures together: A new social contract for education. Executive summary. URL: <http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/igo>.

² Совместное переосмысление наших перспектив — новый социальный договор в интересах образования. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/210680rus.pdf>.

следовательских разработок, но и процесс их внедрения в производство на основе использования высокотехнологичных и инновационных устройств [1, с. 374].

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ДОЛИН ЗА РУБЕЖОМ

Самым старейшей технологической долиной в мире (в США и странах Западной Европы их называют научными или бизнес-парками) является научный парк Стэнфордского университета (штат Калифорния), созданный совместно с городом Пало-Альто в 1951 г. в целях достижения технического и технологического превосходства прежде всего перед Советским Союзом и обеспечения не только финансирования со стороны частного сектора экономики научных разработок, созданных в университетской среде, но и их скорейшего продвижения на рынок. Официальное наименование «Стэнфордский промышленный парк» было изменено в 1970-х гг. на «Стэнфордский исследовательский парк», чтобы более четко обозначить главную цель его создания — взаимовыгодное сотрудничество университета и технологических компаний, что позволяет Стэнфордскому университету получать значительные денежные отчисления за научно-исследовательские разработки, уплачивая налоги городу, на территории которого и располагается этот бизнес-парк. В настоящее время он объединяет более 150 компаний, являющихся «мозговым эпицентром Силиконовой долины», на территории размером 2,8 км². Причем выполнявшиеся научно-исследовательские разработки в этом исследовательском парке для Пентагона всегда получали государственное обеспечение при использовании технологий венчурного финансирования [5].

На современном этапе исходя из американской доктрины образования вузовский научный парк должен быть юридическим лицом:

- обладающим на праве собственности недвижимостью в виде земельного участка, зданий и сооружений на нем или способным в кратчайшее время получить такой участок в собственность для проведения в интересах государства или частного бизнеса научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также размещения наукоемких фирм и сервисных служб;

- заключившим договор о сотрудничестве с университетом или другим высшим учебным заведением, в том числе на контрактной основе [6];

- поддерживающим связи с университетом или его структурным подразделением в целях создания

новых предприятий, в том числе на началах совместного финансирования;

- способствующим укреплению связей университета с промышленностью в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР);

- оказывающим помощь в передаче технологий и обмене знаниями в области бизнеса между университетом и фирмами, расположенными на территории технопарка [6].

В 1970–1980-х гг. идея развития научных парков получила свое развитие в странах Западной Европы (Исследовательский парк университета София-Антиполис (Ницца); Зона научных и технических нововведений и производства (ZIRST) (Гренобль); Левен-ла-Нев (Бельгия); Кельнский технопарк (Германия); Хэриот-Уатт (Эдинбург), научный парк «Тринити колледж» (Кембридж) и др.). При этом понятие «исследовательский парк» трактовалось по-разному в зависимости от страны, где он создавался, и даже от вуза, на базе которого он начинал работать. Так, в рамках доктрины Великобритании научный парк — это «группа производственных наукоемких фирм или исследовательских организаций, которые:

- размещены неподалеку от ведущего исследовательского университета на участке земли с минимально измененным ландшафтом;

- пользуются выгодами от взаимодействия с этим университетом на основе формирования системы производств и прикладных исследований, соответствующих по профилю источнику научно-технического прогресса и расположенных рядом с ним» (определение Кембриджского университета).

Ассоциация научных парков Великобритании предлагает иной содержательный концепт этого понятия: «научный парк — это организация, основанная на праве частной собственности и поддерживающая официальные и рабочие связи с университетом, другим высшим учебным заведением или ведущим научно-исследовательским центром и созданная для содействия формированию и развитию наукоемких фирм и других организаций, обычно размещающихся на определенной территории, которая выполняет функцию активного управления передачей технологий и знаний в области бизнеса организациям, расположенным на ее территории» [6].

Таким образом, в так называемых англо-саксонских странах на сегодняшний момент существуют три разновидности научно-исследовательских конгломератов:

1) научно-технологические парки наподобие Силиконовой долины, представляющие собой симбиоз вуза, конструкторских бюро и промышленного производства;

2) исследовательские парки, в которых вузовские научно-исследовательские разработки «доводятся» до уровня промышленного образца или реже полезной модели;

3) бизнес-инкубаторы (США) и инновационные центры (Великобритания), в которых частные корпорации получают на праве аренды недвижимое имущество, а также лабораторное оборудование, находящееся в собственности у вузов, и имеют возможность покупать существующие научно-исследовательские разработки или заказывать их.

Из-за различия в правовых системах стран Западной Европы, а также разных принципов финансирования исследовательские парки наподобие американских аналогов не «прижились», так как довольно быстро обнаружилось непреодолимые обстоятельства в виде ряда сложностей в:

а) юридическом оформлении авторского права и права патентной собственности;

б) составлении дорожной карты по завершению производственного цикла от самой идеи до ее промышленного воплощения и, главное, реализации;

в) наличии промышленного производства не только для создания промышленного образца, но и последующего серийного производства;

г) финансировании отдельных этапов «продвижения» проекта.

Все это привело к тому, что в странах Западной Европы стали превалировать не научные (исследовательские) парки, требующие как значительных финансовых вложений, так и соответствующего технологического производства, а их так называемые «малые формы» — бизнес-инкубаторы и инновационные центры, которые соблюдают принципы организации, сходные с технопарками. Однако в отличие от последних они не возникают на базе образовательной организации высшего образования или ее структурных научно-исследовательских подразделений, а представляют собой исключительно коммерческие структуры, ориентированные на коммерциализацию научных разработок, имеющую целью «оживление» частного сектора экономики и в силу этого факта субсидируются из государственного бюджета. Кроме того, если технопарк ориентирован всегда на высокие технологии, бизнес-инкубаторы призваны решать менее крупные задачи, нацеленные на подготовку квалифицированных кадров именно для бизнеса.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. идея технопарков и бизнес-инкубаторов получила свое развитие в странах Азии, Океании, Латинской Америки [Цукуба в Японии (в районе горы Цукуба на юге префектуры Ибараки), Пекинская экспериментальная зона развития новых технологий в районе Хайдань в Китае, технопарк Керала в Индии]. Технопарки стали также создаваться в Канаде, Сингапуре, Австралии, Бразилии, Малайзии). При этом развитие технопарков в этих странах стало проводиться немного по-иному, чем в США и странах Западной Европы.

На условном Востоке получили развитие две модели — китайская и японская. Так, в Китае первый технопарк был открыт в городе Шэньчжэнь в 1985 г. с целью привлечения иностранных инвестиций для развития экономики КНР, а сегодня в рамках выполнения стратегии «Четыре направления» (оказание друг другу взаимопомощи и поддержки, содействие совместному развитию, обеспечение всеобщей безопасности, укрепление многовековой дружбы), объявленной в 2012 г. в выступлении на саммите «Китай — Центральная Азия» председателем КНР Си Цзиньпином³, которая предусматривает создание крупных инновационных платформ. К окончанию 14-го пятилетнего плана (2021–2025 гг.) в Китае число государственных зон освоения новых и высоких технологий (технопарков) должно увеличиться до 220 единиц⁴.

В Японии получила широкое признание и хорошо зарекомендовала себя модель «технополисов» — создание новых городов для развития исследований в самых передовых отраслях науки наукоемкого промышленного производства [7]. С 1983 г. стал действовать специальный проект «Технополис» по созданию сети промышленных парков. На сегодняшний день образованы 19 технополисов вокруг местных университетов и колледжей, которые должны не только готовить инженерно-технические и научно-исследовательские кадры для высокотехнологичных отраслей промышленности, но и проводить совместные с предприятиями научные исследования и реализовывать их результаты в промышленном производстве. По аналогу с японскими технополисами создана часть французских и нидерландских научно-исследовательских и производст-

³ URL: <https://chinarus.online/2023/05/19/si-czinpin-nazvalchetyre-napravleniia-stroitelstva-soobshestva-edinoi-sydney-kitaia-i-centralnoi-azii>.

⁴ Единая отраслевая платформа по электронике, микроэлектронике и новым технологиям. URL: <https://industryhunter.com/v-knr-obavleno-o-sozdanii-220-gosudarstvennyh-zon-osvoenia-novyh-i-vysokih-tehnologij-k-2025-godu>.

венных центров [8, с. 101]. Следует заметить, что эта форма организации взаимосвязи науки и производства Японией была «позаимствована» у СССР, на территории которого в послевоенные годы стали создаваться «наукограды», где их создание было связано с выполнением значимых технических и технологических программ по развитию атомной, ракетно-космической, военной промышленности. Под определение «наукоград» в советский период подпадали «засекреченные» города и поселки, градообразующими предприятиями которых были научные, научно-производственные и другие организации, связанные с научно-техническим развитием государства. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 07.04.1999 № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» (ред. от 20.04.2015) современный наукоград — это «муниципальное образование со статусом городского округа, имеющее высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом», объединяющее в научно-производственный комплекс научные организации, производственные организации и хозяйственные общества или партнерства, созданные научными организациями или вузами, занимающимися внедрением результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат указанным организациям.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ДОЛИН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В России в начале 1990-х гг. также начала формироваться первая волна технопарков на основе специальной программы Министерства экономики РСФСР по поручению Правительства РСФСР «Технопарки России» с целевым финансированием научно-технических вузов по созданию на их базе наукоградов для продвижения разработок, которые в них создавались.

Все российские технопарки, созданные в этот период времени, не обладали ни собственной развитой инфраструктурой, ни подготовленными кадрами для решения задач коммерциализации научно-исследовательских разработок, созданных в лабораториях при них. Самым первым технопарком был «Томский научно-технологический парк» (1990 г.), на год распада Советского Союза их уже было 43 единиц.

Следует заметить, что все эти технопарки были созданы по американскому образцу без учета российских национальных особенностей и традиций образовательной среды. Поэтому первоначально при их создании ставилась задача во что бы то ни стало добиваться получения прибыли, что ориентировало их

на исключительно коммерческую, а не предпринимательскую деятельность в рамках подобных комплексов. Именно этим и обусловлен тот факт, что технопарки в таком виде не стали привлекательными ни для лиц, занятых научно-исследовательской работой, ни для предпринимателей, ни для самих вузов, вынужденных в отсутствие государственного финансирования самостоятельно обеспечивать эффективную деятельность подобных технопарков, при этом совершенно упуская из виду, что инновационная деятельность не может быть высокодоходной в принципе. Как отмечает А.Р. Нурутдинова, в своей деятельности технопарки преследовали только научно-технические интересы, [поэтому] показатели образовательной деятельности практически не применялись, тем самым в полной мере не использовался потенциал вуза [9, с. 31–32].

В этой связи особое внимание следует уделять обучению студентов предпринимательству, обращая особое внимание на:

- технологии создания студенческих стартапов;
- подготовку кадров в рамках развития так называемой третьей миссии университетов для экономики предложений как следующего этапа после экономики знаний, объявленной основополагающей на современном этапе развития нашей страны Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в июне 2023 г. на Петербургском международном экономическом форуме;
- развитие инфраструктуры исследования в вузах⁵;
- совершенствование научных школ (инженерных школ, прежде всего) как особых творческих коллективов, в которые входят представители администрации вуза, профессорско-преподавательского состава, студенты и выпускники вузов, результатом чего должно стать как студенческое, так и академическое предпринимательство;
- увеличение числа предпринимательских вузов [10], участвующих в обеспечении экосистемы региональной экономики, используя ресурсы технопарков, бизнес-инкубаторов, инновационных центров, центров трансфера технологий, необходимых для претворения результатов интеллектуальной деятельности научных организаций и вузов в коммерческом продукте⁶.

⁵ Обучение предпринимательству в вузах России и мира: зачем, как и с какими результатами? М.: НИУ ВШЭ; 2020. 48 с.

⁶ Конкурс на создание центров трансфера технологий. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/announcements/63770>. Основные задачи центров трансфера

По данным на 2022 г.⁷ в 69 субъектах Российской Федерации уже действовали, создавались или имели намерения функционировать 125 промышленных (индустриальных) технопарков, агропромышленных технопарков (агробиотехнопарков), технопарков в сфере высоких технологий, педагогических технопарков «Кванториум», созданных при 33 педагогических вузах, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации, в рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование», и иных вузовских технопарков (на 16 июля 2023 г. их насчитывалось 68 единиц, в том числе научный парк МГУ им. М.В. Ломоносова; техноград Петрозаводского государственного университета; технопарк «Высокие технологии» Белгородского государственного университета и др.)⁸. Кроме того, приказом Минобрнауки России от 11.01.2023 № 29 «Об утверждении перечня федеральных инновационных площадок на 2023 год» в сфере высшего и соответствующего дополнительного профобразования утверждено 130 организаций высшего образования, при которых должны будут функционировать технопарки.

В отличие от своих аналогов из западных стран, российские вузы не имеют значительной собственной территории, позволяющей создать единый кампус и располагать на нем технопарки, нет достаточного опыта предпринимательской деятельности, что и выразилось в трактовке технопарков лишь как структурного подразделения вуза, предназначенного для использования рыночных инструментов воздействия на компании–резиденты технопарка. Все это повлияло на развитие практики создания технопарков в виде индустриальных парков при таких промышленных гигантах, как КАМАЗ или УралМаш⁹.

Для того, чтобы вузовские технопарки действительно «заработали» на территории нашей страны, необходимо, чтобы обеспечивалась реализация полного инновационного цикла от выдвижения идеи (вуз как ее генератор) до ее воплощения в промышленной образце или полезной модели с получением соответствующего свидетельства или патента (научоемкие фирмы как

технологий — вовлечение исследователей в решение технологических и бизнес-задач компаний и корпораций, а также привлечение организаций реального сектора экономики в качестве заказчиков и партнеров к реализации НИОКР.
⁷ URL: https://russiaindustrialpark.ru/tehnopark_catalog_perecheny_spisok_russia.

⁸ Технопарки России и Беларуси — 2022: ежегодный обзор. Москва: АКИТ РФ; 2022. 113 с.

⁹ Технопарки в России (РА Эксперт). URL: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/tehnopark-history-russia>.

создатели научно-технической продукции) и выхода на производственные мощности (производство) [11]. Однако исследователи в этой сфере отмечают, что до сих пор существует «конфликт интересов», при котором, с одной стороны, основная цель деятельности вузов — подготовка высококвалифицированных кадров, а с другой стороны, задачей технопарка как бизнес-структуры является осуществление предпринимательской деятельности и получение прибыли.

Кроме того, вузовский технопарк пока еще не может считаться независимым субъектом потому, что представляет собой структурное подразделение вуза (примером может быть межфакультетский технопарк универсальных педагогических компетенций, определяемый как «современное, технологически насыщенное образовательное пространство университета для педагогического проектирования, приобретения студентами опыта реализации междисциплинарных и метапредметных проектов, организации исследовательской работы, формирования функциональной грамотности, а также как площадка для проведения оценочных процедур в рамках мониторинга качества педагогического образования»¹⁰), подчиняясь в своей деятельности уставу последнего; такой технопарк сильно зависит от бюджетного финансирования (федерального, регионального, городского); при этом в основном его деятельность направлена на поддержку предприятий, созданных профессорско-преподавательским составом, научными сотрудниками и обучающимися конкретного университета, что обуславливает «закрытость университетских технопарков для малых инновационных предприятий из региона» [12].

ВЫВОДЫ

Технопарк, созданный при организации высшего образования, призван реализовывать связь вузовской науки и промышленной инновационной экономики, что и является главной целью его создания, поэтому для ее достижения необходимо:

- всячески «содействовать реализации инновационного потенциала вуза путем вовлечения профессорско-преподавательского состава, научно-педагогических кадров, студентов, аспирантов и докторантов в инновационную деятельность и повышение на ее основе качества образовательной деятельности высшего учебного заведения;
- создавать условия для развития научно-технического предпринимательства, производственного

¹⁰ URL: <https://mordgpi.ru/tehnopark>.

освоения научных знаний и наукоемких высоких технологий;

- обеспечивать коммерциализацию результатов исследований и повышение их технического уровня и конкурентоспособности;
- оказывать всяческое содействие передаче разработок на рынок в виде инновационных продуктов, технологий и услуг для удовлетворения потребностей общества;
- повышать роль университета и технопарка как центра развития инновационных процессов в регионе» [9, с. 36].

На современном этапе государственно-экономического развития вузовские технопарки должны входить в экосистему региона, на территории которого они находятся. Но это может произойти только при условии

выполнения в полной мере новой роли вузов — реализации предпринимательской инновационной функции, заключающейся в создании высокотехнологических компаний при помощи именно университетского технопарка, а точнее, его управляющей компании и/или компаний-резидентов, задачей которых становится обеспечение «перехода от создания новых знаний в стенах университета к их использованию», выраженных в коммерциализации научно-исследовательских, технических и технологических разработок, созданных в вузах [12]. Особую роль должны будут сыграть малые инновационные предприятия в виде хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств [13], которые могут создаваться вузами в соответствии со ст. 103 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богоудинова Р.З., Казакова У.А. Профессиональная подготовка специалистов к новым технологическим условиям. *Бизнес. Образование. Право*. 2022;61(4):371–375. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.426
2. Прокофьев С.Е., ред. Экосистема вузов: трансформация российской системы образования. Монография. М.: ИНФРА-М; 2022. 485 с. DOI: 10.12737/1901313
3. Некипелова И.М., Некипелов Э.Ш. Человеческий капитал личности: vital, soft, hard, meta и mental skills. *Социально-экономическое управление: теория и практика*. 2022;18(1):60–75. DOI: 10.22213/2618–9763–2022–1–60–75
4. Kondratyev V.V., Kazakova U.A., Kuznetsova M.N. Development and implementation of the module “engineering, education and pedagogy in industry 4.0” in the structure of the curriculum “innovative pedagogy for teachers of engineering universities” (IPET). *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022;390:632–643.
5. Мусостов З.Р., Дудаев Т.-А. М., Сайдулаева Д.М. Венчурное финансирование как источник развития инновационной деятельности предприятий. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020;(12):362–367.
6. Лазарев В.С., Демещик Т.А. История и зарубежный опыт создания и деятельности технопарков и бизнес инкубаторов (инновационных центров). Развитие инновационной инфраструктуры республики. Республиканский семинар: Сборник докладов научно-практического семинара «Опыт создания и перспективы развития инновационной инфраструктуры республики». Минск: Государственный комитет по науке и технике; 2004.
7. Туарменский В.В., Кострова Ю.Б., Шибаршина О.Ю. Университеты и технопарковые структуры: межстрановой анализ опыта взаимодействия. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2019;22(2):117–124.
8. Иванова О.Е. Критический анализ зарубежного опыта создания технопарковых структур. *Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического университета*. 2018;81(2):97–110.
9. Нурутдинова А.Р. Предпосылки формирования и развития инновационной структуры на базе университета. *Образовательные технологии*. 2012;(2):31–49.
10. Кириенко А.П., Красикова Т.Ю. Развитие инфраструктуры поддержки студенческого предпринимательства на примере университетов — участников программы «Приоритет-2030». *Экономика образования*. 2023;(2):36–53.
11. Беркович М.И., Антипина Н.И. Являются ли российские технопарки технопарками? *ЭКО*. 2016;499(1):94–108.
12. Павелъ Е.В., Кудряшова Т.В. Роль технопарковых структур университета в инновационном развитии региона. *Вестник института экономики и управления Новгородского государственного университета*. 2018;29(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tehnoparkovyh-struktur-universiteta-v-innovatsionnom-razviti-i-regiona>.
13. Серова О.А. Технологические компании как элемент предпринимательской экосистемы университетов. *Гражданское право*. 2022;(2).

REFERENCES

1. Bogoudinova R.Z., Kazakova U.A. Professional training of specialists for new technological conditions. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;61(4):371–375. (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.426
2. Prokofiev S.E., ed. Ecosystem of universities: transformation of the Russian education system. Monograph. Moscow: INFRA-M; 2022. 485 p. (In Russ.). DOI: 10.12737/1901313
3. Nekipelova I.M., Nekipelov E.S. Human capital of personality: vital, soft, hard, meta and mental skills. *Social'no-ehkonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika = Socio-economic management: theory and practice*. 2022;18(1):60–75. (In Russ.). DOI: 10.22213/2618–9763–2022–1–60–75
4. Kondratyev V.V., Kazakova U.A., Kuznetsova M.N. Development and implementation of the module “engineering, education and pedagogy in industry 4.0” in the structure of the curriculum “innovative pedagogy for teachers of engineering universities” (IPET). *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022;390:632–643.
5. Musostov Z.R., Dudaev T.-A.M., Saidulaeva D.M. Venture financing as a source of development of innovative activity of enterprises. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(12):362–367. (In Russ.).
6. Lazarev V.S., Demeshchik T.A. History and foreign experience in the creation and operation of technoparks and business incubators (innovation centers) / Development of innovative infrastructure of the republic. Republican seminar: Collection of reports of the Republic of Science and Practice. seminar “The experience of creating and prospects for the development of innovative infrastructure of the Republic”. Minsk: State Committee for Science and Technology; 2004. (In Russ.).
7. Tuarmenskiy V.V., Kostrova Yu. B., Shibarshina O. Yu. Universities and technopark structures: cross-country analysis of interaction experience. *Ehkonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and socio-humanitarian studies*. 2019;22(2):117–124. (In Russ.).
8. Ivanova O.E. Critical analysis of foreign experience in creating technopark structures. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo inzhenerno-ehkonomicheskogo universiteta = Bulletin of the NGIEI*. 2018;81(2):97–110. (In Russ.).
9. Nurutdinova A.R. Prerequisites for the formation and development of an innovative structure based on the university. *Obrazovatel'nye tekhnologii = Educational technologies*. 2012;(2):31–49. (In Russ.).
10. Kiriyenko A.P., Krasikova T.Y. Development of infrastructure to support student entrepreneurship on the example of universities participating in the Priority-2030 program. *Ehkonomika obrazovaniya = The economics of education*. 2023;(2):36–53. (In Russ.).
11. Berkovich M.I., Antipina N.I. Are russian technoparks technoparks? *ECO*. 2016;499(1):94–108. (In Russ.).
12. Pavel E.V., Kudryashova T.V. The role of technopark structures of the university in the innovative development of the region. *Vestnik instituta ehkonomiki i upravleniya Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Economics and Management of Novgorod State University*. 2018;29(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tehnoparkovyh-struktur-universiteta-v-innovatsionnom-razvitii-regiona>. (In Russ.).
13. Serova O.A. Technology companies as an element of the entrepreneurial ecosystem of universities. *Civil law*. 2022;(2). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Владиславовна Попова — доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор департамента международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna V. Popova — Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6019-8878>

avpopova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.05.2024; принята к публикации 21.07.2024.

The article was received 12.05.2024; accepted for publication 21.07.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.